

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт языкознания

**ВЛИЯНИЕ
СОЦИАЛЬНЫХ
ФАКТОРОВ
на
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
И
РАЗВИТИЕ
ЯЗЫКА**

Ответственные редакторы
доктора филологических наук
Ю.Д. ДЕШЕРИЕВ, Л.П. КРЫСИН

Москва "Наука"
1988

ББК 81
ВЛ 57

Авторы:

Ю.Д. ДЕШЕРИЕВ, М.В. ПАНОВ, Э.Г. ТУМАНЯН, Т.Б. КРЮЧКОВА,
В.К. ЖУРАВЛЕВ, А.Н. БАСКАКОВ, Л.П. КРЫСИН, В.Ю. МИХАЛЬЧЕНКО,
С.И. ТРЕСКОВА, Г. ГУСЕЙНОВ, А.И. ЧЕРЕДНИЧЕНКО

Рецензенты:

канд. филол. наук *К.В. Бахмян*, д-р филол. наук *А.Д. Швейцер*

**Влияние социальных факторов на функционирование и раз-
ВЛ 57 витие языка. — М.: Наука, 1988. — 200 с.**
ISBN 5-02-010855-3

Книга посвящена исследованию путей и форм влияния социальных факторов на язык: как отражаются в языке изменения в социальной, экономической, культурной жизни общества; каков механизм взаимодействия собственных, внутренних законов существования языка и закономерностей, характерных для развития его общественных функций; может ли человек управлять языковыми процессами и др. Охватывается большой фактический материал, относящийся к прошлому и настоящему у славянских, тюркских, кавказских и других языков. Для лингвистов различного профиля, социологов, преподавателей, аспирантов.

В 4602000000-398 298-88—1
042(02)-88

ББК 81

Научное издание

**ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ
НА ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЯЗЫКА**

Утверждено к печати Институтом языкознания АН СССР

Редактор издательства Л.М. Гаврилова

*Художник С.А. Резников. Художественный редактор Г.П. Валлас
Технический редактор В.В. Лебедева. Корректор Л.А. Агеева*

Набор выполнен в издательстве
на электронной фотонаборной системе

ИБ. N 35875

Подписано к печати 31.12.87. Формат 60X90 ¹/₁₆. Бумага офсетная N 1
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл.печ.л. 12,5. Усл.кр.-отг. 12,9
Уч.-изд.л. 15,7. Тираж 1700 экз. Тип. зак. 2172. Цена 2р. 70к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

ISBN 5-02-010855-3

© Издательство "Наука", 1988

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая книга посвящена одной из актуальных проблем современной лингвистики — проблеме влияния социальных факторов на язык.

Несмотря на то, что в этой области имеются многочисленные исследования, ряд аспектов социальной обусловленности языка остается недостаточно выясненным. Так, во многом неясен сам механизм воздействия социального на язык, соотношение спонтанного и сознательного начал в социальной обусловленности языкового развития и функционирования, формы отражения социальной действительности в структуре языковых единиц и в их взаимоотношениях и некоторые другие.

Разумеется, данная работа не может претендовать на исчерпывающее освещение даже части этих вопросов. Однако авторы делают попытку, во-первых, показать трудности теоретического характера, стоящие на пути изучения социальной обусловленности языка, во-вторых, продемонстрировать различные формы влияния социального как на развитие языка, так и на его использование в разных сферах общения, в-третьих, выявить специфику социальной обусловленности языка в зависимости от типологических особенностей конкретных языков и от характера социального контекста, в котором существует и развивается каждый язык.

Первая глава книги, написанная Ю.Д. Дешериевым, посвящена теоретическим аспектам изучения социальной обусловленности языка. Здесь рассматриваются такие вопросы, как природа и структура социальных факторов, их классификация, соотношение социальных и внутренних закономерностей в развитии и функционировании языка, специфика воздействия социальных факторов на разные уровни языковой структуры.

Во второй главе рассмотрены некоторые проблемы диахронической социолингвистики, а именно: механизм и причины фонетических изменений и место среди этих причин разнообразных социальных стимулов (М.В. Панов); соотношение спонтанного и общественно детерминированного в развитии языка (Э.Г. Туманян), особенно в эволюции таких "социально чувствительных" областей языка, как общественно-политическая лексика и терминология (Т.Б. Крючкова). Показана важность изучения широкого социального контекста при исследовании истории литературных языков (В.К. Журавлев).

Влияние социальных факторов на разные уровни языковой структуры изучается авторами третьей главы. Известно, что наибольшее воздействие социального испытывает на себе лексико-семантическая система языка. Этому посвящены два первых раздела главы, где описаны различные "следы" такого воздействия в лексических системах тюркских языков (А.Н. Баскаков), в семантической структуре некоторых классов глагольной лексики русского языка (Л.П. Крысин). Соотношению различных сфер общения с функционально-стилистическими разновидностями языка посвятила свою статью В.Ю. Михальченко, С.И. Трескова в заключительном разделе этой главы исследует социальные и социопсихологические условия синтаксической вариативности языков при их пиджинизации и креолизации.

В четвертой главе книги исследуется роль социальных факторов в процессах взаимодействия и взаимовлияния языков. Эта тема достаточно хорошо разработана в современной советской социалингвистике (см., в частности, предыдущие публикации сектора социальной лингвистики Института языкознания АН СССР — такие, как "Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху" (М., 1969—1976. Т. I—IV), "Проблемы двуязычия и многоязычия" (М., 1972), книги Ю.Д. Дешериева "Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе" (М., 1966), "Развитие национально-русского двуязычия" (М., 1976), "Социальная лингвистика" (М., 1977) и некоторые другие).

Тем не менее и здесь еще остается простор для новых исследований. Так, социальные условия взаимодействия типологически различных языков (нахских и тюркских) и результаты этого взаимодействия, не получавшие до сих пор достаточного освещения в научной литературе, описываются Г. Гусейновым. Судьбе бывших колониальных языков в освободившихся от империалистического гнета странах посвящена статья А.И. Чередниченко.

При всей широте затронутых в книге проблем их рассмотрение объединяется стремлением авторов показать сложность влияния социальных факторов на язык и неодинаковую подверженность этому влиянию разных участков языковой системы. Если попытаться кратко сформулировать основную мысль книги, то она прозвучит примерно так: будучи явлением глубоко социальным, язык испытывает на себе влияние общества, которое имеет самые разнообразные виды и формы — от чисто внешней обусловленности языкового развития и функционирования до проникновения социального в семантику и грамматику языковых единиц.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ЯЗЫКА

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Классики марксизма-ленинизма убедительно доказали, что язык — продукт общества, язык как продукт индивида — фикция. Как показано в советской социалингвистической литературе, из всех приобретенных человека и человеческого общества самыми первыми, самыми важными и самыми необходимыми были и остаются труд, сознание и язык, которые развились в неразрывной взаимосвязи. Таковыми они останутся, пока существует человек, общество. Здесь необходимо повторить широко известные положения классиков марксизма: Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь, — писал Ф. Энгельс, — явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых развился человеческий мозг [Т. 20. С. 490] К. Маркс и Ф. Энгельс указывали: "Язык так же древен, как и сознание; язык *есть* <...> действительное сознание, <...> подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми" (Т. 3. С. 29). В этой связи следует вспомнить указание К. Маркса и Ф. Энгельса на то, что "язык *есть* практическое существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого (разрядка наша. — Ю.Д.) действительное сознание" [Там же]. Таким образом, для индивида, для меня язык существует лишь постольку, поскольку существует для других. Этим также подтверждается социальная, коммуникативная сущность языка, его социальная, а не индивидуальная природа. Индивид может придумать новое слово или словосочетание в новом значении и предложить его обществу. Если общество примет их, то такое слово, словосочетание станут фактами языка и речи. Изучение языка писателя, стиля и особенностей образной системы его языкового мышления имеет важное значение. Но это эстетический аспект лингвистического исследования художественной литературы. Что же касается познания природы языка, закономерностей его функционирования и развития, то их нельзя познать, изучая лишь особенности речи. Достаточно указать на то, что мы не знаем ни одной фонемы, ни одной грамматической категории естественного языка, созданных индивидом.

Магистральный путь познания природы языка, его сущности и закономерностей его функционирования и исторического развития — это путь познания его социальной природы наряду с познанием сущности внутренних законов языка.

Правильное понимание социальной сущности языка имеет определяющее значение для познания законов исторического развития, функционирования и взаимодействия языков; для познания влияния общества и индивида на язык; для познания роли языка в жизни общества и индивида; для познания роли языка в развитии человечества в прошлом, настоящем и будущем.

Проблема взаимоотношения социального и внутривидового в языке относится к кардинальным проблемам науки о языке. Методологическая, общетеоретическая позиция исследователя во многом определяется его подходом к этой проблеме.

Представители некоторых направлений зарубежного языкознания пытаются изолировать внутривидовое (или видовое) от социального. Так, один из основателей глоссематики Л. Ельмслев отстаивал "понимание языка как чистой структуры соотношений, как схемы, как чего-то такого, что противоположно той случайной <...> реализации, в которой выступает эта схема" [1965. С. 106]. Следуя Л. Ельмслеву, Х.И. Ульдалль пытался устранить влияние "человеческого фактора" на язык, т.е., влияние социального, общества на язык [1960. С. 405—406].

Невозможно устранить влияние "человеческого фактора", социального на язык. Ведь структурное формируется в процессе речевой практики, деятельности людей. Структурная организация языка — это материализация социального. Не существует языка без социального. Точно так же нет языка без структурного. Язык — это материализованное единство социального и структурного. В сущности говоря, структурное — это систематизированная организация социализованных соотношенных элементов звуковой материи. Сложное социализованное — это социализованные соотношения звуковых элементов. Таким образом, социальное и структурное, взаимопроникая, становятся единством. Лексическое, грамматическое, идеологическое, эстетическое, познавательное, функциональное выступают в языке как специфические проявления социального.

Существуют ли другие пути, возможности возникновения и развития структуры языка? Мы отбрасываем религиозные предположения о божественном творении языка и мистику, а также другие идеалистические толкования происхождения и развития языка, его структурных особенностей. Остается единственно возможный научно обоснованный подход — формирование и развитие структуры языка в процессе речевой практики, деятельности человеческого коллектива. Индивид не мог творить сам для себя языковую структуру.

Таким образом, взаимоотношение между социальным и структурным исторически обусловлено рождением социализованных отношений между людьми в человеческом обществе. Таких социализованных отношений нет между животными. «... животное не "относится" ни к чему и вообще не "относится", — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — для животного его отношение к другим не существует как отношение» [Т. 3. С. 29].

Анализируя проблему отношений в языковой структуре в широком диалектико-материалистическом плане, следует учитывать то, что в

функционировании языка, его структурных единиц проявляется бесконечное множество самых различных отношений. Но как показано в советской социалингвистической литературе, общественным сознанием выделяются только те отношения, которые социально существенны, осмыслены обществом. Стало быть, главным критерием выделения социализированных отношений из множества отношений, проявляющихся в процессе функционирования и развития языка, его структурных элементов, является критерий социальности. Тем самым отношения в языке становятся лингвистически существенными лишь благодаря их социальной сущности.

В недооценке социальной сущности языка заключается одно из основных методологических и теоретических пороков некоторых направлений структурализма и биологизма в языкознании.

О ПРИРОДЕ СОЦИАЛЬНОГО ФАКТОРА

Что такое социальный фактор (СФ), какова его природа в социально-лингвистическом освещении?

Ниже представленная характеристика не является исчерпывающе полной. Это лишь первый опыт анализа его природы.

Социальный фактор — сложное явление. Все элементы, категории языка рождаются, формируются в процессе взаимодействия социальных факторов, в условиях конкретной речевой деятельности (практики) людей. Социальный фактор — это социальный факт или системно организованное социальное действие разной структуры в обществе, в определенной сфере человеческой деятельности. Социальный фактор в процессе речевой деятельности (практики) порождает, обуславливает конкретное проявление социальности языка. Многообразие социальных факторов вызывает многообразие конкретного проявления социальности языка.

Во-первых, социальный фактор может представлять собой социальное действие, всегда целенаправленное, преследующее определенную цель познавательного, эстетического, идеологического, нравственно-этического содержания и т.д.

Во-вторых, социальный фактор может представлять собой определенную идею, познавательную, идеологическую, эстетическую, этическую (нравственно-этическую), целую концепцию и влиять на язык в целом, определять его судьбу, его настоящее и будущее. Так, марксистско-ленинская национальная политика как идеологическая концепция провозгласила принцип свободы языков, их беспрепятственного функционирования и развития. В результате языки малых народностей, обреченные на вымирание при царизме, стали письменными, литературными и получили возможность развиваться.

Социальный фактор глобального значения влияет и на отдельные факты, элементы языка. К примеру, слово как одна из основных единиц языка под действием социального фактора глобального характера может приобрести определенное идеологическое значение. Например, слово *совет* приобрело значение органа государственной власти под влиянием марксистско-ленинской идеологии и революционной практики рабочих России.

Социальный фактор имеет свою структуру. Главными элементами ее являются: 1) субъект действия (активная действующая сила); 2) объект воздействия (т.е. объект, на который воздействует субъект как активно действующая сила); 3) среда, к которой относится субъект действия; 4) среда, к которой относится объект действия; 5) средства действия субъекта; 6) цели и задачи действия субъекта. Каждый из этих элементов или параметров социального фактора имеет свое строение.

Такой социальный фактор, как среднее общее образование, характеризуется в нашей стране следующими параметрами: в функции субъекта действия выступают органы народного образования; объектами воздействия служат все сферы материальной и духовной культуры в национальных республиках; среда субъекта действия представлена органами народного образования в союзных, автономных республиках, областях и округах; среда объекта действия — все сферы трудовой деятельности людей в национальных регионах; цели и задачи — организация обучения на родном и русском языках при обеспечении развития и распространения национально-русского двуязычия и т.д. В функции субъекта действия могут выступать индивид, микроколлектив, макроколлектив.

Действие того или иного социального фактора может специфически проявляться в языке и речи. Так, некоторые представители дореволюционной московской интеллигенции еще в 40-х годах слово *библиотека* произносили с ударением на третьем гласном от начала слова (*библио́тека*), вопреки общепринятому произношению этого слова в то время в Москве с ударением на предпоследнем гласном. Часть ленинградских русистов в 40-х годах отстаивали мнение, согласно которому следует считать нормой русского литературного языка произнесение слова *приве́денный* (с ударением на втором гласном от начала слова). Московские русисты полагали, что нужно признать нормой произнесение этого слова с ударением на предпоследнем слоге (современная норма). В свое время налагался запрет на употребление слова *прогресс* из политических соображений, но идеологические и политические противники царизма широко употребляли это слово.

Территориальные диалектные различия обусловлены речевой практикой соответствующих групп носителей того или иного языка. "В ряде северновеликорусских говоров в соответствии с *e* или *ie* (а иногда и с простым *e*) перед твердыми согласными наблюдается *и* в положении перед мягкими согласными, например: *хл'еб*, *хлиеб*, но *хли'йб'ец*, *белой*, но *б'ил'енкой*, *свет*, *свиет*, но *св'ит'ит* "светит" и т.д. [Кузнецов. 1960. С. 49].

Социальные факторы могут обуславливать профессиональную дифференциацию языка: слово *добы́ча* в русском общепотребительном литературном языке используется в форме только ед. числа с ударением на втором гласном от начала слова. В речи горняков это слово употребляется с ударением на первом слоге (*дббы́ча*), имеет форму мн. числа (*дббвы́чи*).

Социальные факторы порождают определенные формы вежливости,

например в японском [Алпатов. 1973], в языке раджастхани [Хохлова. 1973].

Социальные факторы определяют языковые формы обращения говорящего к собеседнику, взаимодействия двух собеседников (например, обращение подчиненного к начальнику; речевые формы взаимодействия учителя и ученика, отца и сына, продавца и покупателя). В этом отношении показательные следующие слова А.С. Пушкина: "В [светском] обществе вы локтем задели соседа вашего, вы извинитесь — очень хорошо. Но, гуляя в толпе под качелями, толкнули лавочника — вы не скажете ему: pardon. Вы зовете извозчика — и говорите ему: пошел в Коломну, а не — сделайте одолжение, потрудитесь свезти в Коломну"¹.

Весьма различны параметры, признаки, характеризующие социальные факторы: возраст, пол, социальное положение, профессия и т.д. Характеристики социальных ролей также определенным образом характеризуют социальные факторы. "Роли могут быть обусловлены как постоянными или долговременными социальными характеристиками человека: его социальным положением и профессией, возрастом, полом, положением в семье, — так и переменными, которые определяются свойствами ситуации: таковы, например, роли пассажира, покупателя, пациента и нек. др." [Крысин. 1976. С. 43].

Социальных факторов значительно больше, чем ролей. Соответственно преобладают и разнообразные характеристики социальных факторов. Собственно, и роли представляют собой социальные факторы определенного типа. Социальные факторы могут различаться по социально-экономическим формациям, идеологическим, гносеологическим (познавательным), эстетическим, нравственно-этическим и другим признакам.

О КЛАССИФИКАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ

В истории науки о языке трудно найти лингвистическую проблему, которой было бы посвящено столько литературы, сколько проблеме влияния социальных и внутренних факторов на функционирование, развитие и взаимодействие языков. И тем не менее языкознание до настоящего времени не располагает специальным исследованием, в котором были бы рассмотрены вопросы типологии социальных факторов, их влияние на все уровни структуры языка, на развитие его общественных функций.

К социальным факторам относятся факторы, относящиеся к материальной и духовной культуре, они могут быть выдвинуты всеми сферами человеческой деятельности. Охарактеризовать все социальные факторы не представляется возможным. Среди социальных факторов разного типа особого внимания заслуживают факторы, обуславливающие отражение в языке познавательного, эстетического, идеологического, нравственно-этического

¹ Большинство примеров, приведенных выше, взято из книги Л.П. Крысина "Язык в современном обществе" (М., 1977).

Социолингвистические исследования о влиянии социальных факторов на функциональное и внутривидовое развитие языка могут быть четырех типов: 1) исследования общетеоретического, методологического и идеологического характера; 2) исследования, в которых анализируется влияние социальных факторов на развитие общественных функций языка; 3) исследования, посвященные разработке конкретного влияния социальных факторов на явления и элементы всех уровней структуры языка (лексико-семантического, фонологического, морфологического, синтаксического и стилистического); 4) исследования смешанного характера, в которых освещение общетеоретических и методологических проблем сочетается с разработкой конкретных вопросов влияния социальных факторов на уровни языковой структуры.

Здесь сделана попытка рассмотреть некоторые вопросы классификации макросоциальных и микросоциальных факторов, влияющих на функционирование и развитие языка.

В специальной социолингвистической литературе не подвергнуты дифференцированному анализу различные социальные факторы с точки зрения выявления особенностей их влияния на функционирование, развитие и взаимодействие языков в разных типах социумов. Необходимость такого анализа обусловлена тем, что социальный фактор — весьма широкое понятие, охватывающее факторы, явления, процессы, являющиеся продуктом развития общества, деятельности людей.

Вопрос о социальных факторах нуждается в историческом освещении. Так, на ранних этапах формирования и развития языка отсутствовали такие факторы, как политическая организация общества (по Л. Моргану), институты образования разных ступеней, наука. В рабовладельческом обществе еще не возникли многие сферы человеческой деятельности, развившиеся в эпоху капитализма и социализма. Эпоха феодализма не знала многочисленных отраслей современных науки и техники как социальных факторов. Так, по данным специальной литературы, в настоящее время насчитывается около 500 отраслей науки, каждая из которых, представляя специфическую сферу человеческой деятельности, имеет свою собственную развитую терминологию (или терминологию подсистемы науки) и другие особенности. В капиталистическом обществе отсутствовали многие социальные процессы, явления, порожденные идеологией, теорией и практикой социалистического строительства. Вместе с тем следует учитывать и то, что многие социальные факторы, функционирующие, например, в ряде общественно-экономических формаций, действовали и действуют в капиталистическом обществе иначе, чем в условиях социалистического строительства. Одни и те же социальные факторы могут выполнять разные задачи в условиях капитализма и социализма. Например, языковая политика как социальный фактор преследует диаметрально противоположные цели в условиях капитализма и социализма. Буржуазное решение национально-языковых проблем принципиально отличается от социалистического решения этих проблем.

Следует различать социальные факторы максимального общественного значения и социальные факторы минимального общественного значения. Социальные факторы максимального общественного значения оказывают наиболее сильное, определяющее воздействие на языки, на их функционирование, развитие и взаимодействие. К ним относятся факторы максимального социального, теоретического, идеологического, политического значения.

Социальные факторы максимального значения обладают сложной структурой, внутренней филиацией. К социально обусловленным факторам относятся: социально-экономическая формация, средства производства, общественные (производственные) отношения, идеология, наука, культура, искусство, литература (художественная), политическая система общества, языковая политика, система образования, система массовой коммуникации, образ жизни, эстетическая система взглядов общества, этическая система взглядов общества и т.д.

Между перечисленными социальными факторами существуют весьма сложные взаимоотношения. Так, в социально-историческом и идеологическом плане общественно-экономическая формация как социальный фактор возвышается над всеми остальными перечисленными факторами. Художественная культура как духовное явление охватывает в первую очередь искусство и художественную литературу. Что же касается науки, то в ней перекрещиваются факторы идеологического содержания (например, в области общественных наук) с факторами, нейтральными в идеологическом отношении (например, в области естественных и технических наук). Каждый из перечисленных факторов, обладая сложной структурой, имеет свои специфические качественные и количественные характеристики. Ни один из них полностью не покрывается другим. Определение роли и места языковой политики среди социальных факторов — дело трудное.

Каждый социальный фактор максимального общественного значения, обладающий сложной структурой, нуждается в выявлении и анализе его специфических признаков. Языковая политика как социальный фактор имеет свои особенности. Ее социальная сущность определяется идеологией. Национально-языковая политика может служить средством удовлетворения жизненно важных запросов, национальных чаяний каждой нации. Такова главная функция ленинской национально-языковой политики в социалистических странах, сущность социалистического решения национально-языковых проблем. Языковая политика в условиях буржуазного общества может быть использована как орудие подавления национальных культур и языков.

К социальным факторам минимального общественного значения могут относиться содержания отрывков текста, предложения, словосочетания и их части, а также отдельные слова, их части, элементы, служащие носителями значения или выполняющие функции идеологического содержания (грамматическое оформление слова и словосочетания; значение слова и словосочетания, заимствование или калькирование, словообразовательная модель отдельного слова и словосочетания, их элементов и т.д.).

Цели и задачи языковой политики в широком смысле определяются ее отношением к совокупности социальных факторов максимального и минимального общественного значения, подлежащих идейно-политическому и практическому решению.

Частные факты, взятые в совокупности, могут образовать социальный фактор максимального общественного значения (например, создание целой терминологической системы идейно-политического содержания). По своей социальной значимости промежуточное положение между социальными факторами максимального социального значения и социальными фактами минимального социального значения могут занимать, например, пуризм или противоположное негативное явление — засорение языка заимствованиями без нужды, игнорирование внутренних потенциальных возможностей родного языка.

Макросоциальные факторы (например, наука) обуславливают внутривидовое развитие языка. В ходе этого процесса: 1) образуются новые терминологические системы (т.е. происходит развитие лексико-семантической системы языка), развитие которых в том или ином языке в значительной мере зависит от языковой политики; 2) внутренняя дифференциация науки сопровождается развитием общественных функций языка; 3) происходит функционально-стилистическая дифференциация и развитие языка; 4) возникают новые синтаксические явления; 5) могут возникать новые морфологические явления (например, в области словообразования); 6) могут возникать новые явления в области звукового строя (например, заимствование новых фонем; образование новых типов сочетания звуков и т.д.). Перечисленные выше пункты отличают макросоциальный фактор от микросоциального факта, не обуславливающего и не создающего необходимых условий внутривидового и функционального развития языка.

Классификация социальных факторов вызывает необходимость разработки соответствующих методических приемов их изучения. Особенности этих приемов могут быть продиктованы не только внутренними законами языка, но и содержанием социальных факторов, например идеологическим содержанием. Так, буржуазные идеологи стараются использовать в идеологической борьбе разные приемы извращения содержания бытующих в языках слов, терминов в своих целях:

1) замена одних слов другими "идеологически нейтральными" словами и переосмысление слов (*капиталист — предприниматель, работодатель*);

2) замена слов, терминов, выражающих понятия, относящиеся к социалистической идеологии, их переосмысление при извращении их содержания в выгодном для выполнения целей и задач буржуазной идеологии свете. Такому искажению содержания подвергаются, например, общепризнанные термины социалистической идеологии: *революция, социализм, коммунизм, интернационализм* и т.д.

Эти два приема занимают доминирующее место среди средств и приемов извращения идеологического содержания лексико-семанти-

ческих единиц защитниками буржуазной идеологии в борьбе против социалистической идеологии;

3) замена словами из других языков (применяется представителями любой идеологии). Например, в чеченском языке еще до революции употреблялось заимствованное слово *жайна* ~ *джайна* в следующих значениях: "1) книга религиозного содержания (ман); 2) амулет (запись молитвы, вшитая в кожаный мешочек, носимый на шее)" [Мадиев. 1961. С. 182]. Слова же, обозначающего понятие "книга", вообще в чеченском языке не было. Поэтому была сделана попытка идеологической нейтрализации, или деидеологизации, слова *жайна*, в целях употребления его в значении понятия "книга" вообще, независимо от ее содержания: "Терминологический словарь чеченского языка" [Грозный. 1930] назван по-чеченски: "Нохбуц об̆ществeнног политическi терминологическi дӗшнiн жайна", букв. 'Чеченская книга общественно-политических терминологических слов'. Исламское духовенство протестовало против употребления слова *жайна* в таком широком значении, опираясь при этом на религиозные чувства части населения. Для обозначения понятия "книга" было заимствовано русск. *книга*. За словом *жайна* сохранилось его прежнее значение.

Рассматриваемая классификация социальных факторов, относящихся к лексико-семантической системе, нуждается в дальнейшей разработке. Первые два приема появились в процессе борьбы буржуазной идеологии против социалистической. Процессы же, представленные в третьем пункте, могут возникать стихийно или путем сознательного действия людей в любую эпоху существования антагонистических общественных классов. Знание источников и приемов идеологического воздействия на язык помогает правильно анализировать и интерпретировать идеологические извращения в области функционирования, развития, и взаимодействия языков.

Трудно дать в настоящее время единую классификацию огромного количества весьма разнообразных социальных факторов. Здесь выделены лишь основные:

1. Социальные факторы, обусловленные социально-экономическими формациями (рабовладельческий, феодальный, капиталистический способы производства).

2. Макросоциальные (глобальные), микросоциальные (частные) факторы, обусловленные массовой коммуникацией, системой образования и т.д.

3. Позитивные и негативные социальные факторы, обусловленные различной интерпретацией явлений природы и общественной жизни представителями религиозной идеологии.

4. Социальные факторы, обусловленные взаимодействием языков (обогащение или засорение языков).

5. Социальные факторы научно-познавательного значения (макросоциальные и микросоциальные факторы, относящиеся к естественным, общественным и техническим наукам и т.д.).

6. Социальные факторы идеологического содержания (идеология,

языковая политика, идеологическое осмысление языковых единиц и т.д.).

7. Социальные факторы эстетического плана (литература, искусство).

8. Социальные факторы нравственно-этического осмысления явлений общественной жизни.

9. Социальные факторы, относящиеся к социально-профессиональной дифференциации языка.

Более углубленное изучение проблемы классификации социальных факторов и дифференциация каждого из названных типов социальных факторов — задача будущих специальных исследований.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ И ВНУТРЕННИЕ ЗАКОНЫ ЯЗЫКА

Социальная сущность языка проявляется в подверженности его действию социальных факторов. При этом неправомерно рассматривать социальность как что-то внешнее по отношению к языку. Социальность присуща природе языка. В определенном смысле можно сказать, что вне социальности нет языка. Такое понимание природы языка в настоящее время разделяют представители даже диаметрально противоположных научных направлений.

Внутренние законы языка, как и сам язык, не являются ни божьим даром, ни творением природы. Они складываются исторически, стихийно в процессе длительного функционирования и развития языка в рамках речевой практики, деятельности людей. Речевая деятельность, практика представляет собой разновидность социальной деятельности, социальной практики. Вне этой практики, деятельности людей не могут формироваться, складываться внутренние законы языка, как и сам язык.

Как известно, последовательное материалистическое понимание социальной природы языка впервые научно обосновали классики марксизма-ленинизма. Они убедительно доказали, что язык — продукт общества, следовательно, социален по своей природе.

По существу, социальную природу языка признает и один из крупнейших представителей идеалистической философии Б. Рассел: "Язык ... социален в своем существе, происхождении и главных функциях" [1957. С. 39]. Широко известный английский философ-идеалист, не будучи марксистом, разделяет одно из фундаментальных положений марксизма-ленинизма, но при этом Рассел исходит из философской концепции, отвергающей марксизм. Следовательно, социальность языка могут признавать философы, социологи, стоящие на разных философских позициях. Социальную природу языка могут голословно отрицать только те, кто считает, что язык — творение бога, а также сторонники концепции, утверждающей, что язык является естественным даром природы. Рассуждения первых лишены научного доказательства, они удовлетворяют запросы религиозной идеологии, использующей язык для выражения фантастических представлений о природе (бог, пророк, ангелы), для создания слова и понятий различных теологических систем, разнообразных религиозных концепций (*гомилетика* — раздел богословия, рассматривающий теоретические и практические вопросы церковной проповеди; *апологетика* — изложе-

ние основных богословских представлений; *догматика* — систематизированное описание принимаемых богословских утверждений любой религии; *экзегетика* — богословское толкование библейских текстов и т.д.), для извращения и искаженного изображения социальной жизни общества. Мы не можем согласиться с теологическим пониманием природы языка, с использованием языка религией в антинаучных целях. Мы противопоставляем религиозной идеологии пропаганду материалистического понимания природы, общества и человеческого мышления.

Принципиальное значение имеет выяснение роли внутренних законов и социальных факторов в развитии языка. При этом под понятием "развитие" понимаются не всякие эволюционные изменения, а процессы "перехода из одного состояния в другое, более совершенное [СРЯ. III. С. 593], обогащающие язык отражением в нем достижений общества, общественного сознания и общественной практики. Мы учитываем и тот факт, что прогрессивное развитие может сопровождаться "изменениями, которые образуют так называемые τυπικосые ходы эволюции или даже направлены в сторону регресса" [ФЭС. 1983. С. 561]. Таким образом, можно считать научно обоснованным утверждение, что далеко не все эволюционные изменения в языке приводят к развитию и совершенствованию языка. Например, по данным историков русского языка, в период появления в нем первых письменных памятников в XI в. мягкими были *ш', ж', ц'*. Эволюционные изменения в XIV—XVI вв. привели к отвердению этих фонем. Вряд ли можно рассматривать эти процессы как обогащение, совершенствование языка.

Или категория грамматического рода. Слова *стол, стул, забор* относятся к муж. роду, а лексические единицы *спичка, станция, книга* — к жен. роду. В таком распределении имен существительных в соответствии с внутренними законами языка нет никакой логики. Сама категория грамматического рода в известной мере является избыточной, осложняющей структуру русского языка и вызывающей большие трудности при его изучении.

Более сложной и запутанной является классификация языковых фактов в системе грамматических классов в горских иберийско-кавказских языках. Она соответствует внутренним законам языка. Тем не менее распределение имен существительных, обозначающих разные предметы, явления природы, не отвечает элементарной логике. Например, в бацбийском языке слова *бтIр* 'губа', *ларкI* 'ухо' относятся к классу *д-й*, а лексические единицы *бъаркI* 'глаз', *пъарс* 'рука' — к классу *б-й* и т.п. Эта категория весьма сильно осложнила грамматический строй бацбийского языка. Все имена существительные распределяются по восьми грамматическим классам. Показатели грамматических классов функционируют в той или иной мере во всех частях речи. Особенно сильно они осложнили структуру классных глаголов, в которых ярко проявляется избыточная информация, например, в сложных глагольных формах, в которых несколько раз повторяются классные показатели: *д-ух-д(ерцI-д-ие-б)* 'вернуть обратно' (три показателя *-д-*). Горские кавказские языки, которые утратили

рассматриваемую категорию, показывают, что язык легко обходится без этой категории, а его грамматический строй упрощается в положительном смысле.

Аналогичные факты, свидетельствующие о том, что внутренние законы языка, порождающие в нем эволюционные изменения, нередко приводят к осложнению структуры языка, к избыточной информации, обнаруживаются в любом языке. Поэтому неправомерно утверждать, что внутренние законы содействуют развитию, т.е. совершенствованию языка. Мы касаемся этой проблемы в связи с необходимостью выяснения взаимоотношения между действием внутренних законов и социальных факторов в процессе функционирования и развития языка.

Нет необходимости приводить здесь все существующие дефиниции внутренних законов языка, тем более что мы не ставим перед собой задачи исчерпывающего обзора литературы. Важно отметить, что в этой литературе нет четкого разграничения внутренних законов функционирования языка и внутренних законов развития языка.

Внутренние законы функционирования языка. Внутренние законы языка, рассматриваемые в синхронном аспекте, во всем главном представляют собой законы функционирования языка на всех уровнях его внутренней структуры. Внутренние законы функционирования языка конкретно проявляются в русском языке в области склонения (*стол, стола, столу, о столе* и т.д.), словосочетания (*большой дом, маленькая книга, большие дома, маленькие книги* и т.д.), предложения (*Она идет в город; Она написала книгу* и т.д.). Всякие абстрактные, общие рассуждения, игнорирующие внутренние законы функционирования языка, лишены научной основы. Внутренние законы функционирования языка могут формироваться только в процессе длительной речевой деятельности коллектива говорящих. В каждом элементе языковой структуры в процессе его формирования отражается социальная речевая практика людей в виде социализованных звуковых типов, морфологических форм, синтаксических конструкций и т.д. В результате в каждой фонеме, в каждой языковой категории, в каждой лексической единице, в семантике слова и т.д. в "застывшей" форме представлена речевая деятельность, т.е. социальная речевая практика. Сформировавшиеся таким образом единицы и категории языка абстрагируются от конкретной социально-языковой практики. Они как бы утрачивают связь с социальной практикой людей, породившей их. Они начинают функционировать как самостоятельные, независимые элементы структуры. Но живая языковая практика продолжается. Взаимодействуя в процессе речевой деятельности, элементы внутренней структуры постепенно подвергаются изменениям. Такие изменения нередко называют эволюционными изменениями в языке, в языковой структуре.

Внутренние законы развития языка. Говоря о развитии языка, мы имеем в виду его диалектическое развитие. В.И. Ленин писал о развитии "по спирали, а не по прямой" линии", он отмечал "внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столкнове-

нием различных сил и тенденций, действующих на данное тело или в пределах данного явления или внутри данного общества; — взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь *всех* сторон каждого явления” [Т. 26. С. 55]. Вместе с тем он подчеркивал, что жизнь и развитие в природе включает в себя и медленную эволюцию.

Эти ленинские положения служат методологической и теоретической основой правильного решения вопроса о роли социальных факторов и внутренних законов языка в процессе его развития. С внутренними законами, действующими только в процессе речевой деятельности и в процессе языкового мышления, связаны главным образом эволюционные изменения в языке. Последние могут вызвать позитивные и негативные явления во внутренней структуре языка, а также тупиковые ходы эволюции языка. Так, исторические изменения, обусловившие появление таких форм, как *печь—печешь—пекут*, обычно носят эволюционный характер. То же самое следует сказать и о супплетивных формах в морфологии: *я, меня, мною*. Подобные явления невозможно рассматривать как признаки совершенствования языка или его обогащения. В известном смысле можно утверждать, что с фактами подобного типа мы имеем дело и в области членения морфологических форм условного и дефектного типов [Кубрякова. 1974. С. 48—58].

Заслуживают внимания и другие аспекты оценки эволюционных изменений в языке: педагогический, познавательный, эстетический.

Педагогический аспект многогранен. Мы рассматриваем его в плане учета времени, необходимого для овладения каким-то уровнем структуры языка, той и иной подсистемой (например, склонения, спряжения и т.д.). Формы, выражающие категории вида, времени, супплетивные формы, формы, образованные посредством внутренней флексии и т.д., усложняют структуру, увеличивают количество форм слов. Это, в свою очередь, требует увеличения времени для овладения ими, соответственно возрастает умственная нагрузка. Следовательно, с педагогической точки зрения указанные эволюционные изменения представляют собой негативное явление.

Для познавательного аспекта существенный интерес представляет познавательная информация, связанная с эволюционными изменениями. В последних всегда обнаруживаются явления позитивного содержания.

В процессе эволюционных изменений могут расширяться структурные возможности языка. Как известно, в древнерусском языке отсутствовали парные формы типа *д—д'*; *т—т'*; *б—б'*; *н—н'* и т.п. Впоследствии стихийно (безусловно, в процессе речевой деятельности носителей русского языка) эволюционным путем образовались мягкие фонемы *д'*; *т'*; *б'*; *н'*. В результате возникли противопоставления согласных фонем по признакам твердости—мягкости. Можно ли считать это позитивным приобретением структуры русского языка. Ответ на этот вопрос зависит от многих факторов, относящихся к структуре русского языка. В древнерусском языке разграничение твердых и мягких согласных носило позиционный характер: твердость согласного была обусловлена соседним непередним гласным, а мягкость

передним гласным. После постепенного отпадения кратких (редуцированных) гласных не были утрачены твердость и мягкость соответствующих согласных. Твердость и мягкость превратились в фонологические признаки согласных. Возникло фонологическое противопоставление согласных. Увеличилось количество согласных. Это увеличило количество способов образования новых значений. В этом смысле фонологизация твердости и мягкости согласных явилась позитивным приобретением русского языка.

На наш взгляд, фонологизация признаков твердости и мягкости увеличила эстетические возможности фонологической системы русского языка.

Однако далеко не всегда эволюционные изменения приводят к позитивным результатам. Так, эволюционный по своей сущности закон сокращения количества гласных в истории русского языка, например, вряд ли можно признать приобретением, поскольку это привело к обеднению его вокализма. Бедность вокализма при сложной системе согласных не является достоинством языка. Эволюционные изменения в некоторых иберийско-кавказских языках привели к тому, что при обилии согласных в них обнаружили всего одна-две гласных фонемы. Это обилие согласных сильно осложнило консонантизм в указанных языках. Для образования смычно-гортанных (абруптивных) согласных приходится тратить больше физиологической энергии, чем при образовании губных, зубных и других согласных в полости рта. Вместе с тем эстетические достоинства смычно-гортанных сильно уступают эстетическим достоинствам, например, сонорных, звонких согласных. Но с такой объективной оценкой может расходиться субъективное восприятие звуковых явлений носителями данного языка.

Все это вызывает необходимость разграничения позитивных и негативных явлений в эволюционных изменениях в языке в процессе его функционирования. Негативные явления, возникшие в процессе эволюционных изменений, не могут быть отнесены к развитию языка, понимаемому как прогрессивный процесс совершенствования его структуры, его обогащения, обогащения человеческого познания и общественного сознания.

Внутренние законы языка — большая сила, организующая язык, его структуру, обеспечивающая функционирование языка как целостной системы, структуры в соответствии с потребностями носителей данного языка в процессе его функционирования в коллективе.

В то же время природе внутренних законов не присуще творческое начало. Они могут действовать только в условиях речевой (языковой) практики, деятельности людей. Внутренние законы, складывающиеся исторически, эволюционным путем, служат орудием, средством в руках общества, людей. Общество, люди приводят их в действие, заставляют функционировать. В этом проявляется активная творческая, созидательная сила общества, людей, социальных факторов.

Все это подтверждает известное положение классиков марксизма, писавших, имея в виду язык: "Само собой разумеется, что в свое время индивиды целиком возьмут под свой контроль и этот продукт рода" [Маркс, Энгельс., Т. 3. С. 427].

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА РАЗНЫЕ УРОВНИ ЯЗЫКОВОЙ СТРУКТУРЫ

Формирование внутренней структуры языка — весьма сложный и длительный социальный процесс. Языковая структура — это продукт исторического формирования и развития языка в неразрывной связи с развитием общества, трудовой деятельности, речевой практики и общественного сознания людей. В истории неизвестен случай искусственного "конструирования" совершенно новых элементов и категорий фонологической и грамматической подсистем — фонем, грамматических категорий — и включение их в структуру естественного языка. Чем это объяснить? Это объясняется тем, что любая функционирующая фонологическая или грамматическая система естественного языка может удовлетворить практические потребности его носителей со стороны его материальных (звуковых) и структурных возможностей.

Формирование и развитие фонологических, морфологических, синтаксических подсистем языков, как правило, происходит в процессе функционирования и исторической эволюции этих языков. Но процессы формирования и развития рассматриваемых подсистем могут происходить только в речевой практике, в речевой деятельности. А речевая практика по своей природе — социальное явление.

Таким образом, процессы формирования и развития фонологических, морфологических, синтаксических подсистем, как и лексико-семантической, стилистической подсистем, с самого начала являются социализованными. Все уровни внутренней структуры языка формируются и развиваются в условиях взаимодействия социальности, социальных факторов и внутренних законов языка.

Социальные факторы в развитии лексико-семантической системы языка

Известно, что словарный состав подвержен наиболее сильному влиянию социальных факторов. Однако теоретическое осмысление данной проблемы показывает, что влияние социальных факторов по-разному отражается в различных пластах лексики. Это влияние зависит от многих факторов: в глобальном плане от исторической эпохи (социально-экономической формации), от сознательного и стихийного воздействия социальных факторов, от задач целенаправленного влияния общества на язык (обогащение языка для расширения сфер его применения, засорение и оскудение языка в условиях подавления господствующими классами национальных культур, языков) и т.д.

Понятие "лексическая система", "лексико-семантическая система" языка, на наш взгляд, является условным. Было бы неправомерно утверждать, что все элементы данной лексической системы всегда и во всех случаях взаимозависимы, взаимообусловлены или что они — продукт исключительно внутреннего развития словарного состава языка. Такое понимание словарного состава, взаимоотношения между его элементами является односторонним, оно продиктовано стремлением видеть примат имманентных явлений в структуре языка над

влиянием социальных факторов на функционирование и развитие языка. Это связано с механическим переносом на лексику внутриструктурных закономерностей, действующих в области фонетики, морфологии и синтаксиса. В то время как постепенные изменения в конститутивных признаках фонетики, морфологии и синтаксиса нельзя непосредственно связывать с развитием общества в данный период, лексика, напротив, во многом непосредственно связана с темпами развития социальной жизни. Появление новых отраслей промышленности, науки, техники и т.д. сразу и непосредственно сказывается на словарном составе соответствующего языка.

Процессы взаимодействия и взаимообогащения языков убедительно показывают, что появление, выпадение или переход в пассивный запас тех или иных слов чаще всего и главным образом бывают обусловлены социальными факторами. Следовательно, примат разного рода социальных факторов над внутриструктурными закономерностями развития словарного состава, точнее, соответствующих его слоев, является очевидным.

Таким образом, если можно говорить о примате внутриструктурных закономерностей, обуславливающих постепенные изменения конститутивных признаков фонетики, морфологии и синтаксиса языка в ходе его исторического развития, то определяющую роль в развитии лексики играют социальные факторы, конкретные законы и темпы развития общества в этот период.

Из сказанного не следует делать вывод, что социальные факторы никогда и ни в чем не оказывают влияния на развитие фонетики, морфологии и синтаксиса. Влияние это чаще всего бывает опосредованно. Точно так же нельзя утверждать, что внутриструктурные закономерности не играют никакой роли в развитии словарного состава языка. Надо видеть и учитывать особенности взаимосвязи между ними, взаимодействия тех и других в разных сферах языка.

Если изменение в составе лексики в целом обусловлено непосредственно действием социальных факторов, изменениями разного характера в различных сферах деятельности человека, то структурные изменения лексических единиц, например, в некоторых слоях словарного состава могут быть вызваны действием внутриструктурных закономерностей на протяжении ряда эпох. Например, структурные изменения в личных, притяжательных и указательных местоимениях, в основном в терминах родства, в глаголах первой необходимости в горских кавказских языках нельзя непосредственно связывать с какой-нибудь эпохой, периодом развития языка, с влиянием определенных социальных факторов. Так, в образовании словоизменяемых и словообразовательных форм русского глагола *печь*—*пеку*—*печешь*—*пекли* и т.д., хиналугского *атмань*—*атдумай*—*отдамай*—*атдурмай* 'есть, суть' (классные и неклассные формы), чеченского *далар* 'умирать', *лие* 'умри', *делира* 'умер', несомненно, определяющая роль принадлежит постепенно действующим внутриструктурным закономерностям развития лексической и морфологи-

ческой систем данного языка, а не социальным факторам, относящимся к той или иной эпохе.

Следовательно, социальные факторы и внутривидовые закономерности развития лексики надо рассматривать в их взаимодействии, а не изолированно. В одних слоях лексики решающую роль в образовании постепенных изменений играют внутривидовые законы, а в других — социальные факторы. Взаимосвязь между действием внутривидовых закономерностей и социальных факторов в разных слоях, сферах лексики языка носит сложный характер. Здесь часто трудно точно оценить роль социальных и внутривидовых факторов в возникновении, преобразовании, видоизменении тех или иных общих и частных явлений в разных разделах словарного состава языка. Только должный учет роли и своеобразия взаимодействия указанных факторов может дать желаемые результаты при исследовании лексики.

Между тем для некоторых представителей сосюринизма, разных зарубежных направлений структурализма, неогумбольдтианства характерен односторонний подход к анализу лексики, а именно рассмотрение языковых фактов изолированно от социальных факторов.

Главный недостаток этих исследований состоит в том, что они не касаются того бесспорного факта, что в основе формирования лексической системы языка в целом, ее отдельных звеньев, отдельных лексических единиц лежат социальные факторы. Формирование многих слоев, пластов словарного состава языка непосредственно зависит от социальных факторов, от состояния и развития различных общественных явлений (науки, литературы, искусства, техники, общественно-политической жизни, от материального и духовного развития общества и т.д.). В этом и проявляется специфика развития лексики в отличие от системных образований в области фонетики, морфологии и синтаксиса, которые, как правило, непосредственно не связаны с развитием общества в данный период или с какой-либо одной исторической эпохой.

Внутривидовое развитие языка не "творит", не создает большинства слов. В процессе развития общества возникают понятия и обозначающие их слова. Язык же дает звуковое оформление этим словам в соответствии с его структурно-типологическими особенностями. На основе этих особенностей складываются формальные связи между этими словами на уровне лексики и соответствующих морфологических, словообразовательных категорий. Переход слов от одного "семантического поля" в другое, их переосмысление и т.д. также нередко зависят в первую очередь от общественной практики, от их употребления в разных функциях в жизни общества, а не от внутривидовых закономерностей языка.

Для методологически правильного понимания закономерностей развития лексики необходимо рассматривать ее как отражение развития общества, а методы ее исследования должны быть разработаны, по крайней мере, исходя из собственно лингвистического и социального аспектов изучения закономерностей развития лексической сис-

темы языка, взаимодействия образующих ее элементов, учитывая, что "там, где мы имеем дело с языком, имеющим в своем составе разнородные элементы, лингвистические методы недостаточны" [Щерба. 1958. С. 44]. В соответствии с этими методологическими основами и принципами предложенные нами методы и методические приемы могли бы получить применение в области лексики (учитывая ее специфику). Имеются в виду методические приемы трех типов: 1) методические приемы изучения факторов, обуславливающих внутриструктурное развитие лексики каждого языка; 2) методические приемы а) характеристики социальных условий, в которых происходит функционирование, развитие и взаимодействие лексических систем; б) исследования специфических особенностей влияния, воздействия различных социальных факторов (политических, экономических, культурных и т.д.) на функционирование, развитие и взаимодействие лексических систем; 3) методические приемы а) выявления иноязычных лексических элементов в структуре соответствующих языков; б) анализа причин, обуславливающих видоизменение исконных лексических элементов под воздействием других языков.

В данной работе делается попытка применить, хотя бы частично, указанные методы.

Появление нового значения слова, переосмысление его значения, дифференциация значения, переход слова из активного запаса в пассивный, из пассивного запаса в активный и т.д. обычно происходят под влиянием социальных факторов. Из четырех основных значений чеченского слова *бакъо* три возникли после создания чеченской общенародной письменности под непосредственным воздействием новых, социальных факторов. Основное значение слова *бакъо* — это право, основание, возможность делать что-то, действовать, поступать в соответствии с желанием, каким-либо образом: *Со кхуза Иен бакъо йолуш ву* 'Я имею право сидеть здесь'; *Иштта ала бакъо йу цера* 'Они имеют основание, право так сказать'. Данное значение, характерное для обыденного народно-разговорного языка, восходит к дописьменному периоду. Мы не знаем, когда и как возникло это слово, его основное значение. Но мы знаем точно, когда, под влиянием каких социальных факторов и при каких условиях образовались следующие два его новые значения:

1) *бакъо* 'юридическое право'; *харжаман бакъо* 'избирательное право'. Данное значение приобретено в период применения чеченского литературного языка в сфере юридической науки (под влиянием русской юридической терминологии);

2) *бакъо* 'правило': *грамматически бакъо* 'грамматическое правило'; *грамматически бакъонаш* 'грамматические правила'. Данное значение подверглось как бы внутренней дифференциации под действием социальных факторов, а не внутренних законов развития и функционирования языка. Критерии определения, обоснования такой дифференциации устанавливаются по социальным факторам, данным реальной действительности: по референту и сфере, к которой относятся референт и его языковое выражение (иначе говоря, не на основе внутренних законов функционирования и развития языка).

**Развитие (осложнение) семантической структуры слова
под воздействием социальных факторов в реальной жизни общества**

Основное значение слова <i>бакьо</i> 'право', характерное для обычного народно-разговорного языка	Новое значение слова <i>бакьо</i> 'юридическое право', приобретенное в результате употребления его в сферах применения юридической терминологии	Новое значение слова <i>бакьо</i> 'правило' и его дифференциации по референтам и сферам		
		в области языкознания	в области математики	в области транспорта
<i>сан цига ван даг-гара бакьо яц</i> 'я не имею права'	<i>харжаман бакьо</i> 'избирательное право'; <i>конституцино бакьо ло</i> 'конституция дает право'	<i>синтаксически бакьо</i> 'синтаксическое правило'; <i>синтаксически бакьонаш</i> 'синтаксические правила'	<i>эцаран бакьо умножения</i> ; <i>арифметикан бакьонаш</i> 'правила арифметики'	<i>урамах бакьо</i> 'правило уличного движения'; <i>урамашка хула леларан бакьонаш</i> 'правила уличного движения'

Как явствует из изложенного, образование и распространение второго, третьего, четвертого и пятого значений произошло главным образом под действием социальных факторов (сознательного действия общества, людей). Однако реализация в языке и речи (в разных сферах общественной жизни) содержания рассматриваемого слова (его семантической структуры) осуществлялась путем взаимодействия социальных факторов и внутренних законов языка: *синтаксически бакьоно тледуьмлу* 'синтаксическое правило требует'. Здесь постановка *бакьоно* в эргативном падеже обусловлена специфическими для чеченского языка внутренними законами его функционирования и развития.

Даже эти немногочисленные факты свидетельствуют о диалектическом взаимодействии социальных факторов и внутренних законов языка в процессе функционирования, развития и взаимовлияния языков.

**Социальные факторы в развитии
звукowej системы языка**

В специальной литературе отмечается, что в языке постоянно что-то рождается, что-то отмирает, выходит из употребления. Масштаб этого процесса зависит от роли того или иного языка в общественном развитии, в социальной жизни государства, от объема социальных функций языка. Например, в одноаульном хиналугском или бацбийском языках довольно редко возникают новые факты, явления. Напротив, в русском языке (обслуживающем ту или иную отрасль науки, техники, культуры, народного хозяйства) ежедневно возникают какое-то новое слово, новый оттенок значения, какие-то новые внутривидовые явления. Однако эти новые явления не затрагивают основных законов фонетической и фонологической системы

русского языка. "Крайне медленно протекают изменения и в современной фонетической системе русского литературного языка. В наши дни эта система не отличается никакими резкими отклонениями от того, что было в русском языке 40—50 лет назад. Однако несколько изменений, внешне малозаметных, произошло, и их изучение очень важно: из таких незначительных изменений и складывается эволюция произношения" [Панов. 1968. С. 9].

Изменения, происходящие на фонетико-фонологическом уровне, как и на всех других уровнях внутренней структуры языка, как правило, являются результатом взаимодействия социальных факторов и внутренних законов в процессе функционирования, развития и взаимовлияния языков в условиях повседневно, разностороннего взаимодействия их носителей. Здесь невозможно показать влияние социальных факторов на развитие звуковой системы языка в полной мере. Поэтому ограничимся краткой характеристикой роли социальных факторов в развитии фонетической системы языка на примере фонематических заимствований. При этом учитывается сложность, многоаспектность данной проблемы и невозможность ее исчерпывающего освещения на базе того фактически и исторически ограниченного материала, который подвергнут анализу в этой работе.

В специальной литературе существуют диаметрально противоположные точки зрения на заимствование фонем. Одни считают, что фонемы не могут заимствоваться, другие допускают возможность стихийного проникновения фонем из одного языка в другой или сознательного их заимствования. Имеют место расхождения между языковедами и по вопросу о том, когда, в каких случаях фонему можно считать заимствованной. Одни считают фонемы заимствованными только в том случае, если они употребляются в исконных словах, другие же признают их вошедшими органически в фонологическую систему языка и тогда, когда они функционируют в составе только заимствованных слов.

Однако до сих пор (несмотря на то, что существуют многочисленные исследования о взаимодействии звуковых систем различных языков) остается открытым вопрос о механизме заимствования звуков, фонем, ступенях их адаптации в звуковой системе языка.

Вопрос о заимствовании фонем почти всегда рассматривался с точки зрения действия внутренних законов функционирования и развития языка. Известно, что эти законы противодействуют заимствованию фонем. Одни считают такое противодействие непреодолимым, а другие допускают возможность его (противодействия) преодоления. Эти две противоположные точки зрения получили отражение в интерпретации известных фактов появления новых фонем в различных языках. Так, например, по мнению одних русистов "звук [ф] впервые вошел в русский язык вместе с заимствованиями из греческого языка: *Федор, Филипп, фонарь* и др." [ЭСЮФ. 1984. С. 101]. Иное мнение представлено в энциклопедии "Русский язык": "Процессы, происходившие в развитии системы согласных, обусловили возникновение в древнерусском языке новой фонемы, исконно чуждой славянам, — фонемы *ф*: она возникла сначала как фонетический результат оглу-

шения в (столовь — столо[ф], въ саду - [ф] саду <...>), а затем была перенесена в положение перед гласными, прежде всего при условии заимствованных слов устно-разговорной речью" [ЭРЯ. 1979. С. 113].

Как утверждают исследователи, в удмуртском литературном языке "из заимствованных фонем наиболее освоенными нужно считать *х, ф, ц, рь*. Остальные, обозначенные <...> посредством *ць, бь, мь, фь, вь*, большинством удмуртского народа в произношении не употребляется" [ГУЯ. 1962. С. 28.]. Такое объяснение не может претендовать на научное обоснование заимствования перечисленных фонем.

Освоение артикуляции и правильное произношение фонем, отсутствующих в родном языке, но встречающихся в заимствованных словах, также недостаточны для признания фонем заимствованными. Образование фонологических оппозиций в заимствованных словах в какой-либо позиции (например, кирг. *в, ф, х, ц, ч: вата* 'вата', *фара* 'фара' (автомобильная)) тоже не является достаточным основанием, чтобы считать фонемы заимствованными, так как в заимствованных словах могут встречаться фонемы, не характерные для данного языка. Что же касается таких заимствованных слов, как *щетка, секретарь, учитель*, то их письменное выражение не является свидетельством заимствования фонем /ш'/, /р'/, /л'/ . На самом деле произносят вместо них соответственно фонемы /ш/, /р/, /л/ .

Заслуживает внимания и вопрос о том, что заимствуется: фонема или ее дифференциальный признак. Например, при заимствовании мягкого *б'* языком, в котором есть твердый *б*, можно говорить о включении в его фонематическую систему новой фонемы или нового дифференциального признака — палатализации (мягкости). Вероятнее, что при употреблении мягкой фонемы /б'/ в иноязычных словах нет необходимости заимствовать основную губно-губную артикуляцию звонкости, смычности, речь может идти о заимствовании дополнительного дифференциального признака мягкости (палатализации).

Представляется, что вопрос о критериях заимствования фонем нуждается в существенных коррективах с учетом как процессов взаимодействия внутренних законов языка и социальных факторов, так и процессов их автономного (в известной мере) действия. Важно учитывать и структурно-типологические особенности взаимодействующих языков. Например, смычно-гортанные *лI, тI, кI, къ* и другие фонемы заимствуются иносистемными языками весьма редко. К таким редким случаям относится заимствование некоторых из этих фонем армянским и осетинским языками. Трудно себе представить случай заимствования из аварского языка смычно-гортанной латеральной фонемы *къ*.

Из изложенного видно, что заимствование фонемы не является разовым актом, осуществляемым в течение короткого периода времени. Этот процесс, рассматриваемый с точки зрения действия внутренних законов языка, проходит ряд ступеней и требует довольно большого периода времени. Ступени процесса заимствования фонемы могут характеризоваться следующими особенностями:

Первая ступень освоения фонемы характеризуется овладением ее артикуляторно-акустической нормой и произношением ее в заимствованных словах.

Вторая ступень — образование фонологических оппозиций в заимствованных словах типа чеч. *фаза*—*база*. Точнее говоря, здесь мы имеем дело с использованием фонологических оппозиций в заимствованных словах.

Третья ступень — образование фонологических оппозиций в заимствованных, исконных и укоренившихся словах: кирг. *вата* 'вата' — *бата* (религиозный обряд);

Четвертая ступень — образование фонологических оппозиций в исконных и укоренившихся заимствованных словах и их грамматических формах в разных позициях: употребление фонемы /ф/ в русском языке. Это последняя ступень освоения фонемы, наблюдаемая чаще всего, когда мы имеем дело в основном с взаимодействием внутренних законов языка и интенсивной языковой практикой, в которой широко используется заимствованная фонема (см. подробнее [Дешериев. 1966. С. 372—376]).

Наличие рассмотренных выше ступеней заимствования фонем является результатом взаимодействия внутренних законов языка и социальных факторов. В определенных случаях это взаимодействие способствует заимствованию фонем. Примером может служить заимствование фонемы /ф/ русским языком. Но доминирующую роль здесь сыграли социальные факторы. Поэтому обоснованным является положение, согласно которому появление и утверждение фонемы /ф/ в русском языке связано с заимствованиями из греческого языка. Фонетическое явление оглушения фонемы /в/ в конечном положении устранило трудность освоения артикуляции /ф/ в заимствуемых словах. Таким образом, первая ступень сразу же была освоена. Ускорению овладения второй ступенью освоения фонемы /ф/ способствовали социальные факторы: потребность в употреблении имен с фонемой /ф/, поскольку они употреблялись в святцах и были достаточно частотны.

Тем не менее фонемы /ф—ф'/ в исконных русских словах не встречаются (исключение — оглушение *в* в конце слов в позиции перед глухими в определенных комбинаторных условиях).

Мы рассмотрели случай взаимодействия внутренних законов языка и социальных факторов в процессе заимствования фонем. Теперь же мы рассмотрим случаи преимущественного воздействия социальных факторов на процесс заимствования фонем, вопреки внутренним законам языка, давлению системы. Именно такое воздействие социальных факторов имело место в истории заимствования некоторых фонем из русского языка киргизским, удмуртским, чеченским и некоторыми другими литературными языками народов нашей страны. Например, в 20-х годах в чеченском языке вместо заимствуемых слов *фабрика*, *Франция*, *философ*, *фамилия* и т.п. произносили и писали *пабрика*, *Паранци*, *пилосоп*, *памили* и т.д. В начале 30-х годов было принято решение о введении в чеченский алфавит буквы (и звука) *ф* для написания и произношения этого звука в составе многочисленных заимствуемых из русского слов и терминов, в том числе интернациональных. Поэтому в терминологическом словаре чеченского языка, изданном в 1930 г. в г. Грозном, находим следующие написания

(в то время чеченский язык пользовался латинским алфавитом): *fabrika*, *Faranci*, *filosof*, *famili*, *film* и т.п. Решение о заимствовании *ф* служит официально принятым социальным фактором. Практическая реализация этого решения происходила следующим образом. В речевой практике 30-х годов и первой половине 40-х годов овладение первой ступенью освоения фонемы /ф/, т.е. овладение артикуляцией и нормой произношения, встречало сопротивление в силу внутренних законов языка (давления системы). Официальное воздействие на внутренние законы языка шло через документы, школьную практику, средства массовой коммуникации. В результате только немногочисленные представители интеллигенции стали употреблять *ф* в речи и официальных документах. Во второй половине 40-х и в 50-х годах для достижения цели в общенародном масштабе нужно было использовать другие социальные факторы, не прибегая, однако, к мерам принуждения (усиление и расширение сознательного воздействия социальных факторов на внутренние законы языка и социального давления на давление системы). Особое внимание было обращено на употребление *ф* в заимствованных словах в сфере общественно-политической жизни, на всех уровнях системы образования, в массовой коммуникации (печать, радио, телевидение), в государственных учреждениях и общественных организациях, в культурно-просветительных учреждениях. В итоге образованная часть населения республики достигла уровня первой и второй ступеней освоения фонемы /ф/, ее стали употреблять и в бытовом языке. Тем не менее в 60—80-х годах внутреннее сопротивление языка проникновению *ф* продолжалось. Внутренние законы и давление системы тормозили процесс адаптации слов с *ф*, они не подчинялись законам склонения. Однако эти годы — период широкого распространения среднего общего, среднего специального и высшего образования, печати, радио, телевидения. Повсеместно распространилось чечено-русское двуязычие (по данным на 1979 г. около 80% чеченцев владеют свободно русским языком). В общественном языковом сознании, как и в индивидуальном языковом сознании большинства чеченцев, фонема /ф/ укоренилась и стала восприниматься как исконная фонема. Для этого не потребовалось овладения третьей и четвертой ступенями освоения фонемы. Сила действия социальных факторов на языковое сознание носителей родного языка нейтрализовала внутренние законы и давление системы. В этом процессе доминирующую роль сыграло массовое чечено-русское двуязычие. Как и в русском языке, фонема /ф/ не стала употребляться в исконных чеченских словах. Но процесс достижения первой ступени был значительно менее продолжительным, чем в русском языке.

Социальные факторы наряду с внутренними законами языка и давлением системы могут и препятствовать освоению фонемы. Так, например, правилами грузинского литературного языка в определенных позициях исключается написание и произношение звука [ф] в заимствуемых словах, даже в условиях значительного распространения грузинско-русского двуязычия.

Бывают случаи, когда даже в условиях широкого распространения двуязычия внутренние законы и давление системы преодолевают

силу действия социальных факторов и социального давления и не допускают проникновения в фонологическую систему языка фонем, встречающихся в заимствуемых словах. Так, мягкие фонемы /р'/ и /л'/ встречаются во многих заимствованных из русского словах чеченского языка: *секретарь, календарь, учитель, большевик, преподаватель*. Допускается двоякое произношение [р'] и [л']: *секрета[р']* и *секрета[р]*, *учите[л']* и *учите[л]* и т.д. Это видно и при склонении: *секретарь — секретаран* (род. п. ед. ч.) — *секретарна* (дат. п.), *секретаро* (эрг. п.), *учитель — учителан* (род. п.) — *учитело* (эрг. п.), но *учительна* (дат. п.), *учительш* (им. мн. ч.). Однако [л'] сохраняется в середине слова и всегда произносится билингвами: *большевик — большевикаш* (мн. ч.), *польски* 'польский', *полька* (жен.), *полька* (танец) и т.д. В речи билингвов [р'] и [л'] рассматриваются как позиционные варианты [р] и [л].

Как явствует из изложенного, исследование роли социальных факторов в процессах взаимодействия языков является значительно более сложным и многоаспектным явлением, чем принято думать.

Объяснение весьма редко наблюдаемых случаев заимствования фонемы неправомерно ограничивать действием внутренних законов языка и эволюционными изменениями. Как было показано выше, заимствование фонем может происходить путем преимущественного действия социальных факторов, а также не происходить вовсе при резко различающихся структурно-типологических особенностях взаимодействующих языков (почти полная невозможность заимствования иносистемным языком аварской (диалектной) смычно-гортанной литеральной фонемы *къ* сложной структуры).

Социальные факторы в развитии морфологической системы языка

Морфологическая система языка формируется исторически в процессе речевой деятельности определенного относительно устойчивого социума. Внутренние законы функционирования и развития языка складываются также исторически в процессе речевой деятельности социума. Возникновение этих закономерностей вне процесса речевой деятельности социума невозможно. Следовательно, социальность "органически" присуща и природе морфологической системы языка.

В языках мира встречаются самые различные типы морфологических систем. Такое разнообразие морфологических систем языков объясняется целым рядом причин. Во-первых, постепенно стихийным эволюционным путем (в том смысле, что человек сознательно не создавал их) образуются различные морфологические категории под влиянием разнообразных, в том числе социальных, факторов. Во-вторых, морфологические категории не являются продуктом одной исторической эпохи. Они — продукт ряда исторических эпох. В-третьих, на историческое переплетение самых разнообразных морфологических категорий — категорий падежа, числа, времени, лица, склонения, вида, класса и т.д. влияли и разные социальные факторы.

Таким образом, морфологическая система складывается из разно-

образных подсистем, каждая из которых, в свою очередь, распадается на разнородные элементы.

Стихийно сложившаяся морфологическая система функционирует, изменяясь очень медленно. Законы образования и развития ее невозможно связывать непосредственно с каким-либо одним социальным фактором. На ее формирование и развитие действует комплекс факторов, восходящих к разным историческим эпохам, социальной жизни общества, развитию общественного сознания, внешней среде и т.д.

Поэтому постановка вопроса о возможности возникновения новых явлений в области морфологической системы языка за сравнительно короткий период времени всегда наталкивается на возражения, связанные с признанием исключительной устойчивости морфологии, ее непроницаемости. Абсолютизация этой концепции нередко мешала и мешает познанию специфических закономерностей развития морфологической системы языка, роли социальных факторов, функционального и внутривидового развития языка и иноязычного влияния в видоизменении и преобразовании разных ее частей и элементов.

Положение об исключительной устойчивости морфологической системы языка впервые было выдвинуто теоретиками сравнительно-исторического языкознания. В частности, о непроницаемости морфологии, особенно систем склонения и спряжения, писал А. Мейе.

Устойчивость морфологической системы языка широко известна и не нуждается в специальном обосновании. Но, во-первых, устойчивость еще не означает непроницаемости; во-вторых, устойчивость неодинакова на разных участках функционирования и развития системы: в-третьих, она зависит и от структурно-типологических особенностей разнородных языков; в-четвертых, нет оснований считать морфологические явления вообще не только непроницаемыми, но и наиболее устойчивыми всегда и во всех случаях по сравнению с любыми элементами других уровней структуры языка. Достаточно сослаться на такие лексические единицы, как 'мать', 'брат', 'сестра', 'ты', 'два' в индоевропейских языках, оказавшиеся более устойчивыми по своей материальной природе, значению и структуре, чем многие элементы морфологии, в том числе некоторые аффиксы склонения и спряжения. В фонетике конкретных языков мы находим звуки-фонемы, присущие группе индоевропейских или иберийско-кавказских языков (например, смычно-гортанные в иберийско-кавказских). В области синтаксиса также выявляется значительное количество фактов, которые оказались если не более, то не менее устойчивыми, чем некоторые морфологические явления (ср. эргативную конструкцию предложения, субъектно-объектные отношения в иберийско-кавказских языках). Наконец, устойчивость или малопроницаемость отдельных явлений элементов языка вовсе не означает застоя, отсутствия процессов развития в этом языке. Между тем из такой концепции вытекало отрицание возможности более или менее интенсивного развития морфологических систем языков СССР.

Для нас неприемлема и противоположная концепция, согласно

которой потенциальным возможностям взаимопроникновения двух и более языков нет предела, а в языке все легко проницаемо, мало устойчиво и т.д. Исследование языковых явлений на основе подобной концепции может привести к серьезным заблуждениям и ошибкам.

В процессе своего функционирования морфологическая система в той или иной мере испытывает воздействие главным образом трех типов факторов: а) социального развития в широком смысле; б) внутривидовых изменений; в) иноязычного влияния. Все элементы структуры языка подчинены определенным системным отношениям. Системным характером взаимоотношений между языковыми элементами объясняют устойчивость языка. Это верно. Однако не все элементы структуры языка обладают одинаковой устойчивостью. Социальные термины *боярин, боярыня, князь, княжна, граф, графиня* — сравнительно недавнего происхождения — выпали из активного словаря русского языка. Между тем такие основные термины родства, как *мать, брат, сестра*, тысячелетиями функционируют в активном запасе слов. Выпадение первых и устойчивость вторых обусловлены социальными факторами, а не системными отношениями.

Слово *летун* в значении "летчик" выпало из активного запаса, его заменила лексическая единица *летчик*, образовавшаяся несколько позднее и широко употребляемая в современном русском языке. Выпадение первого из активного запаса и сохранение употребления второго объясняются социальными и внутривидовыми изменениями: словообразование при помощи суф. *-ун* стало непродуктивным и мало употребительным, а словообразование через посредство суф. *-чик* — продуктивным и широкоупотребительным.

В 20—30-х годах в чеченском языке широко употреблялось созданное из исконного лексического материала новое слово *хлайт-тархо* 'ударник'. В 40-х и 50-х годах оно было вытеснено заимствованным из русского языка словом *ударник*. Утрата исконной лексической единицы и закрепление в активном запасе заимствованного слова были вызваны не системными отношениями, не устойчивостью исконного лексического фонда, а силой воздействия русского языка, выполняющего функции второго языка чеченцев и языка межнационального общения советских народов.

Таким образом, неправомерно говорить об исключительной долговечности морфологической системы вообще по сравнению с другими разделами языковой структуры. Такие элементы лексики, как *мать, брат, сестра*, тысячелетиями живут в русском языке, тогда как древние грамматические категории его морфологической системы — двойственное число, звательный падеж, форма перфекта типа *я был сказал* (где *сказал* — форма причастия прош. времени) исчезли из современного русского литературного языка.

Следовательно, в морфологической системе, как и на любом уровне структуры языка, есть элементы более и менее устойчивые.

Заслуживает внимания процесс освоения тюркскими и другими языками грамматического рода, согласования в грамматическом роде (в мужском и женском). Имея в виду башкирский язык, Н. К. Дмитриев указывал, что "грамматический женский род осваивается здесь

различными путями: 1) юридическим через фамилии (и паспортá): *Закиров—Закирова*, 2) путем словарного заимствования русских грамматических форм женского рода: *работница, ударница* <...>, *комсомолка*” [Дмитриев. 1948. С. 204]. Аналогичный процесс развивался и в узбекском языке: ”аффикс *-а*, который заимствован из русского языка, служит показателем женского рода: *Каримова, Ташова, Ахмедова* и др. <...> Аффикс *-ка* встречается и выделяется как аффикс в таких заимствованных словах, как *комсомолка, студентка, гражданка, аспирантка* и др. Он в живой речи употребляется еще шире: *узбека* (узбечка), *татарка, хожайка* (хозяйка)” [Гулямов. 1955. С. 28].

Представляется, что процесс освоения из русского языка формул построения фамилий, отчеств (в синтаксическом плане) подавляющим большинством тюркских, финно-угорских, кавказских, иранских, монгольских, палеоазиатских и тунгусо-маньчжурских языков можно рассматривать и шире. Для выражения муж. рода заимствованы афф. *-ов, -ев* (в фамилиях), *-ович/-ич, -евич/-ич* (в отчествах), для жен. рода *-ова, -ева, -овна/-на, -евна/-на*: тат. *Энвер Махматович Закиров, Лейля Махматовна Тагирова*; бур. *Цыбык Санжиевич Кондуков, Буляш Санжиевна Кондукова*; осет. *Магомед Хазбиевич Кулаев, Тамара Хазбиевна Кулаева*; чеч. *Вахид Дараевич Дашаев, Яха Дараевна Дашаева* и др. Вместе с тем национальная интеллигенция освоила и следующую формулу обращения: каб.-черк. *Хажумар Багович, Тамара Хазиевна*; балк. *Ахия Хаджимусаевич, Фатима Хаджимусаевна* и т.д.

Высокая частотность употребления фамилий, отчеств в общественной жизни, необходимость их (формул фамилий, отчеств) в сферах человеческой деятельности, многонациональные коллективы, широкое распространение национально-русского двуязычия — все это способствовало быстрому освоению рассматриваемых формул носителями младописьменных языков.

В чеченском и ингушском литературных языках среди имен существительных исконного происхождения немало таких, которые приобрели новые морфологические модели, новые структурные особенности. Например:

в чеченском

белха-з-алла

белха-з-хо

в ингушском

белха-з-тал

белх-б-оа-ц-ар

‘безработица’

‘безработный’

Новым в моделировании производных имен существительных в приведенных примерах являются: а) сочетание суффикса отрицания *-з* с суффиксом абстрактного значения *-лла*: *белха-з-а-лла*; б) сочетание суффикса отрицания *-з* с суффиксом производителя действия *-хо*: *белха-з-хо*. До формирования чеченского литературного языка эти два суффикса не сочетались с исконной косвенной основой *белх* (от *болх* ‘работа’). Путем сознательного действия людей были образованы указанные формы слов и узаконены.

Напротив, стихийным действием социальных факторов в условиях общенародного алеутско-русского двуязычия в медновском диалекте образовались следующие временные формы глагола [Меновщиков. 1964. С. 103]: *аба-ц-т — работает, аба-л — работал, будит аба-т —*

будет работать. Заимствование русских временных аффиксов носителями медновского диалекта произошло стихийным (эволюционным) путем в условиях алеутско-русского двуязычия.

Проницаемость того или иного звена морфологической системы зависит не только от ее природы, но и от социальных факторов. Даже самые элементарные факты не могут проникать из одного языка в другой без соответствующих социальных условий. Поэтому степень влияния одного языка на другой зависит от силы действия социальных факторов, обуславливающих контакты между носителями как воздействующего языка, так и испытывающего влияние последнего.

Таким образом, абсолютизация положения о непроницаемости морфологической системы языка теоретически несостоятельна и практически вредна. Но нельзя переоценивать и роль социальных факторов в процессах воздействия одного языка на другой. Вместе с тем нет основания утверждать, что все звенья морфологической системы в одинаковой мере поддаются внешнему влиянию: весьма "стойкими" оказываются системы склонения и спряжения, но это не означает, что они непроницаемы.

Морфологические системы литературных языков народов СССР в основном развиваются по своим внутренним законам. Анализ конкретного языкового материала убедительно показывает, что не выдерживают никакой критики утверждения наших недругов, будто СССР проводит русификаторскую политику в области решения проблемы языка.

Среди старописьменных и младописьменных языков нет ни одного, который утратил бы важнейшие конститутивные признаки исконной природы его морфологической системы под сознательным или стихийным воздействием социальных факторов. Против этого положения не может возразить, опираясь на фактический материал, ни один фальсификатор истории развития литературных языков нашей страны.

Социальные факторы в развитии синтаксической системы языка

Было бы неверно полагать, что в синтаксисе языка могут происходить эволюционные изменения, обусловленные действием только внутренних законов языкового развития. Сознательное и стихийное воздействие социума, социальных факторов на функционирование и развитие синтаксических систем как старописьменных, так и младописьменных и бесписьменных языков также играет важную роль. Это воздействие проявляется и в словосочетании, и в простом предложении, и в сложном предложении, и в построении некоторых заимствованных фразеологизмов.

Советские социолингвисты на основе конкретного анализа большого фактического материала многих литературных и бесписьменных языков народов СССР доказали возможность позитивного влияния социума, социальных факторов на синтаксис. Вместе с тем они вели и ведут борьбу против пуристических тенденций, с одной стороны, и засорения литературных языков путем создания надуман-

ных, искусственных синтаксических конструкций и заимствования синтаксических явлений без нужды — с другой. Тем не менее до сих пор наблюдается недооценка возможности обогащения синтаксических систем языков под влиянием социума, социальных факторов, а также путем умелого отбора фактов иноязычного влияния. Все это представляет существенный интерес для современного состояния и перспектив развития синтаксических систем литературных языков в условиях интенсивного развертывания процессов взаимообогащения наций, народностей и их культур.

Интенсивное влияние социума, социальных факторов на синтаксические явления наиболее показательно проявляется в развитии младописьменных языков.

Вопросам развития синтаксических систем языков посвящена обширная литература. Достаточно назвать лишь некоторые исследования [Виноградов. 1954; Сухотин. 1950; Ахманова, Микаэлян, 1963; и др.]. Однако почти нет специальных трудов о влиянии социума, социальных факторов на развитие синтаксических явлений. Одной из важных задач в области исследования синтаксических систем литературных языков В.В. Виноградов считал "изучение типов простых словосочетаний в живом историческом развитии, правила составления сложных словосочетаний, изучение развития их основных типов".

Поскольку невозможно приводить иллюстративный материал из всех языков, ограничимся отдельными примерами, показывающими новые типы словосочетаний. Так, нового типа словосочетания, выполняющие функции уточняющих повторов, широко применял в своем творчестве чувашский писатель С.Ф. Фомин: *Салтаксем <...> сул-тарла, пашалла, штыкла салтаксем инце те мар, сул юппинчех пер ушкан кеперленсе танине курах кайрам* ("Буря") 'Совсем недалеко, на перекрестке дорог, я увидел группу солдат <...> вооруженных ружьями, штыками, со звездочкой на шапке' [Петров. 1963. С. 15].

Путем соединения исконных структурных типов словосочетаний с заимствованными элементами создаются новые формы описательного или дословного перевода сложных научных терминов, полных названий орденов, международных организаций: уйг. *капитализмга қэдәр формация* 'докапиталистическая формация', *янилваштин сайлам откузуш* 'перевыборы', *су асти кемиси* 'подводная лодка', *Социалистик Эмгэк Қәһримани* 'Герой Социалистического Труда' и др. [Кайдаров. 1961. С. 130—131]; як. *Кызыл Знамятын ордена* 'Орден Трудового Красного Знамени', *Кызыл Киризс Уонна Кызыл* 'Полумесяц Общества Красного Креста и Красного Полумесяца' [ПЯО. 1963. С. 19].

Дальнейшему обогащению исконных структурных типов словосочетаний способствовало калькирование сложных терминов. Наиболее распространенными являются кальки, образующие словосочетания, состоящие из двух и трех компонентов (определение + определяемое; определяющее + определяемое + дополнение и т.д.). Чаще всего встречаются кальки, состоящие из компонентов, заимствуемых и переводимых дословно: башк. *буржуаз матбургат* 'буржуазная печать', кирг. *шайлоо комиссиясы* 'избирательная комиссия', *коммуникациялык*

связь 'коммуникационная линия', *майда буржуазия* 'мелкая буржуазия' и т.д.

Среди приведенных выше примеров мы находим один необычный для тюркских языков тип словосочетания — определение + определяемое: башк. *буржуаз матбургат* 'буржуазная печать'. В башкирском языке "примыкание строится на семантической связи подчиняющего и подчиненного элементов" [Дмитриев. 1948. С. 206]. Слово *буржуаз*, следовательно, представляет собой примыкающее определение, которое не согласуется с определяемым в лице, числе, роде и падеже. Стало быть, *буржуаз* в определятельном сочетании *буржуаз матбургат* — примененное определение. Форма *буржуаз* — в функции относительного определения. В функции относительного определения такого вида в башкирском, как и в других тюркских языках, выступает обычно имя существительное.

Рассматриваемая форма относительного примененного примыкающего определения характеризуется следующими особенностями: а) она представляет собой неизменяемую разновидность относительного определения; б) самостоятельно не употребляется; в) в функции прилагательного определения самостоятельно не выступает; г) образует особый вид изафета — определительной группы существительных; д) в составе других типов словосочетаний, в том числе определительных групп существительных, не употребляется.

В приводимых ниже примерах представлены новые типы словосочетаний, обозначающие различные наименования партийных, государственных, профсоюзных организаций (якут. *РСФСР Верховная Советта* 'Верховный Совет РСФСР', *Советская Союз Коммунистическая партията* 'Коммунистическая партия Советского Союза', *Саха Автономнай Советская Социалистическая Республиката* 'Якутская Советская Социалистическая Республика', *Советская Армия цонна Байыаннай Морской флот* 'Советская Армия и Военно-Морской флот' и т.д.; бур. *коммунистическэ (или коммунист) парти* 'коммунистическая партия', *коммунистическэ байгуулаята* 'коммунистическое строительство', *коммунальна ажахы* 'коммунальное хозяйство', *комсомольско организаци* 'комсомольская организация', *но кондитерска магазин* 'кондитерский магазин', *социально-политическэ науканууд* 'социально-политические науки'; калм. *коммунистическ парт* 'коммунистическая партия', *Советск Союзин Коммунистическ парт* 'Коммунистическая партия Советского Союза', *коммунальн эдлууш* 'коммунальное хозяйство', и др.; нен. *социалистический пирдырма* 'социалистическое соревнование', *общественной манзая* 'общественная работа', *партия членнэ кандидат* 'кандидат в члены партии', *Верховной Совет кандидат* 'кандидат в депутаты Верховного Совета' (в этих примерах отсутствует характерное для ненецкого языка согласование определения с определяемым); эвен. *советская нгунмбийн* 'советский народ', *Советский Союз Коммунистическая партията* 'Коммунистическая партия Советского Союза' и т.д. В эвенском форма заимствованного определения при определяемом (им. п. ед. ч.) является искусственным новообразованием.

В оформлении различных типов новых словосочетаний очень

пеструю картину дают горские иберийско-кавказские языки: адыг. *Советскэ Социалистическэ Республик, Коммунистическэ парти, общественнэ Юф* 'общественное дело', *отчетнэ ильэс* 'отчетный год', но *ильэс баланс* 'годовой баланс'; абаз. *коммунистическа* 'коммунистический', *Советска Союза Коммунистическа партия, коммунальна* 'коммунальный', *асквш баланс* 'годовой баланс' *отчэтна доклад, реакционна печать, реактивна самолет*; авар. *коммунизмагул* 'коммунистический', но *кдммунист партия, социалистазул партия, коммуналяб магIшшат* 'коммунальное хозяйство', но *комиссионный магазин*; лезг. *коммунистрин партия, коммунадин хозяйство (майшшат)* 'коммунальное хозяйство', *социальный гьал* 'социальное положение'; инг. *Советски Союз, классови кьовсам* 'классовая борьба', *коллективни безопасность, Къахъегамхой депутатий совет* 'Совет депутатов трудящихся', *Маишар лорхIабара советски комитет* 'Советский комитет защиты мира'¹.

Исконные типы словосочетаний из младописьменных языков не вытесняются, а получают дальнейшее развитие, взаимодействуя с новыми типами словосочетаний, взаимообогащаются. В то же время широкое распространение получают заимствованные из русского языка типы словосочетаний. Большинство новых типов словосочетаний, как показывают приведенные примеры, отражает новую идеологию, новую духовную жизнь советских народов. Во всем этом проявляется реальный процесс взаимодействия социальных факторов и внутренних законов развития языка.

Лингвистам хорошо известна консервативность, устойчивость структуры простого предложения. И тем не менее новые явления в области структуры простого предложения за короткий период времени были вызваны интенсивностью социальной жизни, высокой частотностью употребления новых синтаксических конструкций.

В младописьменных языках в советскую эпоху получили значительное развитие различные типы односоставных предложений, не известных народно-разговорному языку дописьменного периода. В этом отношении младописьменные языки весьма существенно отличаются от старописьменных и бесписьменных. Так, в чеченском разговорном языке бытовали в основном безличные предложения с глагольным сказуемым типа: *Сахуьлу* 'Рассветает', *Садов* 'Вечерет', *Таржло* 'Темнеет'.

В период формирования чеченского литературного языка в нем развились другие типы односоставных предложений: а) безличные инфинитивные предложения; инфинитивные предложения с отрицанием; в) инфинитивные безличные предложения понуждения; г) номинативные предложения; д) диалогические неполные предложения.

Безличные инфинитивные предложения были чужды чеченскому языку дописьменного периода и первому периоду формирования письменности. Разговорный язык не испытывал потребности в разнообразных и тончайших модальных оттенках, в которых нуждается развивающийся литературный язык в связи с его стилистической диф-

¹ Примеры взяты из Русско-чечено-ингушского словаря-справочника общественно-политических терминов (Грозный, 1961).

ференциацией, развитием художественного и научного мышления.

Модели распространенных безличных инфинитивных предложений — также новое явление в чеченском языке. Развернутые инфинитивные (безличные) предложения широко употребляются в обязательствах, договорах при перечислении строго аргументированных и "документированных" пунктов: *Доккхучу нефтах шех даболу мах лахбаран чьотах ворх эзар сом кхоон* 'За счет снижения стоимости добычи нефти сэкономить 7 тыс. рублей'; *Скважинийн лаьтта бухарчу гирсаина ремонт яран нормаш 112 процентана кхочушьян* 'Выполнить нормы ремонта подземных сооружений скважин на 112 процентов'; *Кьинхьегаман эсаралла 1, 4 процента лакхаккха (н)* 'Повысить производительность труда на 1,4 процента'².

Аналогичные новые явления наблюдаются в развитии строя предложения и в других младописьменных языках. Так, более значительные изменения произошли в развитии простого и сложного предложения в финно-угорских младописьменных языках. В удмуртском развились, например, "сложноподчиненные предложения с придаточными определительными, связанными с главными частями сложных построений при помощи относительных местоимений и наречий, <...> союзных слов:

Трос вань сыче кимьес, кудьессэ калык туж юн гажаса вера 'Много есть таких имен, которые народ произносит с большим уважением' <...>; *Одно шк вуоз сыче дыр, ку мукет государствосысь но ужаса улисьес капитализм зйбетэз вылысьтызы куштоты* 'Непременно наступит такое время, когда и в других государствах трудящиеся сбросят с себя гнет капитализма' [Перевощиков. 1963. С. 22—23].

В формировании разных типов сложноподчиненных и сложносочиненных предложений в удмуртском языке большую роль сыграл русский язык, из которого удмуртский еще в 20—30-е годы воспринял "не только формы некоторых построений, но и союзные средства образования отдельных типов сложных предложений (союзы *что; потому что; чтобы, если, но*)" [Там же. С. 24].

Во всех языках, получивших письменность в советскую эпоху, развились не свойственные народно-разговорным языкам, но, как правило, широко распространенные в литературных языках предложения, в состав которых включаются вводные слова и обособленные второстепенные члены предложения [ВРЛЯ. 1964. С. 162—163].

Все приведенные выше примеры — результат взаимодействия, сплетения социальных факторов и внутренних законов языков. При этом в одних случаях наблюдается преодоление социальным давлением давления системы, а в других случаях, наоборот, преодоление социального давления давлением системы. В этих процессах огромную роль, нередко определяющую, играют такие социальные факторы, как: а) многонациональный состав коллективов на производстве; в государственных учреждениях, общественных организациях; б) широкое применение национально-русского двуязычия в национальных регионах; в) высокая частотность употребления новых типов словосочетаний, простых и сложных предложений в национальных языках.

² Из газ. "Лениннан некъ", 1964, 22 марта.

Социальные факторы в стилистической дифференциации языка

Многие лингвисты не находят основания для лингвистической стилистики как особого уровня внутренней структуры языка. Эта точка зрения исходит из того, что стилистика не имеет таких собственных специфических уровневых структурных единиц, какими обладают фонология (фонемы), морфология (морфемы), синтаксис (словосочетание, простое и сложное предложение), лексика (лексические единицы). Действительно, стилистическая система языка не обладает такими постоянными уровневыми единицами.

Но возникает вопрос, является ли наличие подобных уровневых единиц единственным критерием выделения уровня языка. Можно ли считать однотипными фонологические, морфологические, синтаксические и лексико-семантические единицы. Любой языковед согласится с тем, что здесь мы имеем дело с совершенно разнотипными единицами. И тем не менее они взаимопроникают. Фонемы служат своеобразным строительным материалом для лексики. А слова также выполняют роль строительного материала для синтаксиса, стилистики и т.д. Идя по этому пути интерпретации взаимоотношения между уровнями и уровневыми единицами языка, можно утверждать, что фонемы служат строительным материалом не только для морфологии, лексики, но и для синтаксиса и стилистики (через посредство морфологии и лексики).

Таким образом, стилистика может использовать в своих целях все уровни и уровневые единицы. Но с какой целью стилистика может это сделать? С целью удовлетворения определенной духовной, выразительной потребности общества, социальной группы, индивида (личности). Такая потребность может быть эстетического, этического, идеологического и познавательного характера. Языковые средства, служащие для удовлетворения социальной и субъективной духовной потребности указанных разновидностей, должны выполнять различные стилистические функции.

Стилистическая организация языка (речи) должна быть обусловлена социальными и индивидуальными (субъективными) факторами (в отличие от объективно существующих в языке фонологического, морфологического, синтаксического лексического (лексико-семантического)

**Возможные типы стилистической дифференциации языка
и их функции**

Дифференциация носителей языка	Функции			
	эстетическая	нравственно-этическая	идеологическая	познавательная
Общество	+	+	+	+
Социальная группа	+	+	+	+
Индивид (личность)	+	+	+	+

уровней и уровневых единиц). Такая стилистическая организация языка и речи зависит также и от целей общества, социальной группы, индивида (личности), от эстетической, нравственно-этической, идеологической и познавательной потребностей соответствующих носителей языка.

Это следует учитывать при оценке многих существующих определений стилистики и стиля. Вместе с тем нужно различать цели социальных и субъективных факторов, создающих разные стили и стилистические системы. Так, например, употребление нескольких субстантивированных причастий в предложении может преследовать цели усиления торжественного характера содержания отрезка текста и речи:

От ликующих, праздно болтающих,
Обагривших руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви.

(Некрасов).

Стилистическая организация прозаической или поэтической речи языковыми средствами подобного рода может служить показателем особенностей стиля писателя: прозаика, поэта, оратора [Рождественский. 1984; Михневич. 1984]. Стилистическая организация языка (текста) и речи не дана в самой структуре языка (как слова, фонемы, морфемы, синтаксемы, грамматические категории), она творится социальными факторами или субъективным фактором (индивидом, личностью), которые выполняют роль творческой, созидательной силы.

Закономерности формирования и развития стилистических систем литературных языков существенно отличаются от закономерностей формирования и развития лексико-семантических, фонематических, морфологических и синтаксических систем. Это в равной степени относится к старописьменным, младописьменным и бесписьменным языкам. Стилистические системы в большей степени зависят от развития общественных функций языков, разных социальных и субъективных факторов, чем лексика, фонетика, морфология и синтаксис. В самом деле, фонематические, морфологические, лексико-семантические, синтаксические системы языков существовали и существуют некоторым образом "независимо" от степени стилистической дифференциации литературных языков. Бесписьменные языки обладают достаточными для функционирования фонетическими, лексико-семантическими, морфологическими и синтаксическими системами, но в них не образовались функциональные стили, характерные для литературных языков, при том что стилистическая дифференциация речи существует и обусловлена трудовой деятельностью, религией, обрядами, бытом [см. Дешериев. 1961].

Каждый стиль характеризуется не только функциональной целенаправленностью, т.е. известными общественными функциями, но и присущей ему системой лингвистических средств, специфика которых в той или иной мере может проявиться в области словарного состава, синтаксиса [Ефремов. 1963], в меньшей степени в фонетике [Панов. 1963. С. 15], морфологии [Пешковский. 1925. С. 165] в зависимости от конкретных целей и задач стилистической организации текста и речи.

Таким образом, развитие стилистических систем имеет влияние на словарный состав, фонетику, морфологию и синтаксис.

Сознательно предпринятые обществом мероприятия по расширению общественных функций литературных языков имеют большое значение для развития стилистических систем языков:

а) создание письменности для ранее бесписьменных народов, осуществление мероприятий по развитию национальной культуры, литературы, искусства обусловили возникновение и развитие художественной литературы младописьменных народов на базе фольклора, в условиях благотворного влияния русской литературы и литератур других народов; это привело к формированию стилей прозы, поэзии, драматургии на младописьменных языках [РЛЯС. 1965];

б) издание в более или менее широких масштабах общественно-политической литературы, появление периодической печати обеспечили формирование публицистического стиля;

в) развитие среднего и высшего образования, различных отраслей науки на национальных языках обусловило возникновение соответствующих функциональных стилей;

г) с организацией делопроизводства, переписки и судопроизводства на литературных национальных языках появились условия для возникновения канцелярского стиля и стиля судебного делопроизводства и т.д.

Само собой разумеется, что для формирования того или иного стиля недостаточно издания одной-двух книг, относящихся, скажем, к научно-технической литературе, или осуществления делопроизводства, переписки и судопроизводства в течение нескольких месяцев от случая к случаю. Формирование функциональных стилей зависит: а) от объема и жанрового своеобразия систематически, в течение длительного времени издаваемой литературы; б) от частотности систематического массового употребления этой литературы в течение продолжительного времени; в) от темпов и границ развития общественных функций языка. Только при этих условиях могут формироваться необходимые для лингвистической стилистики особенности.

Естественно при такой постановке проблемы сделать вывод, что дальнейшее развертывание стилистических систем литературных языков зависит от общества, социальных факторов, которыми определяется современное состояние и перспективы развития общественных функций этих языков.

Приходится констатировать, что понятия "стилистика", "развитие стилистической системы языка", "лингвистическая стилистика", "стилистика художественной литературы" остаются недостаточно ясными в современном языкознании [ср. например: Виноградов. 1959. С. 3; Тимофеев. 1959; Кожина. 1961; Чичерин. 1965. С. 15, 19].

Мы не будем останавливаться на обзоре разных определений стилистики. Сошлемся лишь на определение, которое отражает наше понимание стилистики: "Стилистика есть наука, изучающая разнообразные возможности организации речи в зависимости от содержания и определенной цели высказывания" [Степанов. 1954. С. 17].

Именно в специфической (для определенного эстетического, нравствен-

но-этического, идеологического и познавательного содержания) организации языкового (речевого) материала заключается сущность организации известного текста, отрезка языка и речи в эстетических целях. Разнообразие организации данного языкового (речевого) материала зависит от потенциальных возможностей языковой сочетаемости наличных элементов текста.

В знаменитом стихотворении А.С. Пушкина "К Чаадаеву" 79 слов (включая предлоги), а в последних пяти строках — 18 слов: *верь, взойдет, вспрянет, звезда, и, имена, напишут, наши, на обломках, она, ото, пленительного, Россия, самовласть, счастья*. ... Потенциально возможные типы взаимосочетания этих 18 слов в эстетических целях всего 306. По замечанию Л.Н. Толстого, А.С. Пушкин должен был выбрать из этих возможных 306 сочетаний "единственное нужное размещение нужных слов". Возможно, что А.С. Пушкин и не знал об этих 306 различных сочетаниях. Но он выбрал эстетически совершенное сочетание:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена.

Этот пример свидетельствует о самых широких возможностях создания собственного стиля писателя.

Ни один из уровней внутренней структуры языка не располагает такими неограниченными возможностями реагирования на социальные факторы, как стилистический уровень.

ЛИТЕРАТУРА

- Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 3, 20.
Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26.
Алатов В.М. Категория вежливости в современном японском языке. М., 1973.
Ахманова О.С., Микаэлян Г.Е. Современные синтаксические теории. М., 1963.
Виноградов В.В. Вопросы изучения словосочетаний // ВЯ. 1954. N 3.
Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М., 1959.
ВРЛЯ — Вопросы развития литературных языков народов СССР. Алма-Ата, 1964.
Гулямов А.Г. Проблемы исторического словообразования узбекского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ташкент, 1955.
ГУЯ — Грамматика современного удмуртского литературного языка. Ижевск, 1962.
Дешериев Ю.Д. Грамматика хиналугского языка. М., 1961.
Дешериев Ю.Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966.
Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М., 1948.
Ельмслев Л. Метод структурного анализа в лингвистике // Заегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1965. Ч. II.
Ефремов А.Ф. Стилистика словосочетаний // Вопросы синтаксиса и стилистики. Куйбышев, 1963.
Кайдаров А.Т. Выступление // Вопросы терминологии. М., 1961.
Кожина М.Н. Стилистика и некоторые ее категории. Пермь, 1961.
Крысин Л.П. Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.
Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа. М., 1974.
Кузнецов П.С. Русская диалектология. М., 1960.
Мацев А.Г. Чеченско-русский словарь. М., 1961.

- Мацев А.Г., Исламов М.Д.* Терминологический словарь чеченского языка. Грозный, 1930.
- Меновицков Г.А.* К вопросу о пронцаемости грамматического строя языка // ВЯ. 1964. N 5.
- Михеаич А.Е.* Ораторское искусство лектора. М., 1984.
- Панов М.В.* О стилях произношения: (в связи с общими проблемами стилистики) // Развитие современного русского языка. М., 1963.
- Панов М.В.* Фонетика современного русского литературного языка // Русский язык и советское общество: Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. М., 1968.
- Первоицков П.Н.* Роль русского языка в развитии культуры удмуртского народа. Ижевск, 1963.
- Петров Н.П.* Язык и стиль художественной прозы С.Ф. Фомина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963.
- Пешковский А.М.* Стихи и проза с лингвистической точки зрения. // Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. Л., 1925.
- ПЯО — Правила якутской орфографии. Якутск, 1963.
- Рассел Б.* Человеческое познание. М., 1957.
- РЛЯС — Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху. Улан-Удэ, 1965.
- Рождественский Ю.В.* Актуальные проблемы социалистической советской риторики // Риторика и стиль. М., 1984.
- СРЯ — Словарь русского языка: В 4 т. Т. 3.
- Степанов Г.В.* О художественном и научном стилях речи // ВЯ. 1954. N 4.
- Сухотин В.П.* Проблема словосочетания в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.
- Тимофеев Л.И.* Основы теории литературы. М., 1959.
- Ульдааль Х.И.* Основы глоссематики... // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1.
- ФЭС — Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
- Хохлова Л.В.* Социолнгвистический анализ форм вежливости в языке раджастанхи // Народы Азии и Африки. 1973. N 2.
- Чичерин А.В.* Идеи и стиль. М., 1965.
- Щерба Л.В.* Избранные работы по языкознанию и фонетике. М.; Л., 1958. Т. 1.
- ЭРЯ — Энциклопедия "Русский язык". М., 1979.
- ЭСЮФ — Энциклопедический словарь юного филолога. М., 1984.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СООТНОШЕНИЕ СОБСТВЕННО ЯЗЫКОВЫХ И СОЦИАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННЫХ ПРОЦЕССОВ В РАЗВИТИИ ЯЗЫКА

О ПРИЧИНАХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Произносительная сторона каждого языка непрестанно меняется, однако в большинстве случаев фонетисты бессильны объяснить, почему произошло каждое данное изменение. Более того: непонятен смысл фонетической изменчивости языка в целом. Нетрудно объяснить, почему происходят изменения в лексике: появляются новые предметы, которые надо назвать, формируются новые понятия, требующие выражения, меркнут эмоциональные краски слов — и требуют подновления... Поэтому появляются новые слова и новые их значения. Но почему неизбежно изменчиво произношение — в каждом языке, в каждом диалекте?

Напрашивается простой, житейски-непритязательный ответ: все в мире меняется; естественно, что меняются речевые произносительные навыки. Этот ответ не учитывает особое положение языка в общественной жизни. Есть такие установления, важные для общественной деятельности человека, которые тщательно оберегаются от всяких изменений. Например, эталоны единиц измерения — эталон метра и т.д. Они должны быть неизменны, и общество оберегает их неизменность. Более того, изменение их материального воплощения связано со все более строгим требованием неизменности их сути. Когда-то эталоном метра был металлический стержень, хранящийся в особых стабильных условиях в Париже, теперь это такое-то количество определенных электрических волн.

Язык относится именно к таким общественным установлениям. Он полноценно выполняет свое назначение в том случае, если остается (в области произношения) неизменным. Представим, что телеграфный код непрестанно меняется, причем — самопроизвольно, без целенаправленной людской воли; ведь именно так меняется фонетическая сторона языка! Пользоваться телеграфом было бы очень сложно.

То, что изменение произношения (во времени и в пространстве) — помеха для функционирования языка, особенно если он обслуживает высшие общественные потребности, доказывают литературные языки. У них процесс звуковых изменений замедлен, тормозится именно потому, что они — орудия культуры. Вместе с тем в этих языках преодолевается изменчивость произношения в пространстве: литературный язык в принципе не имеет диалектов.

И то и другое вызвано основной функцией языка: соединять людей в процессе общения. Общение состоится, если все говорящие имеют одну и ту же знаковую систему, и чем ее одинаковость выше, тем лучше для общения. Если у старшего поколения произношение не то, что у младшего, то это можно рассматривать как частную порчу средства общения; это похоже на телеграфный код, самопроизвольно изменившийся у одних телеграфистов и оставшийся неизменным у других.

Нет, нельзя остаться при убеждении, что произношение меняется, потому что не может не меняться. Изменения звуков в языке либо порча (но их повсеместность не позволяет согласиться с такой оценкой: разве фонетическая история языка может сводиться к его порче?) или они имеют смысл, т.е. определяются самой сутью языка, его работой.

Было немало попыток понять общие причины фонетических изменений. Напомним некоторые из этих попыток.

1. Принцип экономии произносительных усилий. Некоторые изменения отвечают такому принципу. Если гласный [о] заменяется гласным [ъ] ([Гóлос] → [гóльс]), то происходит уменьшение произносительных усилий: гласный [о] требует лабиализации и сдвижения языка назад, а гласный [ъ] не требует ни того, ни другого: он артикулируется с нейтральным положением языка.

Но многие изменения в произношении требовали, наоборот, уве-

личения мускульной работы. Н.С. Трубецкой показал [1960. С. 91], что нейтрализация гласных происходит в звуках либо нижнего, либо верхнего подъема. Так, в русском языке нейтрализация <a> и <o> приводит в одних позициях к [a] (после твердых согласных), в других — к [и] (после мягких согласных): *ноша—ношу́, нѣс—несѣт*.

Нейтрализация звуковых единиц всегда исторически вторична сравнительно с этапом "не-нейтрализации", различения единиц в данной позиции. Следовательно, развитие шло от [o] к [a], от [o] к [и]. Ясно, что данная закономерность противоречит предположению, будто суть изменений — в экономии артикуляционных усилий. Если считать верхний подъем гласных очень экономным: не нужна активность мышц, ведающих открытием ротовой полости, то неэкономен нижний подъем. Если видеть особую мускульную экономию в нижнем подъеме: нет необходимости утруждать мышцы—закрыватели ротовой полости, то неэкономен верхний подъем. Но предпочтение при нейтрализации отдается и тому и другому подъему... Экономии, как ни считать, нет.

Экономнее всего был бы средний подъем, но он-то и не дает нейтрализации. Или дает временно, как переходный этап: вспомним "эканье" для безударных гласных в русском языке XIX в.

Но самое главное возражение против теории "экономии произносительных усилий" — другое. Труднее всего та работа, которая непривычна. Именно она требует наибольшей траты усилий. Это верно по отношению к любому действию, в том числе и даже особенно — по отношению к артикуляционной работе. Якут, обучаясь русскому языку, *стол* превращает в *истол*, *круг* — в *икруг*. Родной язык не научил его произносить начальные сочетания двух согласных, и это ему исключительно трудно. Появляется лишний звук, протетический гласный *и*, для него нужна особая артикуляция, дополнительный расход энергии, и именно поэтому артикуляция стала легче!

Конечно, усвоение слов чужого языка и внутриязыковые процессы изменения произношения — явления разные. Но наше сравнение показывает, что произносительная трудность имеет природу не физиологически-мускульную, а иную: она определяется владением определенной звуковой системой. Легко все, что отвечает усвоенной системе произношения; трудно то, что не находит в ней опоры. Привычное и есть легкое. Поэтому если бы экономия произносительных усилий действительно была главным двигателем фонетической эволюции, то этой эволюции не было бы. Идти проторенным путем, а не новой дорогой — значит сэкономить силы.

О том, что упрощение артикуляций не является общим стимулом изменений, говорят случаи заменительных, компенсирующих новаций. Что-то изменилось (пусть даже упростилось), но изменение-упрощение компенсировано — введено усложнение артикуляции, восполняющее утрату. В древности у восточных славян гласный носовой [ɔ] изменился в [y], гласный носовой [ɛ] — в [a], т.е. звук среднего подъема превратился в звук верхнего подъема; в другом случае средний подъем заменен нижним. Опять никак не свяжешь с экономией произносительного труда!

А.М. Сухотин в своих лекциях (1938 г.) так объяснял эту замену. Назализация акустически понижает звук, его тембр. Поэтому, когда назализация исчезла, появилась тенденция возместить ее утрату, понизить тембр звука: гласный [e] перевести в более низкий по тембру звук [a], гласный [o] — в более низкий по тембру звук [y].

Таким образом, желанной оказалась константность звучания, и для нее было не жалко усложнить артикуляцию.

Иногда объясняют: произношение меняется во время передачи языка от поколения к поколению. Дети говорят не совсем так, как родители: тут и происходит упрощение артикуляций. Изменение наступает не после усвоения артикуляционных навыков и стабилизации их, а во время овладения ими. Однако "упрощаются" не любые, а определенные артикуляции, и изменение идет в одну сторону у всех говорящих на данном языке, оно закономерное и единонаправленное. Как дети сговариваются так согласованно работать? Нет, и дети не помогут свести фонетическую эволюцию к экономии произносительных усилий.

Причина фонетических изменений простая, писал Е.Д. Поливанов: человеческая лень. Нет, не лень. Люди не ленятся работать языком.

Представление, что суть фонетических процессов в упрощении артикуляций, предполагает ряд:

$$A_n + A_{n+1} + A_{n+2} + A_{n+3} + A_{n+4} \dots$$

где каждый член — определенное состояние артикуляции. При этом A_{n+2} проще, чем A_{n+1} , требует меньше энергии; A_{n+1} проще, чем A_n ... Но этот же ряд может быть characterized и так: каждый предыдущий член сложнее последующего... Этот ряд, уходя в дали прошлого, должен приводить к изрядно сложным артикуляциям. Как же такие артикуляции, в древности очень сложные, могли возникнуть? Почему язык начинал с невероятной сложности? И могла ли эта сложность быть такой мощной, что ее упрощение и составило фонетическую историю человеческих языков? Пока не будет выяснено, почему язык древнейших эпох обладал такой артикуляционной сложностью, что ее упрощение затянулось на века, до тех пор гипотеза экономии артикуляционных усилий не может считаться средством объяснить причины языковой произносительной эволюции.

2. Принцип экономии фонем и их различительных признаков. Предполагается, что существенная сторона фонетической эволюции — исчезновение фонем (и как следствие этого — определенных произносительных признаков), которые по каким-либо обстоятельствам оказались слабыми: либо они редки в речевом потоке, либо слаба их различительная нагрузка, либо мало слов, включающих такие звуки, либо они слабы, потому что сформированы признаками, не представленными в других фонемах.

Все это реальные причины угасания и "пропажи" звуков в языках. Например, [ж:] в русском языке дышит на ладан, потому что:

1) в речевом потоке встречается редко. Взяв сборник какого-нибудь поэта, мы найдем в нем много стихотворений, которые совсем не

включают звука [ж':]. Но вряд ли есть стихотворения без звуков [с—с'—т—т'—н—н'—j];

2) образует мало словоформ, которые отличались бы от других словоформ только звуком [ж':] (типа *жжёт* — *счёт*);

3) мало словоформ, включающих этот звук;

4) "долгота + мягкость" — комплексный признак, который есть только у звуков [ж':] и [ш':].

Поэтому с согласными [ж':] спорит его активный соперник [ж:], который может трактоваться как [жж], т.е. как сочетание двух звуков. А звук [ж] частотен в текстах, образует много минимальных пар (*жар—шар* и т.д.), входит во многие словоформы, обычен по своим признакам...

Все эти факторы надо принимать в расчет. Но вряд ли уменьшение числа единиц можно считать фактором, направляющим общую эволюцию звуковых систем, — во всех языках или в какой-либо их значительной части.

Уменьшение числа различительных единиц (в нашем случае — звуков) ведет к тому, что снижается средняя информация, передаваемая каждым знаком. Для слушателя это плохо. Речевое общение происходит в переменчивых условиях, часто сопровождается сильными помехами, и поэтому понижение уровня информации (уменьшение числа бит, приходящихся в среднем на один знак) вряд ли можно считать постоянно положительным фактором.

И действительно, в истории любого языка, изученного на протяжении длительного времени, есть и факты уменьшения числа различительных признаков, и факты увеличения их числа. Показательна в данном отношении история русского языка.

Соотношение кода и текста связано ясной закономерностью: увеличение кода позволяет сократить текст; уменьшение кода требует удлинения текста. Это неизбежно, если все остальные условия общения остались неизменными. Примеры из истории письма: переход от иероглифики к буквенному письму ведет к сильному сокращению кода (письменных знаков не тысячи, а десятки) и удлинению текстов (было: сколько слов — столько знаков в тексте; стало: сколько звуков — столько знаков в тексте, следовательно, в несколько раз больше, поскольку слова обычно состоят из нескольких звуков).

В языке же при уменьшении числа различительных единиц, иначе говоря — при сокращении кода, не происходит удлинения текстов. Часто происходит, наоборот, их сокращение. Например, падение в древнерусском языке гласных [ѣ] и [ь] привело как раз к укорачиванию слов: *сънь* — *сон*, *дънь* — *день*. Это означает, что "все остальные условия" не остались неизменными: может быть, изменилась необходимость в определенном уровне информации, говорящие (вернее — слушающие) стали довольствоваться менее высоким уровнем; почему? Пока этот вопрос остается без ответа, неясен сам принцип "сокращения кода", т.е. принцип экономии фонем и их различительных признаков. Есть еще какое-то обстоятельство, которое позволило, сокращая текст, не увеличивать объем текста. Не в нем ли подлинная причина изменений?

3. Принцип симметрии. Представим, что звуки какого-то языка хорошо представлены такой матрицей:

	а	б	в
А	1	2	
Б	3		4
В	5	6	

Здесь а, б, в — определенные звуковые признаки, например у гласных — три разных подъема языка; А, Б, В — другой ряд признаков тех же звуков, например передний, средний и задний ряд артикуляции. Предполагается, что звук 4 испытывает большое желание сдвинуться в соседнюю левую клетку, т.е. изменить свою артикуляцию.

А если матрица такая:

	а	б	в
А	1	2	3
Б	4	5	
В			6

— то звук 6 устремится в клетку под звуком 3.

Почему он одержим таким желанием? Ведь положение двух звуков, стоящих в наших матрицах на отлете, как будто выигрышно: они значительно отличаются от других звуков, поэтому им легко выполнять роль различителей слов. После передвижки их "особливость" уменьшается.

Вероятно, прав был В.Н. Сидоров, считавший это объяснение совершенно искусственным. Даже в проникательной и глубокой книге А. Мартине [1960] о причинах фонетических процессов нет убедительных примеров, демонстрирующих этот принцип: все случаи, приводимые автором, допускают иное объяснение, притом более обоснованное. Из примеров, данных у Мартине, следует: артикуляция изменяется в двух случаях: во-первых, если есть соседняя пустая клетка, во-вторых, если есть соседняя занятая клетка. В последнем случае данный звук совпадает с другим. Распространеннейшее явление! В совокупности оба этих случая доказывают, что свободная соседняя клетка — не причина изменения. Ср.: доказано, что данное заболевание появляется в присутствии микробов особого типа, а также в их отсутствие. Очевидно, микробы данного типа — не причина заболевания.

Как возникло мнение, что звуки стремятся в каждом языке составить симметричную таблицу? После И.А. Бодуэна де Куртене и Ф. де Соссюра в лингвистике стали говорить о системных связях между единицами языка. Системой назвали совокупность взаимосвязанных единиц, так что статус каждой единицы определяется наличием всех остальных единиц данной совокупности. Понятие сложное. Оно вовсе не сводится к симметрии.

Вот наглядное пособие, хорошо демонстрирующее системные отношения: в большой стеклянный сосуд помещены два детских надувных шара; каждый можно надуть то сильнее, то слабее; в этом сосуде

они уже не шары — форма каждого из них зависит от соседа, от его упругости, от его размера и т.д. Стоит сильнее надуть один шар, и изменится форма и положение в сосуде другого. Но симметрии, как правило, никакой не будет.

Трудное понятие системы — одно из основных в языкознании. И его освоение, во всей его диалектической гибкости, идет с большим трудом. Возникло желание заменить его более легким — симметрией. Если матрица заполнена хорошо, плотно, без пустых клеток, то она и есть-де система. Если неплотно, несимметрично — система нарушена; это, оказывается, узус строит козни системе.

Было истрачено много усилий, чтобы доказать склонность звуков к симметричному размещению. Но если не вульгаризировать понятие системы, то остается совершенно необъяснимой такая тяга звуков языка становиться в строй. Видимо, в действительности такого стремления и нет.

Заметим мимоходом: стоять особняком в матрице — не значит ли иметь уникальные признаки, не повторяющиеся у других звуков? Часто это именно так и будет. Тогда данный случай растворяется среди тех, которые характеризуются в п. 2.

Проблемы по существу две. Первая — определить причины отдельного фонетического изменения.

В сочетаниях "губной + мягкий заднеязычный" первый согласный должен непременно быть мягким: *сѣ [м']зи, не[м']ки, на Покро[ф']ке, в коро[п']ке, А[в']гиевы конюшни...* Закономерность была живой еще в конце 20-х — начале 30-х годов нашего века. Потом такое произношение быстро схлынуло и стала господствовать другая норма: губной в таком соседстве стал произноситься твердо. В чем причина такого "атомарного" изменения? История произношения, т.е. история фонетических систем, должна ответить на множество таких вопросов.

Но такое изменение не обособлено, не единично. Во многих других сочетаниях согласных произошла замена мягкого согласного на твердый. Процессы находятся на разных ступенях своего развития, исход их еще далеко не всегда вполне ясно определен. Но тем не менее ясно, что наличествует какая-то общая тенденция, объединяющая разные изменения.

В общеславянском языке известны процессы, объединяющие многие частные, отдельные фонетические изменения: во-первых, тенденция к открытости слога, во-вторых, стремление к образованию сингармонических слогов. Существует убедительное мнение, что обе эти комплексные закономерности можно рассматривать как проявления более общей единой закономерности.

Язык, переходя от одного фонетического процесса к другому, движется в одном направлении. В чем причина такого многочленного изменения? Что движет фонетическую систему через ряд однотипных перемен? Вот вторая проблема. Она особенно важна. Она ведет к освещению наиболее глубоких причин фонетической эволюции.

Чтобы понять, в чем причина долговременных, "серийных" изме-

нений в произношении, надо в самой жизни общества найти такие долговременные изменения, которые могли бы воздействовать на язык.

Вероятно, справедливо мнение, что темп общественной жизни все время убыстряется. Произведения композиторов XVIII в. сейчас играют в более быстром темпе, чем обозначили в нотах сами композиторы: вместо *largo* играют *adagio*, вместо *adagio* — *andante*. Очевидно, сознание, какой темп наиболее отвечает данному произведению, изменилось; это — влияние убыстряющегося темпа жизни.

Когда в 1935 г. были пущены первые линии московского метро, движение эскалатора казалось очень быстрым. Но через короткое время оно было еще ускорено, и москвичи быстро привыкли к новой скорости "лестницы-чудесницы". После войны движение эскалатора было снова ускорено. Вначале пускали рядом две лестницы, движущиеся вниз: одна — со старой, привычной скоростью, другая — убыстренная. И большинство пассажиров терпеливо спускалось на медленном "конвейере". Постепенно росло число любителей быстрой езды, пока медленный эскалатор совсем не опустел. Можно было бы привести и другие примеры, подтверждающие, что общественная жизнь, в ее повседневных проявлениях, в бытовых действиях, постепенно убыстряется. Не влияет ли это на произношение? Так как этот процесс единонаправлен — в каждую эпоху, видимо, растет стремительность жизни, — то это могло бы объяснить единонаправленность многих фонетических изменений.

Убыстряется поведение людей — убыстряются артикуляции, они становятся "укороченными", сокращенными, а это преобразует звучание речи... Но, видимо, такой прямолинейной связи нет. Некоторые русские диалекты имеют высокий темп речи, но сохраняют всю четкость артикуляций. Заметим, что эти говоры — окающие: безударные гласные четко отличаются друг от друга, качественной редукции нет, ясность и полновесность артикуляций полностью сохраняется, хотя «безударные слоги произносятся со значительно меньшей экспираторной силой и длительностью, чем слог ударенный». Темп речи высокий. «Это создает впечатление скороговорки» (Пауфошима 1980). Как будто швейная машинка работает, — так описывал свое впечатление от этих говоров в своих лекциях Р.И. Аванесов. Таковы некоторые русские говоры Карелии.

Таким образом, быстрый темп речи вовсе не влечет размытости, ослабленности, упрощения артикуляций. Оканье (произношение, которое ограничивает редукцию безударных гласных) не связано с более медленным темпом речи, аканье (все виды его обнаруживают склонность к редукции гласных) не связано с быстрым темпом.

Темп французской речи значительно более быстрый, чем русской, но на напряженности и четкости артикуляций это не отражается.

Следовательно, ряд зависимостей, который мы пытались построить: убыстрение темпа общественной жизни — убыстрение темпа речи — усиление артикуляционной "экономии" — на самом деле не имеет места.

Итак, первая попытка найти в жизни общества такое долговременное единонаправленное изменение, которое оправдывало бы и объяс-

няло изменения в произношении (тоже долговременные и единопавленные), оказалась неудачной. Продолжим наши поиски.

Люди окружены океаном самых разных знаков. Естественно было бы предположить, что так же, как человек совершенствуется в использовании транспортных средств, бытового оборудования и т.д., он век за веком овладевает все более высоким умением использовать знаки.

Всякая знаковая система, используемая человеком, несет избыточную информацию. Она необходима: не будь избыточной информации, любая оговорка, ослышка, опечатка, "оглядка" привели бы к приему ложных сообщений. Но как велика должна быть эта избыточная информация, это превышение над уровнем необходимой информации, чтобы речь-письмо воспринимались в данную эпоху, в данном обществе легко, без затруднений? Вероятно, это превышение исторически изменчиво.

Возьмем в качестве примера одежду. Значение "мужчина" — "женщина" в XVIII в. передавалось большим количеством примет одеяний, чем в XIX в., и еще меньше этих примет в современном костюме. Ср. женские портреты Рокотова или Левицкого — "Курсистку" Ярошенко и другие женские портреты передвижников — современные джинсовые, брючные и т.д. костюмы женщин. В каждую эпоху есть своя мера признаков, достаточных для того, чтобы "прочитать" костюм.

Итак, предполагается, что уровень информации, которую — в среднем — несет звук, исторически изменчив; и он постоянно, от эпохи к эпохе, понижается. Сам процесс можно представить таким образом.

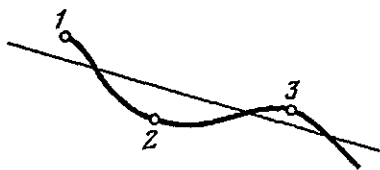
Совершенствуется общественное умение воспринимать знаковые системы; уровень необходимой информации, которая нужна для верного восприятия речи, постепенно для каждой единицы снижается; появляется возможность упростить строение этих единиц — звуков и, следовательно, слов, поскольку слова состоят из звуков.

Эта потребность упрощения пускает в ход позиционный процесс: в определенных позициях звуки или исчезают, или теряют различительные признаки (происходит нейтрализация фонем). Позиционный процесс, как ему и положено, охватывает звуки, подлежащие позиционной замене не в некоторых, а во всех словах, где налицо данная позиция; он не прекращается и тогда, когда уровень нужной (пониженной) информации достигнут. По известной фольклорной формуле: "Он кончает не тогда, когда сыт, а когда — всё". Процесс не может быть остановлен, когда достигается желанный уровень средней информации. Признак такой-то утратит свою различительную силу (перестанет нести информацию) только в том случае, если он будет полностью определен, обусловлен позицией, т.е. будет дан всегда, когда дана позиция — во всех словах языка.

Следовательно, процесс, продолжаясь до своего необходимого завершения, может снизить среднюю информацию произносительных единиц до нежелательного уровня, более чем это желательно и приемлемо в данную эпоху. Тогда вступают в силу другие языковые процессы — повышающие этот уровень. Но и здесь колебание может

оказаться чрезмерным, несоизмеримым с исторически определенной "информационной потребностью".

Схематически это можно представить так:

Наклонная прямая представляет исторически понижающийся средний уровень информации, которую несут фонетические единицы. Около этой прямой колеблется волнистая линия, она изображает реальную информацию, несомую звуками. Участок, отмеченный цифрой "1", показывает уровень, превышающий необходимый; запущен позиционный процесс, снижающий уровень реальной информации (количество битов, в среднем несомых звуком) до желательного уровня. Но позиционное преобразование продолжается, а информация снижается ниже искомого наиболее благоприятного для общения уровня; поэтому включены языковые механизмы, повышающие этот уровень; — часть, отмеченная цифрой "2", и т.д.

Приведем пример такого процесса. Фонетические изменения в русском языке следуют "закону Бодуэна де Куртенэ": система гласных упрощается, т.е. гласные несут все меньшую информацию, система согласных усложняется, т.е. они несут все большую информацию. Этот закон проверен для древнейших периодов русского языка XII—XVII вв. Но он действует и в XVIII—XX вв. [см. Аванесов. 1949. С. 59].

Перечислим некоторые факты, отвечающие закону Бодуэна де Куртенэ. Вначале — те, которые относятся к изменениям гласных, потом — к изменению согласных. Курсивом указаны социальные факторы "однонаправленного действия", т.е. повлиявшие именно на данное частное изменение.

1. Экающее произношение, при котором различаются безударные <э>—<и>, сменяется произношением *икающим*, где <э>—<и> нейтрализованы, не различаются. Конец XIX — начало XX в.

Влияние московского просторечия.

2. "Высокое оканье", свойственное церковной проповеди, торжественным речам ("официальные приветствия"), поэтической речи, сменяется *аканьем*, неразличением <а>—<о> в безударных слогах. Оно начинается господствовать во всех стилях.

Секуляризация литературного языка, его отделение от церковного красноречия; в поэзии — угасание классицизма с его нормами декламации.

3. Во флексиях, в заударных слогах, различение <а>—<о> после мягких согласных (ср. *медвѣды* — [ѣм] во флексии; *медвѣдем* — [ѣм] во флексии) уступает место их неразличению. Середина XX в.

Влияние аллегровой речи в особых речевых ситуациях.

4. В предударных и в заударных слогах (но не во флексиях) периодически возникают случаи межслогового выравнивания гласных: безударные подравняются к ударному и друг к другу. Середина —

вторая треть XX в. Явление представлено на уровне оговорок и не стало закономерностью [Пауфошима. 1980].

Это — изменения, касающиеся гласных. Далее — о согласных:

5. До середины — конца XIX в. в обычной литературной речи (не в ораторской) были невозможны сочетания двух тождественных звуков, их удвоение, даже на стыке значимых единиц; совпадало произношение *вышине—в вышине, подтащит—потащит*. В конце XIX — начале XX в. такие долгие, двойные, с затянутой выдержкой согласные становятся обычными.

Под воздействием письма; под влиянием ораторской и вообще публичной речи.

6. На стыках приставки и корня произносилось: *ра[ш':]истить, и[ш':]ислять, бе[ш':]естный*, и так же: *ра[ш':]ет, ра[ш':]у* (от *растить*) — в составе корня, не на стыке морфем. Не было фонемных противопоставлений: <ш>—<сч>, <зч>. В 20—30-е годы XX в. укрепились новая норма: не на стыке произносится [ш':], на стыке — [ш'ч]. Налицо противопоставление отмеченных фонемных единиц.

7. Мягкие согласные [к'—г'—х'] возможны только перед гласными переднего ряда; так было до 20—30-х годов нашего века. Затем появились слова: *киоскёр, паникёр, бракёр, маникюр, педикюр*; новообразования, пришедшие из диалектов: *ткёшь, ткёт, ткём, ткёте*.

Заемствование лексики из других языков, влияние диалектов.

8. В сочетаниях "зубной + мягкий губной" первый согласный (зубной) был непременно мягким; это была слабая позиция для различения твердых—мягких зубных. Позже — 30—80-е годы XX в. — оказались сосуществующими две модели: в одних словах согласный зубной, как правило, мягкий (*разве, извините*), в других — твердый (*развитие, известие*). Появилась возможность различения твердых—мягких согласных там, где ранее его не было.

Взаимодействие диалектов.

Некоторые из названных процессов, несомненно, вызваны грамматической аналогией. Но само усиление влияния грамматической аналогии может расцениваться с социологической точки зрения: она действует в условиях понижения традиционной устойчивости языка и более активной при смене социального состава носителей культурной речи.

9. В некоторых сочетаниях — <стк>, <нтк> — непроносимые согласные "проявились", стали произноситься. Возникли возможности противопоставления: <стк> — <ск>, <нтк> — <нк> (*стамеска — невестка, лаборантка — изнанка*). XX в.

Усиление влияния письма, связанное с распространением грамотности.

10. Сочетания "взрывной заднеязычной + смычный определенного типа" были в XVIII—XIX вв. невозможны. Произносили: *кто, х тем* (XVIII—XIX вв.), *х чему* (до начала XX в.), *х кому* (до 30-х годов XX в.). Сейчас сочетания *кт, кч, кк* разрешены нормами языка. Случаи типа *лехче, мяхкий* — факт не фонетики, а лексики. Таким образом, в позициях перед [т—к—ч] оказались противопоставленными [к] и [х].

Видно, что во многих случаях новшества в группах согласных не могут способствовать большим изменениям в речи и не повлияют

сколько-нибудь значительно на уровень информации. Это и понятно. Конечно, фонетические изменения не являются "зрячими", они не направлены к сознательной цели, они вообще не телеологичны. Поэтому ряд процессов фактически не дает существенного вклада в изменение информации. Но в общей массе фактов и эти мелкие детали должны быть учтены.

Описанные процессы — хорошая иллюстрация к схеме, приведенной выше. Гласные изменения — это волна, которая в основном приходится на XVIII—XIX вв.; согласные изменения — волна, которая приходится на конец XIX и на XX в. Гласная волна дает уменьшение информации, притом значительное. Особенно оно значительно при победе *й*канья. Очевидно, реальный уровень информации спустился ниже желательного. Поднимается другая, согласная волна, которая дает увеличение информации, пока еще незначительное, но явно направленное в сторону, противоположную прежней волне.

Характерная деталь. На XX в. падает одна значительная "гласная" перемена: раньше после твердых шипящих передненёбных в первом предударном слоге были возможны три гласных: [э^h—ы—у]: *шары* и *шесты*, *широк*, *шутить*. По новой норме их четыре: [а—э^h—ы—у]: *шары* (с [а]), *шесты* (с [э^h] или [ы²]), *широк*, *шутить*. Значит, это "гласное" изменение, попав в волну увеличения информации, изменило закону Бодуэна де Куртенэ и включилось в общую работу по увеличению различителей в известных позициях.

Отношение к росту или уменьшению информации в каждой волне единонаправленно и целостно. Напротив, частные социальные причины пестры и разномастны. Видно, что они выступают как вспомогательные средства, актуализированные более глубокой, "информационной" причиной.

Вначале фонетическое изменение наступает в определенной позиции. Потом оно может распространиться на другие позиции. В некоторых случаях оно охватывает все возможные позиции, и тогда звук изменяется в языке в целом. Перестал существовать старый звук, на его месте появился новый.

Таким образом, фонетическое изменение имеет позиционный характер. Позиционные же изменения хочется рассматривать как обусловленные артикуляторно. Например, в соседстве оказались твердый и мягкий согласный. Мягкий передает свою мягкость соседу. Это ассимиляция. Или рядом находятся два взрывных. Второй у первого отбирает взрывность, превращает его в щелевой; называется — диссимиляция. Сильный, ударный гласный ослабляет предшествующий безударный — редукция. Везде как будто требования предъявляет артикуляция, отвечает на него другая артикуляция — в силу своего родства, подобия с влияющей артикуляцией. Обязательна ли эта закономерность? Не может ли быть так: вызывающее качество — взрывной характер артикуляции, а вызванное — мягкость соседнего звука? Вызывающее качество — зубная артикуляция, а вызванное — аффрикативность соседа? Иначе говоря: одна артикуляция вызывает вовсе не подобную ей другую; соседнюю или не соседнюю, артикуляцию.

Если бы такие случаи были, то надо признать, что в основе всех позиционных взаимодействий лежит вовсе не артикуляционная потребность, не физиология "заводит" этот механизм.

Такие случаи есть. Например, в современном русском языке любой негубной согласный обуславливает твердость предшествующего губного. Признак обуславливающий: место артикуляции. Признак обусловленный: твердость, т.е. отсутствие палатализации. Место артикуляции и палатализация — в принципе различные артикуляционные особенности. А здесь они находятся во взаимодействии. Сами термины "негубной" и "твердость" здесь используются, чтобы назвать класс звуков, но не затем, чтобы объяснить механизм взаимодействия.

Но, пожалуй, эту закономерность можно переформулировать по-другому: в сочетании согласных только перед мягким губным может быть мягкий губной. Эта формулировка обнаруживает, что все-таки данная закономерность может трактоваться как основанная на артикуляционном выравнивании. Вместе с тем возможность переформулировок показывает, что обычные ссылки на физиологические основы звуковых замен не обладают полной непреложностью и логической обязательностью.

Приведем другой пример, который заставит нас признать, что не в физиологических уподоблениях (или расподоблениях) суть позиционных закономерностей. В современном русском языке запрещено сочетание мягких зубных с дрожащими, т.е. сонорными переднеязычными согласными. Соседство [т'—д'—с'—з'—н'] с [р—р'] в пределах одного современного русского слова невозможно. Здесь никак нельзя видеть "естественные" физиологические мотивировки фонетической закономерности. Эти сочетания не по зову артикуляционного подобия изгнаны: во-первых, звуки, обуславливающие немягкость, сами могут быть и твердыми, и мягкими: [р—р']: *тройка, три; друг, ноздри; сразу, срез; зрак, зря...* Во-вторых, позиционная закономерность требует здесь условия: дрожащий согласный, но это качество не имеет никакого сходства ни с одним признаком обусловленных звуков — среди них как раз нет дрожащих.

Известно, что следует различать два случая: сочетание единиц не представлено лексически и сочетание единиц невозможно по законам данного языка. Что в данном случае: сочетание "мягкий зубной + + дрожащий" не представлено лексически, просто не нашлось слов с таким сочетанием или оно запрещено фонетическими законами современного русского языка? Верно второе: отсутствует целый класс звуков — все мягкие зубные¹, а это и означает, что дана закономерность, неслучайное стечение фактов.

Как могла установиться такая закономерность? В древнерусском языке был материал для позднее запрещенных сочетаний: ТЪРУ, ДЪРАТИ, ПРОЗЪРЪТИ и т.д. Они могли бы дать сочетание мягких зубных с дрожащими после падения редуцированных гласных. Но таких случаев

¹ Кроме [л]; ср. *кольраби*, но сонорные боковые во всех позициях ведут себя иначе, чем остальные зубные; в русском языке они составляют особый класс звуков. Обратим внимание хотя бы на то, что <л—л> ни в одной позиции не нейтрализуются.

было немного. Наоборот, сочетания твердых зубных перед дрожащими были многочисленны. Поэтому малочисленная группа уподобилась более представительной — в условиях, когда было необходимо понизить общий уровень информации звуков языка.

Никто не игнорирует, конечно, акустико-артикуляционную природу фонетических единиц: ведь речь идет лишь о строго определенной их группе, о зубных согласных. Все дело в том, что акустико-артикуляционные качества влияющих звуков не связаны "напрямую" — ни по принципу подобия, ни по принципу противоположности — с качествами звуков, вызванными позиционным воздействием.

Таких случаев немало. Известный "закон руки" — хороший пример такой же "неартикуляционной" закономерности: после звуков *i, u, r, k* согласный *s* изменялся в *ch*, если дальше не следовал глухой взрывной *t, p, k*. Переход *s* в *ch* артикуляционно вполне естествен и понятен: звуки эти похожи, и во многих языках отмечен такой переход (обычно через ступень *ʃ*). Можно понять, почему глухие взрывные согласные выступают как стабилизаторы артикуляции, "укрепители" *s*. Но невозможно на артикуляционной базе объяснить, почему объединились в своем воздействии на *s* такие разные звуки, как *i, u, r, k*. Как бы мы ни искали, между ними нельзя найти артикуляционного или акустического сходства. Не шел ли процесс в два, близких по времени этапа, настолько близких, что их хронологическое отстояние сейчас невозможно установить? Первый этап — воздействие *i, u, r*. Их все можно рассматривать как гласные, у которых очень значительно участие тона, а среди гласных они выделяются наименьшим расходом воздуха, максимальной (для гласного) закрытостью. Отдельно происходил процесс изменения *s* под влиянием *k*. Мы разбили одну артикуляционную группу на две, добившись большего артикуляционного сходства внутри подгрупп. Но остается по-прежнему неясно, почему *k* действовал так же, как другие три звука, ничуть на него не похожие.

Затем: почему эти звуки требовали изменения *s* в *ch*? Видимой связи между *i-ch, r-ch, k-ch, u-ch* нет. Ни по сходству, ни по явной противоположности. Почему им оказалось лучше быть в соседстве с *ch*, чем с *s*? Чисто артикуляционное объяснение здесь, пожалуй, невозможно.

Без предположения о снижении необходимого уровня информации такие случаи трудно объяснить.

Итак:

1. Язык — важнейшее средство человеческого общения, это его важнейшая функция. Она требует различения в речи значимых единиц.

Этой функцией языка обусловлена и его фонетическая эволюция: меняется уровень удобного различения слов, и от этой основной причины, прямо связанной с функцией языка как средства общения, зависят все остальные, частные причины. Они могут быть деятельными участниками фонетической эволюции, но не они ее застрельщики: основная причина дает им санкцию для активного действия.

2. И частные социальные причины, определяющие единичные звуковые изменения, и артикуляционные сходства-различия тогда оказываются правомочны, когда они действуют в пользу основной причи-

ны. Они играют роль пускового механизма, но не от них исходит энергия, обеспечивающая движение.

3. Сейчас определить, каков уровень информации, в среднем необходимой для звуковой единицы в данную эпоху, вероятно, невозможно; нужна фонетическая интерпретация и анализ очень большого количества текстов. Но в принципе это достижимо.

Следует вычислить, какова величина средней информации, которую имеют фонетические единицы, отдельно для трех смежных эпох. Это даст характеристику трех волн — 1, 2 и 3. Между 1 и 2, между 2 и 3 лежат точки прямой, показывающей желательный уровень информации. Если точки этой прямой составят снижающуюся линию — для разных сопоставляемых эпох, в развитии разных языков, — то наша гипотеза подтвердится.

Действительно ли есть такая внутренняя пружина, которая, раскручиваясь, формирует в разных социальных условиях единую цепь фонетических процессов? Будущее покажет.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949. Ч. 1.
Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960.
Паувошима Р.Ф. Активные процессы в современном русском литературном языке: Assimиллятивное изменение безударных гласных // Изв. СЛЯ. 1980. Т. 39. N 1.
Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960.

О РАЗГРАНИЧЕНИИ СПОНТАННОГО И ОБЩЕСТВЕННО-ДЕТЕРМИНИРОВАННОГО В РАЗВИТИИ ЯЗЫКА

Сравнение двух исторически последовательных стадий одного и того же языка обнаруживает, как правило, признаки происшедших в нем изменений. С другой стороны, каждый синхронный срез того же языка свидетельствует о наличии в нем стабильности и устойчивости. Стабильность языка — основное условие для сохранения им коммуникативной пригодности и взаимопонимания носителей. Создается противоречивая ситуация, в которой язык выступает в двойственной роли. Он в одно и то же время является устойчивым и подвижным, стабильным и меняющимся постоянно.

Наличие динамики в диахронии языка при кажущемся статичном его состоянии в синхронии свидетельствует со всей очевидностью о том, что изменения в нем происходят настолько медленно, что каждое данное поколение или даже два не замечают их и не ощущают; в противном случае была бы нарушена его коммуникативная пригодность. Тем не менее изменения, происходящие на различных уровнях языка, довольно легко обнаруживаются, особенно при наличии письменных памятников, и поддаются изучению, являясь предметом исторической лингвистики. Гораздо сложнее обстоит дело с выяснением условий и причин, внутренних стимулов самих изменений (по существу, противоречащих социальной потребности общества в постоянно устойчивом и упорядоченном языке), природа и механизм которых (несмотря на внушительную литературу, посвященную этим вопросам) до конца еще полностью не выяснены.

Несмотря на различия в точках зрения по поводу причин и условий эволюции языка, следует считать установленным и, пожалуй, признанным большинством исследователей неправомочность сведения всех процессов внутривидового изменения языков исключительно к спонтанному, имманентному его развитию или же, наоборот, к исключительной обусловленности их влиянием общества и социальных факторов. В связи с этим проблему разграничения общественно детерминированного в языке и спонтанно возникшего под давлением системы следует признать общелингвистической задачей, нуждающейся в дальнейшей разработке и в поисках подходящих методов исследования. С признанием этого обстоятельства связана предпринимаемая в данной работе попытка на основе анализа лингвистического материала различных языков разграничить социально обусловленные внутривидовые изменения в языке и те, которые возникли спонтанно.

В данной работе поставлена конкретная задача, которая сводится к следующему:

1. Выявить и показать внутривидовые изменения, происшедшие на различных ярусах языка, которые однозначно могут быть определены как результат спонтанного, имманентного саморазвития языка.

2. Выделить и установить такие внутривидовые особенности, в которых, в отличие от первых, обнаруживалась бы их обусловленность внешними, общественно детерминированными факторами.

Эта задача решается на примере развития армянского, урду и некоторых африканских языков.

Изменения в языке, обусловленные внутренними причинами

Принцип системности как проявление законов всеобщей связи и взаимозависимости впервые наиболее результативно был применен при изучении фонетико-фонологического уровня языка, породив, по сути дела, новую науку — фонологию. Указанный принцип приложим с равным успехом и к остальным ярусам языка — морфологии, лексике, синтаксису. Каждый из указанных ярусов, представляя собой систему знаков, обладает внутренним механизмом, в котором заложены движущие стимулы, изменяющие с течением времени целостную подсистему. Движущие стимулы, будучи источником разнообразных типов движения языка, являются сущностной характеристикой самой системы. В любой живой системе заложен внутренний стимул к спонтанному саморазвитию. Основой его является наличие внутренних противоречий в самой природе языка как определенным образом организованной субстанции, обладающей коммуникативными функциями. Характер внутренних противоречий бывает разнообразным и во всех случаях отражает несовершенство языка, ущербность его системы. Эти несовершенства, не нарушая заметным образом общего равновесия языка как коммуникативно-приспособленного механизма, являются первопричиной динамических изменений языка при определенных условиях. К их числу относятся в первую очередь феномен вариативности струк-

турных элементов языка и их реализаций, наблюдаемых на всех ярусах, затем ущербность парадигм и систем оппозиций, образуемых ими.

Вопрос о причинах возникновения ущербных парадигм, вариативных форм в языке является сложным. Причины могут быть самые разнообразные: проникновение элементов различных диалектов и образование дублетных форм, выпадение архаизмов без замещения образовавшихся пустот, недоразвитость определенных парадигм и, следовательно, нарушение установившихся в языке оппозиций и прочих системных связей. Во всех этих случаях язык для сохранения коммуникативной пригодности стремится восстановить или установить равновесие, усовершенствовать внутреннюю систему самопроизвольным образом.

Для установления причин спонтанного саморазвития языка необходимо определить прежде всего причинно-следственные взаимоотношения внутри самой системы.

Система языка подвергается изменениям "секционно", и изменения начинаются не с ядра языка, а с его периферийных частей, не меняя общего целостного организма. При этом сдвиги, происходящие на разных уровнях языка, неравномерны.

Ярким примером спонтанного, имманентного саморазвития может служить появление категории аналитических глагольных времен, формирование агглютинативного типа множественного числа на месте прежнего синтетизма в армянском языке. В памятниках классического древнеармянского языка (V в.) функционировала устоявшаяся система оппозиций грамматического числа в парадигме имен: прямые падежи (именительный и винительный) во мн. числе маркировались соответственно окончаниями *-k'* и *-s*, косвенные — *-с*. Относительно небольшая группа слов получала в прямых падежах мн. числа показатель *-ear* (проникший в язык, вероятно, из диалектов и носивший первоначально скорее собирательное значение). Пока этот показатель маркировал ограниченное количество слов, он не нарушал систему оппозиций ед. и мн. числа в грабаре. Однако в средние века значительно возрастает частотность употребления указанного варианта для выражения множественности (*-er*), и настолько, что он начинает постепенно вытеснять первоначальные форманты *-k'* и *-s*. Начинается перестройка системы категории числа. Следует отметить, что вытеснение показателей мн. числа *-k'* и *-s* имело глубокие последствия еще и по той причине, что эти показатели имели двойное значение — они выражали значение числа и падежа. Показатель же *-er* имел значение только числа. Новая парадигма мн. числа оформляется при помощи единого показателя *-er* (за некоторыми исключениями) и соответствующих окончаний. Ранее флективная парадигма мн. числа преобразуется в агглютинативную, что характеризует уже современный армянский язык. Оппозиция принимает совершенно другой вид.

Следующим примером спонтанного развития является факт из глагольной системы грабара. (Письменные памятники начиная с V в. на протяжении полутора тысяч лет документально подтверждают эти изменения.) Речь идет о развитии и формировании аналитических глагольных конструкций на базе первоначального глагольного синтетиз-

ма. Формирование аналитических глагольных конструкций представляет собой существенный сдвиг, повлекший за собой преобразование всей глагольной системы в индоевропейских языках. Выяснение причин происхождения глагольного аналитизма в каждом отдельном случае может пролить свет на некоторые моменты общего характера.

Как известно, возникновение системы аналитических глагольных времен во многих индоевропейских языках представляет собой инновацию, которая относится к той эпохе, когда эти языки получили самостоятельное, автономное развитие. Использование вспомогательных глаголов, сопряженных с причастными формами глагола, несущего основную семантическую нагрузку, не было характерно для общеиндоевропейского состояния.

Причина и особенности возникновения аналитических глагольных конструкций в каждом отдельном конкретном индоевропейском языке разные, и параллели, обнаруживаемые здесь, носят чаще типологический, а не генетический характер. Можно предполагать только, что в общеиндоевропейском были заложены предпосылки этого преобразования. Например, вариативность форм, ущербность парадигмы и пр., которые при дальнейшем самостоятельном развитии этих языков стимулировали появление аналитических конструкций.

В классическом древнеармянском языке V в. — грабаре — глагольные времена выражались преимущественно синтетическим путем. Но наряду с этим встречались и аналитические видо-временные конструкции с собственной функцией. Однако, будучи в достаточной степени распространенными, они все же уступали синтетическим лично-временным формам. В дальнейшем, распространившись, они изменили соотношение в свою пользу, отодвинув на задний план синтетические лично-временные формы [Туманян 1971. С. 410]. В современном литературном языке аналитические конструкции являются основным средством выражения глагольных категорий, в связи с чем здесь развилась богатая система причастий, число которых по сравнению с грабаром удвоилось.

Сравнение систем двух хронологических срезов армянского языка, грабара (V в.) и современного языка, обнаруживает, что эпоха классического древнеармянского языка для развития аналитических глагольных конструкций является переходным этапом. Здесь, при еще явном преобладании унаследованных от общеиндоевропейского состояния синтетических форм, наличествует уже необратимая тенденция заменять их более жизненными аналитическими конструкциями. Именно такие переходные этапы языка и являются теми узловыми моментами, которые проливают свет на ряд проблем, связанных с эволюцией и изменчивостью языка вообще.

Материал многочисленных письменных памятников грабара свидетельствует о том, что аналитические глагольные конструкции первоначально подключались к лично-временным синтетическим чаще всего в тех случаях, когда последние недостаточно четко и однозначно выражали залоговые оппозиции. Состояние залоговой оппозиции являлось наиболее уязвимым, слабым звеном в глагольной системе грабара.

Первоначальное залоговое состояние древнеармянского языка было примерно таким, как в общиндоевропейском, где существовали глаголы активного действия и глаголы медиальные и два ряда окончаний — активные и медиальные [Мейе. 1951. С. 245]. Дифференциация глаголов действия и глаголов состояния в древнеармянском языке шла одновременно с оформлением системы времен и наклонений на основе оппозиции двух основ — презенса и аориста.

В системе презентной основы эта дифференциация осуществлялась в двух направлениях. С одной стороны, медиальные глаголы были маркированы презентными суффиксами, которые имели вторичный характер и были связаны с выражением категории состояния². С другой стороны, глаголы действия группировались вокруг *e*-основ. Особых окончаний для оформления оппозиции актив/пассив здесь не было выработано. Переходные глаголы *e*-спряжения при необходимости выразить значение пассива чередовали тематическую гласную основы *e* с гласной *i*, совпадая при этом с формами глаголов *i*-спряжения. Ср. *berem* 'я несу' (глагол *e*-спряжения) и *berim* 'меня несут'. Но *usapim* 'я обучаю' и 'меня обучают' (глагол *i*-спряжения). В результате восприятия тематического гласного *i* как феномена пассива все глаголы *i*-спряжения, в том числе и медиальные, непереходные, оказались оформленными в пассиве. Этим противоречие плана выражения с планом содержания здесь не ограничивалось. Все глаголы без исключения в имперфекте выработали лишь одну серию окончаний, общую для обоих залогов, благодаря чему оппозиция актив/пассив здесь полностью снималась. Например, *sigēi* означает 'я любил' и 'я любим' (глагол *e*-спряжения), *kizui* 'я сжигал' и 'я сжигался' (глагол *i*-основ) и т.д.

Аористная основа в отношении выражения оппозиции актив/пассив была лучше оснащена, так как здесь для ряда парадигм были выработаны пассивные флексии. Однако и здесь наблюдается непоследовательность в их реализации. Так, например, в аористе ряд переходных глаголов, относящихся к разным основам, оформлялись только одной, пассивной серией окончаний. При этом они одной и той же формой выражали как значение активного, так и значение пассивного залогов: *dateṣau* 'я осудил' и 'я осужден', *goṭaṣau* 'я украл' и 'я украден' и т.д. Кроме того, большинство непереходных глаголов, снабженных презентными суффиксами (в аористе они отпадали), оформлялись только при помощи пассивной серии окончаний. Все это приводило к тому, что больше половины всех возможных синтетических лично-временных глагольных форм по своему значению были двусмысленными [Ачарян. 1959].

Таким образом, оформление глагола пассивными флексиями чаще всего зависело не от конкретного залогового значения, а от структурных особенностей глагола. Отсутствовала регулярность в образовании залоговых форм от глаголов любого типа спряжения, категория залога не получила своего логического завершения, равновесие в об-

² Аналогичным образом в германских языках показателем интранзитивности служат носовые суффиксы вместе с огласовкой, например, гот. *dishniupan* 'разорвать' и *dishnupnan* 'разорваться' [Гухман. 1966. С. 267].

щей системе глагольного синтетизма было нарушено, что противоречило основным коммуникативным требованиям.

Но в языке существует постоянное стремление к восстановлению нарушенного равновесия. Для восстановления равновесия язык использовал уже готовые, существующие в нем резервы, так как "задолго до выпадения какого-либо элемента из системы в норме языка уже существуют те элементы, которые возьмут на себя функцию выпавшего элемента" [Косериу. 1963. С. 228]. Язык приспосабливается к потребностям выражения говорящих и продолжает функционировать как язык в той мере, в какой он приспосабливается к этим потребностям [Там же. С. 214]. И действительно, таким готовым элементом в грабаре оказались аналитические глагольные конструкции, образованные путем сочетания причастных форм со спрягаемыми формами вспомогательных глаголов. Указанные конструкции подключались чаще всего в те парадигматические ряды, в которых синтетические формы давали повод к двойственному пониманию значения, т.е. были недостаточно дифференцированы.

Система аналитических времен грабара образуется путем сочетания причастных форм полнозначных глаголов со спрягаемыми формами бытийных глаголов ем 'я есмь' и liniim 'я становлюсь' (ср. нем. werden). Центральное место занимают два причастия — прошедшее и будущее, на которые ложится смысловая нагрузка. Вспомогательные же глаголы выражают категорию лица, числа, отношение действия к моменту речи, т.е. соотносительности времени и наклонений. Оба вспомогательных глагола имеют формы презенса, имперфекта и конъюнктива. Конструкции с глаголом ем 'я есмь' и liniim 'я становлюсь' в целом имеют разные сферы функционирования, хотя и взаимозаменяемость не исключена³.

Конструкции с глаголом ем 'быть' употребляются чаще всего в тех случаях, когда личная, синтетическая форма данного глагола парадигматический ряд образует как депонентный глагол (пассивные окончания при среднезалоговом значении). Это характерно, например, для глаголов *i*-спряжения, для глаголов с презентными суффиксами и др. В таких случаях пассивные окончания не соответствуют реальному плану содержания и заменяются аналитическими конструкциями с глаголом ем. Например, Eresaç tîknoĵ imoy r'axuſeal em es 'Убежала... из-за госпожи моей'; Zarmaſeal êin amenek' êan 'Все были удивлены'.

В грабаре существует и особая конструкция прошедшего причастия с бытийным глаголом ем (в 3-м лице ед. числа), при котором подлежащее стоит в род. падеже: Dateal ê im 'Я осудил' (букв. 'осуждение мое есть'). Эти конструкции, как правило, имеют активное значение,

³ Существует мнение, согласно которому причастные конструкции с глаголом 'быть' являются генетически индоевропейской изоглоссой, а сочетания с глаголом 'становиться' — специфически германской инновацией [см. Гухман. 1966. С. 266]. Конструкция с глаголом 'становиться' имеет продуктивность и в грабаре, причем сфера ее функционирования отличается от сферы функционирования конструкций с глаголом 'быть'. На основе этой особенности можно сделать предположение о наличии армяно-германской изоглоссы. Однако вместе с тем не исключена и возможность параллельного развития [Туманян. 1971. С. 410].

например: *Oç erbêk' asaçal ē noça zķez zayd* 'Никогда не говорили они тебе это...'; *K'ò isk' sneal ē zmez* 'Ты именно родил нас' [Абраамян. 1953. С. 343; Туманян. 1972].

Конструкции прошедшего причастия с глаголом *linim* 'я становлюсь' имеют иную сферу функционирования. Наиболее существенной чертой их является то, что они имеют значение, аналогичное немецкому пассиву с глаголом *werden* 'становиться'. В этом своем значении они включаются в систему синтетических лично-временных форм для выражения пассивного значения [Абраамян. 1953. С. 347—348; 1958. С. 239]. Особенно продуктивно функционирует сочетание прошедшего причастия с имперфектом глагола *linel* 'становиться'. Образованная при этом конструкция употребляется для выражения значения имперфекта пассивного залога, так как залоговая оппозиция в имперфекте не получила никакого формального выражения у всех типов спряжений. Например, вместо двусмысленной синтетической формы *tesagēin* 'они возвеличивали' и 'они возвеличивались' употребляется аналитическая конструкция с четким, однозначным пассивным смыслом — *tesageal linēin* 'они возвеличивались'.

Конструкции с вспомогательным глаголом *linel* употребляются часто и для выражения пассивного значения переходных глаголов *и-* и *а-*спряжений [Абраамян. 1958. С. 239]. Указанные глаголы не имеют особых окончаний и не только в имперфекте, но и в других временах, образованных от презентной основы.

В целом аналитические глагольные конструкции с вспомогательным глаголом *linel* для выражения значения пассива чаще употребляются в сфере времен и наклонений, образованных из презентной основы глагола, куда входит и имперфект. Причина этого заключается в том, что именно здесь залоговая неупорядоченность и отсутствие специальных пассивных окончаний выступает наиболее ярко.

Аналитические глагольные конструкции оказались настолько жизненными, что образовали новую систему, изменив тем самым весь глагольный видо-временной строй габара, сформировав глагольный строй современного армянского языка.

Приведенные примеры имманентного, спонтанного развития языка связаны с нарушениями, возникающими в недрах его системы. Эти нарушения чаще всего возникают на том участке, где появляется асимметрия на почве проникновения вариативных элементов, ранее занимавших в языке второстепенное место и употребляемых occasionally.

На первый взгляд может показаться противоречивым то обстоятельство, что язык, с одной стороны, обладает определенными силами для противодействия внешним толчкам, и с другой — в нем же самом, в его системе заложены импульсы к саморазвитию и изменению. На самом деле никакого противоречия здесь нет. Язык является саморегулирующейся системой, и изменения, которые происходят в нем спонтанно, носят сперва как бы "косметический характер", они не приводят к быстрым, коренным перестройкам, не нарушают целостной структуры языка, в противном случае он потерял бы свою коммуникативную пригодность (см. об этом выше). Изменения происходят

исподволь, чаще на периферии языковой системы, в тех местах, где нарушается какое-то звено в целостной системе и появляется необходимость "подправить его". Сопротивляемость же языка влиянию экстралингвистических факторов логичным образом вытекает из механизма, обеспечивающего целостность системы, которая, не будучи в состоянии ни управлять, ни регулировать, ни предсказать преобразующую потенцию внешних импульсов, должна быть в состоянии хотя бы сопротивляться ей, чтобы сохранить свою стабильность.

"Принцип всеобщей связи и системности требует соблюдения строгой иерархичности связей внутренних и внешних, внутрисистемных и экстрасистемных, лингвистических и экстралингвистических. Любая живая система обладает определенными силами самосохранения, противодействия внешним толчкам" [Журавлев. 1984. С. 41].

Стихийное влияние социальных факторов на язык

Один из характерных примеров стихийного социального воздействия — расщепление языка на варианты в результате деления самого общества на различные социальные и конфессионально-духовные группировки. Речь идет о дивергентном развитии одного и того же языка вплоть до образования двух литературных вариантов, которое происходит главным образом вследствие социальных причин. Таково образование на базе индийского народно-разговорного языка двух литературных вариантов — урду и хинди. "Трудно, пожалуй, найти более яркий и специфичный пример влияния общества на судьбы языка, чем это имеет место в истории возникновения и взаимодействия хинди и урду" [Баранников. 1969. С. 156].

Язык урду возник в результате мусульманизации части индийского населения, насыщен персианизмами и арабизмами, на письме передается с помощью арабской графики. Хинди, наиболее распространенный язык в Индии, развивался и формировался с широким использованием элементов санскрита, языка индийской культуры, религии, философии, исторических преданий, мифов и легенд [Чаттерджи. 1977. С. 93]. На письме он передается собственным алфавитом нагари (или деванагари).

Наибольшему влиянию мусульманской культуры и религии подвергся диалект района Дели — кхари боли. Вместе с арабско-иранской и тюркской лексикой в кхари боли проникали и слова повседневного значения, нередко вытесняя индо-арийские эквиваленты [Баранников. 1969. С. 158].

Формирование двух литературных вариантов хинди связано с завоеванием Северной Индии турками в XII в., созданием государства с мусульманским двором, со своей столицей, культурными традициями, языком и религией. Официальным языком культуры завоевателей был персидский, как язык мусульманства. Тюркский сохранялся как язык домашнего общения. "Вместе с тюркскими завоевателями в Индию пришло и подвластное им персоязычное воинство и чиновничество" [Чаттерджи. 1977. С. 181]. Ассимилируясь с местным населением, завоеватели усвоили язык аборигенов, но обратили их в свою веру.

Первоначально персидский язык завоевателей был всего лишь "официальным языком мусульманских правителей и судов, отправлявших правосудие согласно шариату <...>, затем он заменил хинди и другие языки в налоговом управлении" [Там же. С. 148]. Многие индусы, чтобы поступить на правительственную службу, стали его изучать. Это дало толчок к развитию персианизированного хинди, т.е. урду. "В XVIII—XIX вв. писатели городов Дели, Лакхнау, Лахора и Хайдарабада на Декане, являвшиеся проводниками персоязычного влияния, существенным образом изменили самый дух урду, в результате чего появились основания называть урду мусульманской формой языка хинди" [Там же]. Урду является языком мусульман на севере Индии от границ Пакистана с Афганистаном до Бенгалии. "С ростом мусульманского самосознания урду в своей правильной форме распространяется среди огромного числа североиндийских мусульман в качестве языка, используемого также и в быту" [Там же. С. 170].

Позиции урду закреплял и арабский алфавит: "Письмо связывало язык урду с персидским и арабским, первый из которых служил официальным литературным языком мусульманских правителей Индии, а второй священным языком их религии — ислама. Благодаря идентичности письма в урду было легко и просто вводить персидские и арабские слова, которые служили свидетельством принадлежности литератора к определенной религии и культуре и позволяли ему продемонстрировать свою эрудицию в классических "мусульманских" языках [Там же. С. 201]. Чаттерджи заключает далее, что персидско-арабская лексика вместе с персидско-арабской графикой в значительной степени сделали урду привлекательным в глазах мусульман Индии. То же самое касается и литературы на урду, в значительной мере черпающей вдохновение в исламе (С. 170).

Язык урду получил в университетах Калькутты и Дакки Бенгалии статус классического языка, как персидский и арабский. В некоторых штатах индусы должны были обучаться урду как официальному языку "мусульманского государства". Урду поддерживался и британцами в период их господства, а английское правительство смотрело на урду как на наследство мусульманской империи.

В некоторые периоды всеиндийское радио в Дели и других городах для передачи новостей использовало крайне персианизированный литературный урду, в котором персидско-арабским словам отдавалось предпочтение и старательно избегались все санскритские и многие употребительные слова хинди (с. 171).

Литературный (высокий) хинди — другая разновидность литературного языка — по своему грамматическому строю почти идентичен урду, но в отличие от последнего в нем в полной мере употребляются лексические элементы хинди (пракритские), а также укоренившиеся в языке персидские и арабские заимствования, но лексика пополняется из санскрита [Чаттерджи. 1977. С. 172]. Словарь этого языка вообще характеризуется широким использованием санскритской лексики. Литературный хинди привлекателен для его индусских сторонников, потому что он в таких двух существенных проявлениях, как словарь и письмо (нагари), отражает "язык богов". Лидеры ин-

дусов отдавали себе отчет в том, что исконно индийское письмо (деванагари), будучи принятым для современного языка, принесет с собой санскритскую лексику и индусский дух. 100 лет назад литературный хинди самым своим названием и письмом противопоставлялся урду с его персидской графикой. Литературный хинди стал языком образования и культуры для индусов Северной Индии (за некоторыми исключениями). Он стал языком общественной жизни, школьного образования, литературы и журналистики у индусов в ряде других штатов.

История становления двух литературных языков — хинди и урду — свидетельствует, что первоначальные истоки и причины их возникновения заложены в событиях общественно-исторических и связаны с разделением общества на группы по признаку конфессионально-духовному. Процесс бифуркации языка осуществлялся сперва стихийно. Воздействие общества, которое, несомненно, имело место, можно трактовать как непреднамеренное и незапланированное. Позже, когда оба варианта были уже сформированы, каждая из заинтересованных сторон общества стремилась предельно расширить функции "своего варианта", причем сознательным образом, понимая преимущества, которые приобретет язык при таком расширении его функций. Различия в двух литературных вариантах некоторыми общественными группировками продолжают сознательным образом углубляться. В высоком урду словарь насыщается персидской лексикой. Предложение может быть составлено из персидских и арабских слов с незначительными вкраплениями собственно индийских элементов в виде частиц или отдельных слов. Такой язык становится непонятным не только индусам, которые не изучали данную форму речи, но и для многих мусульман, не получивших специальную подготовку в персидском или арабском языках [Чаттерджи. 1977. С. 170].

Таким образом, на основе чисто конфессиональных различий в Индии созданы на единой народно-разговорной основе два литературных варианта — хинди и урду, которые "избрали свой путь создания культурного слоя лексики, и соединение их теперь немислимо без поглощения одного другим" [Там же. С. 175]. Попытки создания некоего среднего варианта между урду и хинди не увенчались успехом.

В современной Индии социальный и правовой статус у хинди и урду различны. Хинди является официальным языком Индийского Союза, урду является одним из 14 основных языков Индии⁴. Однако эти два литературных варианта функционируют преимущественно как языки письменного общения, но они служат также и как языки устного общения городского населения Хиндустана.

Аналогичный пример формирования двух литературных вариантов одного языка представлен языком хауса тропической Африки. Основу такого разделения также составляют конфессиональные причины — африканский народ подвергся частичной исламизации.

Один из литературных вариантов сформировался на базе койне

⁴ В Пакистане урду является самостоятельным языком высшего ранга.

г. Кано, имеет письменную традицию в латинской графике, и основным источником пополнения лексического фонда является английский язык. Считается литературным стандартом. Другой, именуемый аджами, имеет гораздо более длительные письменные традиции на основе арабского алфавита, возник под влиянием арабо-мусульманской культуры. Основным источником для его лексического фонда является арабский язык. Разница между двумя литературными вариантами хауса заключается не только в системах письма. Хаусанская письменность на аджами охватывает тексты преимущественно религиозного, дидактического и исторического характера, имеющие, как правило, поэтическую форму [Порхомовский. 1981. С. 211]. Тексты же в латинской графике ориентированы на современные политические, педагогические и культурные потребности, возникли под влиянием европейской культуры и вследствие нужд английской колониальной администрации [Там же]. Написаны они почти всегда прозой. В текстах на аджами очень много арабизмов, не вошедших в разговорную норму и не понятных людям, не обученным арабскому языку.

Графика является внешним, формальным признаком двух разных вариантов литературного языка хауса. Более глубоким различием является разная диалектная ориентация, которая определяет жанрово-функциональную принадлежность и проводится настолько последовательно, что можно уверенно предсказать его графическую реализацию [Там же. С. 212].

Другим языком в Африке (Танзания), сложившимся под сильным влиянием мусульманской культуры, является суахили. Языковая ситуация в прошлом веке в Восточной Африке характеризовалась противопоставлением огромного массива автохтонных африканских языков языкам, зародившимся и развивавшимся на узкой прибрежной полосе уникальной для Африки мусульманской цивилизации суахили, носящей многие черты арабско-персидского происхождения, явно чуждые традиционным африканским культурам [Рябова. 1981. С. 220].

Влияние арабской цивилизации проявилось там, где селились арабы. Смешавшись с аборигенами, арабы и их потомки не только сохранили верность исламу, они и местное население обращали в ислам. В процветающих городах развивалась торговля, но языком в зоне распространения суахилийской цивилизации был не арабский, который сохранился в функции мусульманского культа, а языки местного населения. Но они были в такой степени насыщены арабизмами, что дали повод считать их ответвлением языка арабской литературы или разновидностью какого-то усредненного общемусульманского стандартного языка [Щеглов. 1976. С. 227]. Так как арабы в культурном отношении стояли на более высоком уровне развития, чем местное население, и занимали доминирующее положение, то и язык местного населения подвергался изменениям с ориентацией на эту культуру. Интересно, что классическая литература суахили имеет, как и арабская, поэтическую форму. Следует согласиться с мнением И.С. Рябовой, что язык суахили "с самого начала не имел собственной этнической базы и развивался на базе социальной, что для африканского языка является редчайшим исключением <...> и то, что принято

называть этносом по отношению к другим языкам Африки, изначально является по отношению к языку суахили смешанным афро-арабским населением прибрежных городов и поселков, лишенных каких-либо этнических границ" [1981. С. 225].

Целенаправленное воздействие общества на язык

Сознательное вмешательство любого общества в языковые вопросы осуществляется, как правило, с определенных идеологических позиций и зависит от задач социального заказа [см. Туманян, 1984.]. Конкретные действия общества в отношении языка, в частности расширение или сознательное сужение его функций, наконец, вмешательство (частичное) в процессы его внутривидового развития образуют в совокупности языковую политику.

Языковая политика — это сознательное и целенаправленное воздействие на язык путем мероприятий, имеющих общеобязательный характер, проводимых централизованно и в масштабах всего государства и в определенной языковой ситуации [Катагощина. 1974. С. 34].

Каждая общественно-политическая формация вырабатывает собственную языковую политику, направленную в основном на изменение функциональной стороны языка. При социализме языковая политика разрабатывается на уровне государственного плана мероприятий и с позиций интересов не элитарного меньшинства, а основной массы населения. Ярким примером сознательного воздействия на процессы внутривидового и функционального развития языков служат принятые в первые же годы после Великой Октябрьской революции и осуществленные в дальнейшем мероприятия по созданию литературных языков и письменностей для многочисленных бесписьменных языков народов СССР. После свержения царизма многие народы в огромном многонациональном государстве не имели собственной письменности и литературных языков. Более того, даже те народы, которые имели старописьменные литературные традиции и литературные языки, не всегда были в состоянии воспользоваться ими ввиду их функциональной ограниченности, с одной стороны, и низкой грамотности — с другой.

Государство предприняло сознательную и запланированную акцию ликвидации неграмотности и создания алфавитов для бесписьменных народов.

Современные литературные языки ранее бесписьменных народов по сути дела являются результатами сознательного и целенаправленного вмешательства общества в судьбу языков. Механизм указанного вмешательства в упрощенном виде можно охарактеризовать как последовательную цепь действий: изучение грамматического, лексико-семантического и особенно фонетического строя бесписьменных языков и создание на основе этого соответствующего алфавита; сознательный отбор диалектной основы для будущего литературного языка; дальнейшая разработка вновь образованного литературного языка на основе сознательного отбора лексико-грамматических, структурно-

строевых элементов; наконец, жанрово-стилистическая специализация с дальнейшим усложнением новых литературных языков.

Механизм формирования новых литературных языков в своей основе имел сознательный, целенаправленный подход общества к их внутривидовому и функциональному развитию. Следует отметить, что развитие новых литературных языков и у народов со старописьменными традициями осуществляется благодаря сознательной, отборочной деятельности общества. Особенно велика при этом роль средств массовой коммуникации, в частности периодической печати. Периодика для общества является активно действующим и оперативным органом, с помощью которого оно осуществляет отбор, обработку, нормализацию, непосредственное внедрение и закрепление языковых форм, новых слов и терминов, различных строевых элементов и лексических заимствований. Периодика одновременно служит средством идеологического воздействия различных общественных направлений и в то же время ареной столкновения различных точек зрения в вопросах обработки языка, установления главных источников его формирования. Наконец, периодика является и средством расширения функций языка (подробнее см. [Гуманян 1984₂. С. 18]).

ЛИТЕРАТУРА

- Абраамян А.А.* Причастные формы армянского языка и их морфологическое значение. Ереван, 1953. На арм. яз.
- Абраамян А.А.* Учебник габара. Ереван, 1958. На арм. яз.
- Аврорин В.А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., 1975.
- Ачарян Р.* Полная грамматика армянского языка. Ереван, 1959. Т. IV, кн. I. На арм. яз.
- Баранников П.А.* Хинди и урду: их возникновение, развитие и взаимодействие // *Вопр. социальной лингвистики.* Л., 1969.
- Бородина М.А.* Влияние иноязычных систем на развитие языка // *Вопр. социальной лингвистики.* Л., 1969.
- Гухман М.М.* Глагол в германских языках // *Сравнительная грамматика германских языков.* М., 1966. Т. IV.
- Дешериев Ю.Д.* Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966.
- Дешериев Ю.Д.* Социальная лингвистика. М., 1977.
- Журавлев В.К.* История языка и диахроническая социолингвистика // *Теоретические проблемы социальной лингвистики.* М., 1981.
- Журавлев В.К.* Диахроническая фонология: Состояние и перспективы // *ВЯ.* 1984. N 5.
- Катагощина Н.А.* Языковая политика и процесс кодификации норм письменно-литературных языков // *Доклады советских социолингвистов на VIII Всемирном социологическом конгрессе.* М., 1974.
- Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история // *Новое в лингвистике.* М., 1963. Вып. 3.
- Курилович Е.* О методах внутривидовой реконструкции // *Новое в лингвистике.* М., 1965. Вып. 4.
- Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.
- Меноащиков Г.А.* О некоторых социальных аспектах эволюции языка // *Вопр. социальной лингвистики.* Л., 1969.
- Порхомовский В.Я.* Пути образования наддиалектных форм языка Тропической Африки // *Типы наддиалектных форм языка.* М., 1981.
- Рябова И.С.* Язык суахили в Танзании — специфический тип наддиалектности // *Типы наддиалектных форм языка.* М., 1981.
- Сосюр Ф.* Труды по языкознанию. М., 1977.

Серебрянников Б.А. Роль внутренних и внешних факторов языкового развития и вопрос об их классификации // *Общее языкознание*. М., 1970.

Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976.

Туманян Э.Г. Древнеармянский язык. М., 1971.

Туманян Э.Г. Существует ли эргатив в индоевропейских языках? // *Proceedings of the Eleventh International Congress of Linguists*. Bologna; Florence, 1972.

Туманян Э.Г. Аспекты применения языка в идеологической борьбе // *Современная идеологическая борьба и проблемы языка*. М., 1984.

Туманян Э.Г. Место и значение периодики в образовании литературных языков // *Язык и массовая коммуникация*. М., 1984.

Чаттерджи Сунити Кумар. Введение в индоарийское языкознание. М., 1977.

Щеголов Ю.К. Современная литература на языках тропической Африки. М., 1976.

Meillet A. Comment les mots changent le sens // *Linguistique historique et linguistique générale*. P. 1926.

СТИХИЙНОЕ И ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОЕ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ И ТЕРМИНОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В ГДР И ФРГ)

Проблема взаимоотношения стихийного и сознательного, объективного и субъективного представляет большой интерес как в общефилософском плане, так и применительно к языку. Сознательным исторический материализм называет то, что осуществляется людьми в соответствии с заранее поставленной целью. Высшая форма сознательной деятельности основывается на познании и использовании законов природы и общества. Стихийным называется то, что осуществляется непреднамеренно, не контролируется людьми [ФЭС. 1983. С. 624].

Взаимоотношение стихийного и сознательного влияния социальных факторов на развитие и совершенствование языка в общетеоретическом плане достаточно детально охарактеризовано Ю.Д. Дешериевым, который пишет: «Воздействие на языковую структуру социальных факторов, обусловленное логикой общественного развития, принято называть стихийным воздействием социальных факторов, понимая под этим "естественное", не предпринятое преднамеренно человеком, обществом их воздействие на функционирование языка. Наиболее яркими примерами такого воздействия факторов общественного развития на языковые процессы служат диалектная, социальная и профессиональная дифференциация языка <...>

Сознательное воздействие общества на язык проявляется на разных уровнях и в различных формах: 1) общество может способствовать развитию языка или постепенному выходу его из употребления; 2) общество располагает возможностями расширять социальные функции языка путем создания письменности, путем организации обучения в школах, вузах, издания литературы и т.д.; 3) общество в состоянии осуществлять любые целесообразные действия, касающиеся усовершенствования или нормирования звукового строя, морфологической, синтаксической, стилистической, лексико-семантической систем языка; 4) общество вправе регулировать процессы взаимодействия языков, в частности направлять должным образом иноязычные заимство-

вания; 5) наконец, сознательному воздействию общества поддаются в известных пределах спонтанные изменения в языке» [1977. С. 177, 180—181].

Взаимоотношение стихийного и сознательного воздействия социальных факторов на язык интереснее проследить в тех звеньях языковой структуры, где и тот и другой способ воздействия проявляются достаточно ярко. Как известно, наиболее подвержена влиянию социальных факторов лексико-семантическая система языка. Это обусловлено прежде всего тем, что значения лексических единиц имеют отчетливые внеязыковые корреляты, кроме того, они в меньшей степени, чем, например, грамматические значения, подвержены внутрисистемным влияниям. Степень сознательного воздействия общества на различные участки лексико-семантической системы при этом далеко не одинакова. В наибольшей мере оно проявляется в области терминологии. Некоторые исследователи считают даже, что "возможность субъективного начала в употреблении и образовании терминов, договоренности, условленности вырывает этот языковой участок из объективной стихии языка" [Котелова. 1970. С. 124]. Процесс стандартизации и унификации естественнонаучной и технической терминологии характерен для всех развитых литературных языков мира. Несколько иначе обстоит дело с так называемой общественно-политической терминологией. В разных социальных условиях ее функционирование и развитие происходит весьма неодинаково, причем обусловлено это прежде всего сознательным воздействием на нее либо общества в целом, либо различных общественных классов.

Общественно-политическую терминологию мы определяем как терминологию общественных наук, обладающую свойством идеологизированности. Под идеологизированностью понимается отражение в лексико-семантических единицах идеологических взглядов носителей языка [Schmidt. 1969; Крючкова. 1976].

Идеологии в плане своего содержания различаются, как известно, по классовой принадлежности, а также по признаку философских, теоретических основ и характеру отражения действительности. Именно эти различия, отражаясь в языке, придают общественно-политической терминологии ряд свойств, существенно отличающих ее от других лексико-семантических подсистем языка. Кроме общественно-политической терминологии, ярко выраженным свойством идеологизированности обладает также общественно-политическая лексика, которую обычно определяют как "часть словаря, которую составляют названия явлений и понятий из сферы общественно-политической жизни, т.е. из области политической, социально-экономической, мировоззренчески-философской" [Протченко. 1975. С. 103]. На наш взгляд, это определение нуждается в некотором уточнении в функциональном плане: к нему следовало бы добавить: "В том виде, в которой она функционирует вне научных текстов и сферы общения узкого круга специалистов", поскольку в указанных сферах речь будет идти не об общественно-политической лексике, а об общественно-политической терминологии.

В дальнейшем к рассмотрению будут привлечены обе эти системы.

Это два взаимосвязанных, но не пересекающихся множества, хотя часть их элементов и совпадает в плане выражения. Как указывалось выше, они выполняют разные функции, что неизбежно отражается в их содержании, вследствие чего при одной и той же форме двух элементов, входящих в общественно-политическую лексику и общественно-политическую терминологию, их нельзя считать идентичными.

Общественно-политическая терминология по-разному организована в языках, функционирующих в разных социальных условиях. Обусловлено это, во-первых, тем, что структуры общественных наук в социалистическом и буржуазных обществах неодинаковы; так, например, в буржуазном обществоведении не существует такой дисциплины, как научный коммунизм, а в общественных науках, развивающихся в социалистических странах, отсутствует политология; во-вторых, общественные науки в социалистических обществах базируются на единой методологической основе — диалектическом и историческом материализме, в буржуазных обществах в общественных науках, как правило, существуют разнообразные направления и течения, в основе которых лежат разновидности идеализма и метафизики; наряду с этим могут развиваться и прогрессивные учения, основанные на материалистическом понимании общества и законов его развития. В соответствии с этим общественно-политическая терминология в языках, функционирующих в социалистических обществах, — это целостная система, отражающая марксистско-ленинскую идеологию. В языках же, функционирующих в буржуазных обществах, существует параллельно несколько общественно-политических терминологических систем. Естественно, что представители коммунистических и рабочих партий пользуются в своих выступлениях, статьях и т.д. совершенно иной терминологией, чем представители различных буржуазных партий, чьи лексиконы, в свою очередь, также в определенной степени отличаются друг от друга. Следует отметить, также, что степень системной организованности и, если можно так выразиться, терминологичности общественно-политической терминологии в языках, функционирующих в разных социальных условиях, весьма неодинакова.

Объясняется это, на наш взгляд, особенностями взаимоотношения познавательной и идеологической сторон общественного сознания. Основным критерием познавательной стороны является соответствие сознания отражаемому предмету, а критерием идеологии — ее соответствие определенным общественным интересам. Вследствие этого между познавательной и идеологической сторонами в некоторых случаях могут возникать противоречия. Как известно, основной задачей буржуазной идеологии является обоснование незыблемости существующего общественного строя, что противоречит законам развития общественно-исторического процесса и в конечном счете ведет к подчинению познавательной стороны сознания идеологической, а при некоторых обстоятельствах вообще к извращенному отражению действительности.

Все это находит соответствующее отражение в общественно-по-

литической терминологии¹ в языках, функционирующих в буржуазных обществах. Собственно говоря, терминологией ее можно называть весьма условно, особенно это касается политической терминологии. Политика является одной из наиболее конкретных идеологических форм, классовый интерес проявляется в ней чрезвычайно ярко. Лексика буржуазной политики, как отмечают исследователи [Schmidt, 1972], состоит в основном из так называемых "специальных слов", содержание которых весьма расплывчато. Словари политических терминов, издаваемые в буржуазных странах, почти не содержат точных определений, они оперируют достаточно неопределенными описаниями понятий, что находится в полном соответствии с социальными функциями буржуазной идеологии. Скорее в данном случае можно говорить не о политической терминологии, а о политической лексике, причем данной подсистеме такие явления, как многозначность и синонимия, от которых всегда стараются избавиться в любой терминологической системе, присущи не только не в меньшей, а порой даже в большей степени, чем всей лексической системе языка, поскольку именно использование многозначности основных терминов политики и идеологически обусловленной синонимии помогает манипулировать сознанием масс, создавать у них нужные стереотипы или, наоборот, расплывчатые представления о тех негативных явлениях, о которых невозможно умалчивать.

В языках, функционирующих в социалистических обществах, напротив, общественно-политическая терминология в целом и политическая терминология в частности, хотя и имеют свою специфику, отличающую их от естественнонаучной и технической терминологии, тем не менее в плане строгости и определенности в полной мере являются научными терминологиями. Более того, общественно-политическая лексика в этих языках в большой степени сохраняет свойство терминологичности, т.е., переходя из узкой сферы общения специалистов в общенародный язык, общественно-политические термины не детерминируются [Жоготкова, 1971]. Сказанное отнюдь не означает, что общественно-политические термины вообще не могут детерминироваться, ср., например, слово *гражданство* во фразе "Слово получило в языке права гражданства". Однако в данном случае процесс детерминологизации сопровождается процессом деидеологизации, т.е. происходит такое изменение значения слова, что оно (в данном значении) вообще перестает относиться к разряду общественно-политических, иными словами, при детерминологизации общественно-политическая терминология не превращается в общественно-политиче-

¹ Буржуазные исследователи, описывая интересующую нас предметную область, используют для разных ее частей обозначения: "язык мнений", "язык выступлений общественных деятелей / язык политики" и "административный язык", иногда совокупность этих систем именуется "общественным языком" [см. Dieckmann, 1981]. При этом одни исследователи понимают под общественным языком определенную лексико-семантическую подсистему языка, другие включают сюда особый прагматический аспект ее употребления в речи. Философская терминология, по-видимому, в общественный язык входит лишь частично.

скую лексику, а становится идеологически нейтральной лексикой общенародного языка. Объясняется это также социальными факторами. Дело в том, что для социалистической, пролетарской идеологии характерным является ориентация на научное познание мира. Это обусловлено в первую очередь совпадением интересов пролетариата с потребностями прогрессивного общественного развития. Таким образом, "марксизм, — по словам В.Ж. Келле, — преодолевает прежнее расщепление идеологического и познавательного процесса, отбрасывая иллюзорную идеологию и придавая самой науке идеологическую функцию" [1969. С. 25].

Из сказанного видно, что социальные факторы оказывают существенное воздействие на формирование, функционирование и свойства общественно-политической терминологии и лексики, при этом оно может быть как стихийным, так и сознательным. Попытаемся продемонстрировать взаимоотношение стихийного и сознательного влияния на примере развития общественно-политической терминологии и лексики немецкого языка в ГДР и ФРГ, при этом частично будут затронуты проблемы, относящиеся к пунктам 3, 4 и 5 приведенного на с. 68—69 высказывания Ю.Д. Дешериева. В качестве материала исследования мы выбрали немецкий язык, поскольку, во-первых, сравнительно недавно произошло интенсивное изменение его лексико-семантической системы, прежде всего в области общественно-политической лексики и терминологии, обусловленное социальными переменами, происшедшими в жизни носителей языка, во-вторых, особенности функционирования немецкого языка в государствах с разным общественным строем и политическим устройством во многом влияют на пути и способы развития указанных языковых подсистем.

Как отмечается в многочисленных исследованиях [Розен. 1976; Vosk et al., 1973; Lercher. 1974], по сравнению с состоянием до 1945 г. немецкий язык в ГДР претерпел гораздо большие изменения, чем немецкий язык в ФРГ. Для немецкого языка в ГДР характерны прежде всего определенные изменения в языковой норме, которые проявляются, по мнению лингвистов ГДР [Nerius. 1963; 1973; NSK. 1977; K и S. 1981], в трех основных областях: 1) изменение структуры форм существования языка, а именно: расширение социальной базы литературного языка; 2) частичное изменение норм использования языка в связи с возникновением новых коммуникативных потребностей и условий; 3) частичное изменение норм в лексико-семантической системе языка (отражающее новые материальные и идеологические отношения).

В процессе демократизации нормы литературного языка, безусловно, основную роль играет сознательное влияние общества на язык. Что же касается остальных двух областей, то здесь можно обнаружить как стихийное влияние социальных факторов, так и сознательную деятельность общества. Рассмотрим, например, изменения, происходящие в лексико-семантической системе языка. Для немецкого языка в ГДР характерно большое количество неологизмов. Х. Шпарманн приводит следующие данные: в 29—36-м выпусках словаря Р. Клаппенбаха и В. Штайница [Wörterbuch. 1969] (от Kritzelei до Lyzeum) зафик-

сировано 134 новых слова, из них 90 употребляется в ГДР и в ФРГ, 38 — только в ГДР и 6 — только в ФРГ [Spragmann. 1970], причем большая часть возникших в ГДР неологизмов — это именно общественно-политическая лексика и терминология. Основную массу новой лексики, употребляемой только в ГДР, составляют слова с компонентами Kultur 'культура' и Kunst 'искусство', что является следствием интенсивного культурного строительства, характерного для этой страны. См., например, Kulturensemble 'художественный ансамбль', Kulturfond '(денежный) фонд на культурные нужды', Kulturfunktionär 'деятель культуры', Kulturgruppe 'кружок художественной самодеятельности', Kulturhaus 'Дом культуры', Kulturpolitik 'политика в области культурного строительства' и т.д. Большое распространение получили также сложные слова с компонентом Volk- 'народ-': Volkssolidarität 'солидарность народов', Volksdemokratie 'народная демократия', Volkskontrolle 'народный контроль', Volkspolizei 'народная полиция' и др. Образовалось много устойчивых словосочетаний, также отражающих новые явления хозяйственной и общественно-политической жизни, например: Landwirtschaftliche Produktionsgenossenschaft 'сельскохозяйственный кооператив', Jugend-Neuerer-Aktiv 'молодежный актив новаторов и рационализаторов', die jungen Erbauer des Sozialismus 'молодые строители социализма', Qualifizierung am Arbeitsplatz 'повышение квалификации без отрыва от производства' и т.д.

Лексика, возникающая в процессе развития социализма в ГДР, отражает и пропагандирует новую идеологию, и потому сам факт ее появления усиленно фальсифицируется некоторыми буржуазными исследователями, которые пишут о возникновении в ГДР некоего Parteiwortschatz, т.е. "особого словаря партии", который якобы формируется под давлением Советского Союза [см., например, Korien, 1959] и непонятен широким массам носителей языка. Это утверждение, безусловно, является несостоятельным. Новая лексика немецкого языка употребляется представителями самых разных слоев населения ГДР, принимающими участие в общественной жизни страны. Зачастую буржуазная критика преувеличивает роль сознательного воздействия общества (или, как выражаются, некоторые западные лингвисты и социологи, руководящих инстанций), развивает идею о манипулировании языком [см., например, Bergsdorf. 1978]². Очевидно, что и такая точка зрения не имеет под собой научного фундамента. Изменения, происходящие в жизни общества, приводят к возникновению новых реалий и понятий, все это в свою очередь должно неизбежно найти свое отражение в языке: появляются новые слова, новые устойчивые словосочетания, изменяются значения некоторых лексических единиц, частотность их употребления и т.п., причем происходит это главным образом стихийно. Процесс этот характерен не только для немецкого, но для любого языка, функционирующего в обществе, где происходят крупные социальные изменения. Аналогичные явления происходили, например, во французском языке в период Великой французской рево-

² Такая позиция получила критическую оценку даже среди некоторых западногерманских лингвистов [см., например, Dieckmann, 1981. С. 72—73].

люции [см. Лафарг. 1930], в русском языке после Великой Октябрьской социалистической революции [Жирмунский. 1936. С. 103—104; Селищев. 1928; ЛСРЛЯ. 1968; Протченко. 1975. С. 101—133].

Наряду с интенсивным возникновением новых слов происходит и процесс перехода определенной части лексики в разряд историзмов и архаизмов, либо в разряд слов, употребляемых в отношении зарубежных реалий, что связано с исчезновением соответствующих явлений из жизни ГДР, ср., например, Schulgeld 'школьные деньги', Volksschule 'народная школа' и др. В то же время в ФРГ слова эти активно функционируют в языке [Schippan. 1967. С. 14]. Этот процесс также является в основном стихийным отражением в языке изменений, происходящих в жизни общества.

Однако в некоторых случаях изменения в общественно-политической лексике совершаются в результате сознательного воздействия общества. Так, например, в словарях, изданных в ГДР, не приводятся такие слова, как Volksgeist 'дух народа', Nationalgefühl 'национальное чувство', Gemeinschaftsgeist 'дух сплоченности' и др. Эти слова почти не употребляются в настоящее время в ГДР, хотя, если обращаться только к их значениям, объяснить это затруднительно. Элиминирование их из словаря обусловлено тем, что в период Третьего Рейха они входили в число ключевых слов геббельсовской пропаганды, поэтому в сознании определенных поколений носителей языка они отягощены представлениями о фашистском прошлом.

Чтобы избежать неприятных ассоциаций, различные учреждения, официальные инстанции, должности в ГДР получили новые наименования. Безусловно, они отражают и качественные изменения, ср., например, Volkskammer 'Народная палата', Nationale Volksarmee 'Национальная народная армия', Nationaler Verteidigungsrat 'Национальный совет обороны'. Одним из требований, предъявляемых к новым наименованиям, было отсутствие каких-либо аналогий с наименованиями, традиционными для Германии. Интересно отметить, что, видимо, по тем же причинам новые обозначения в немецком языке в ГДР получили такие явления и понятия, которые не отличаются от существовавших в довоенной Германии и существующих в ФРГ, ср. Staatsbürgerschaft и Staatsangehörigkeit. И то и другое обозначают "гражданство, подданство", но первое употребляется в ГДР, второе — в ФРГ, хотя при рассмотрении юридических положений и определений, лежащих в их основе, не удастся обнаружить каких-либо существенных различий [Pfützte. 1971. С. 69].

В ФРГ³ за послевоенный период произошло также определенное развитие лексического фонда, так как новшества и изменения в общественной, экономической и политической жизни ФРГ нашли свое отражение в словарном составе языка. Но поскольку империализм и

³ К рассмотрению будет привлечен только язык официальной пропаганды ФРГ и лексикографические источники, которые также отражают в области общественно-политической лексики господствующую в стране идеологию. Анализ языка прогрессивных партий, имеющего существенные отличия от языка официальной пропаганды, но в то же время не идентичного языку политики в том виде, в котором он функционирует в ГДР [см. по этому вопросу Муравлева. 1978], не входит в наши задачи.

его политические, экономические, общественные, военные, культурные институты и учреждения не были уничтожены или были восстановлены в ФРГ, для их обозначения продолжали зачастую употребляться номинации, существовавшие в языке довоенного периода. Таким образом, большая часть "идеологически связанного" словаря в ФРГ была заимствована из словаря империалистической Германии, а потому и не было необходимости в возникновении такого количества новых лексических единиц, как в немецком языке в ГДР.

Неологизмы, употребляющиеся только в ФРГ, являются обозначениями явлений и понятий, характерных для государственно-монополистического развития этой страны: Börsenbericht 'биржевая сводка', Werkspionage 'производственный шпионаж', Armenhaus 'приют для бедных', Alleinvertretungsanspruch 'притязание на единоличное представление' (немецкого государства), Gesamtschule 'общая школа' и т.п. [Schirpan. 1967. С. 14]. Возникновение этих неологизмов обусловлено стихийным влиянием социальных факторов. Другие возникают под влиянием сознательного воздействия общества (его правящих кругов). Это прежде всего введенные в свое время в ФРГ для обозначения ГДР обозначения Zone 'зона' и Ostzone 'восточная зона', а также Mitteldeutschland 'средняя Германия' и Ostdeutschland 'Восточная Германия'⁴. Постепенно в связи с общим изменением политической ситуации в Европе эти обозначения исчезают из официального употребления правящих партий ФРГ, однако противопоставление West — Ost долгое время внедрявшееся в сознание населения ФРГ, до сих пор находит свою языковую репрезентацию не только в политических, но даже в научных текстах. Ср., например, выдержки из книги лингвиста из ФРГ М. Хелльманна, имеющей, кстати, и весьма характерное название "Язык между Востоком и Западом": Grundlage seines Glossars ist einerseits ein Auszug aus dem Ost-Duden, andererseits auch eine eigene Materialsammlung aus ostdeutschen Zeitungen und anderen offiziellen Quellen 'Основой его глоссария является, с одной стороны, выборка из Восточного Дудена'⁵, с другой стороны, также собранный самим автором материал из восточногерманских газет и других официальных источников' или: In jungster Zeit (seit 1974)... die seit der Errichtung des Ostberliner "Zentralinstitut für Sprachwissenschaft..." 'В последнее время (с. 1974 г.) с момента создания, восточноберлинского "Центрального Института языкознания"... [Hellmann. 1978].

Определенный интерес в плане сознательного воздействия общества на язык представляет рассмотрение некоторых приемов, используемых пропагандой ФРГ для дискредитации социалистического образа жизни. Так, пропагандисты ФРГ, описывая какое-либо явление или понятие, связанное с жизнью ГДР и характерное только для социалистического общественного строя, для наименования которых имеется вполне устоявшаяся терминология, сознательно употребляют обозначения, связанные с определенными явлениями жизни капита-

⁴ Историю функционирования этих обозначений в ФРГ и замены одних из них другими см. [Домашнев. 1983. С. 167—168].

⁵ Имеется в виду один из толковых словарей немецкого языка, изданных в ГДР.

листического общества. Например, *vm. Parteisekretär* 'секретарь партии' употребляется *Parteichef* 'партийный шеф', *vm. Wirtschaftsfunktionär* 'хозяйственный работник' — *Manager* 'заправила', *vm. qualifizierte Fachleute auf wissenschaft-technischem Gebiet* 'квалифицированные специалисты в области науки и техники' — *Technokraten* 'технократы' и т.п. Таким образом, у населения ФРГ создается мнение, что в социалистической Германии существуют такие же отношения между партийным руководством и рядовыми членами партии, между правительством и населением, между инженерно-техническим персоналом и рабочими, как в ФРГ.

Интересно проследить, как происходило в ФРГ переименование различных правительственных учреждений и должностей. Так же как и в ГДР, историзмами стали слова *Reichskanzler* 'рейхсканцлер', *Reichskabinett* 'рейхскабинет', *Reichsregierung* 'имперское правительство', однако употребляемые вместо них номинации являются почти полными их аналогами (изменился только первый компонент). Ср. *Bundeskanzler* 'федеральный канцлер', *Bundeskabinett* 'федеральный кабинет', *Bundesregierung* 'федеральное правительство'. Исследователи объясняют это явление тем, что данные наименования "в значительной степени опираются на соответствующие государственные традиции и аналогичны номенклатуре соответствующих названий, принятых в Германии времен кайзера или Веймарской республики. Совершенно ясно, что восстановление старых наименований может содержать, а в данном случае и содержит, определенную политическую программу "преемственности" [Розен. 1976. С. 117—118]. В этой связи отметим также, что в словарях, издаваемых в ФРГ, многие годы приводятся слова, имевшие особенно широкое функционирование во времена фашизма, которые совершенно исчезли из словоупотребления граждан ГДР (см. выше).

Наиболее распространенный способ воздействия буржуазных идеологов и политиков на язык — употребление слов, позитивно воспринимаемых населением, применительно к понятиям и реалиям, не имеющим теперь этого положительного содержания, ср., например, *Demokratie* 'демократия', *Freiheit* 'свобода'. Этот способ хорошо освещен в специальной литературе [см., например, Клаус. 1967; Нойберг. 1979; ТД. 1978], поэтому мы не будем останавливаться на нем. Укажем только, что в ответ на эту деятельность в социалистических государствах принимаются контрмеры: вместо ставшего многозначным вводится новый термин, ср., например, русск. *народная демократия*, *реальный социализм* ~ нем. *Volksdemokratie*, *realer Sozialismus*. Такое уточнение терминологии, идеологическая и гносеологическая четкость обозначаемых ею понятий, естественно, создают дополнительные трудности у буржуазных идеологов в процессе манипулирования общественным мнением, формирования выгодных правящему классу социальных стереотипов, а потому подвергаются энергичным нападкам. Особенно часто критике подвергается термин "народная демократия". Буржуазные идеологи указывают на его тафтологичность, поскольку компонент "народный" уже содержится в самом слове "демократия" [см., например, Sartori. 1957]. Естественно, при этом они сознательно не принимают во внимание тот факт, что в их собственном сло-

воупотреблении значение слова *демократия* весьма далеко от этимологического (это отнюдь не 'власть народа'), и именно потому оно стало нуждаться в уточнении.

Широко используется и такой способ сознательного воздействия на язык, как искусственное увеличение частотности употребления тех или иных слов, превращение их в своеобразные слова-ключи. Существование таких слов характерно для каждого языка и каждой эпохи. Но обычно их появление отражает наиболее распространенные явления или реалии, свойственные данному этапу общественного развития [см. по этому вопросу Будагов. 1971]. В ФРГ появление их обуславливается, как правило, борьбой (чаще всего предвыборной) различных политических партий. Так, например, первый канцлер ФРГ К. Аденауэр ввел в пропагандистский обиход такие слова, как *Verteidigungsgemeinschaft* 'оборонное содружество', *Europäische Integration* 'европейская интеграция', *soziale Marktwirtschaft* 'социальное рыночное хозяйство', чрезвычайно активизировалось употребление обозначения *Arbeitnehmer* 'работополучатели', на реакционную сущность которого указывал еще Ф. Энгельс [Т. 23. С. 28]. Теперь оно получило более широкое значение и стало использоваться как общее наименование для рабочих и служащих.

Путем сознательного воздействия удается также изменить оценочное восприятие некоторых слов у носителей языка. Так, например, в 1976 г. в ФРГ оппозиция (коалиция ХДС/ХСС) выдвинула следующие лозунги "*Freiheit statt Sozialismus*" 'Свобода вместо социализма' и "*Freiheit oder Sozialismus*" 'Свобода или социализм'. Поскольку слово *Freiheit* 'свобода' вызывает, согласно результатам специально проведенного исследования⁶, наибольшие симпатии у населения ФРГ, естественно, что в результате постоянного употребления слова *Sozialismus* в указанных словосочетаниях определенная часть носителей языка стала воспринимать его негативно⁷.

Большой интерес представляет анализ новой лексики немецкого языка в ГДР и в ФРГ с точки зрения ее происхождения. Большая часть ее — заимствования или кальки. На немецкий язык в ГДР большое влияние оказывает русский язык, здесь встречаются многочисленные кальки с русских слов и устойчивых словосочетаний. Это вполне естественно. Несмотря на определенное национальное своеобразие, построение социализма в ГДР шло по пути, уже пройденному Советским Союзом, поэтому там возник целый ряд институтов и учреждений, починов и мероприятий, аналогичных советским. Неудивительно, что многие из них были названы терминами, близкими по своему содержанию русским. Ср., например: *Friedenskämpfer* 'борец за мир', *Friedenslager* 'лагерь мира', *vorfristig* 'досрочный', *überfüllen* 'перевыполнять', *Prinzip des materiellen Anreizes* 'принцип материальной заинтересованности', *kommunistisches Verhalten zur Arbeit* 'коммунистическое

⁶ Исследования, проведенные Алленсбаховским институтом демоскопии, показали, что 93% взрослых предпочитают его всем другим политическим понятиям (*Allensbacher Archiv, IFD-Umfrage, 3030*).

⁷ Там же, N 1059, 2071/2073, 3001, 2011.

отношение к труду', Erziehung im Sinne der marxistisch-leninistischen Weltanschauung 'воспитание в духе марксистско-ленинского мировоззрения', gesellschaftlich nützliche Arbeit 'общественно полезная работа' и т.д.

Некоторые иноязычные заимствования, уже давно укоренившиеся в немецком языке, под влиянием сходных по происхождению и звучанию русских слов приобрели новые значения. Слово Aktiv 'актив', имевшее только значение грамматического термина, стало означать также "fortschrittliche Arbeitsgruppe, die kollektiv an der Erfüllung gesellschaftspolit., wirtschaftl. und kultureller Aufgaben arbeitet und überdurchschnittl. Leistungen anstrebt" (Fremdwörterbuch, с. 18 — Leipzig 1966) 'группа передовых рабочих, коллективно работающих над выполнением общественно-политических, хозяйственных и культурных задач и стремящихся к достижению более высокого уровня производительности'; Brigade 'бригада' наряду со значением военного соединения получило значение "kleinstens Arbeitskollektiv in der volkseigenen Wirtschaft" (Там же. С. 99) 'мельчайшая организационная единица трудового коллектива в народном хозяйстве' и т.д.

Немецкий язык в ФРГ испытывает сильное влияние английского языка. В нем встречается большое количество англо-американских заимствований. Б. Карстензен указывает, что "существуют четко выделяемые области, в которых языковые контакты между Северной Америкой и Западной Германией наиболее интенсивны: хозяйственная и общественная жизнь, техника и политика очень рано переняли английские обозначения" [Carstensen, Galinsky. 1967. С. 13]. Тот же автор, проводивший свои исследования на материале 20 различных западно-германских газет, приводит интересные данные о частоте употребления американизмов и англицизмов в прессе ФРГ: в среднем на каждой странице встречается одно американское или английское заимствование (различать их между собой весьма трудно, но Б. Карстензен отмечает, что большинство заимствований приходит в немецкий язык в ФРГ именно из американского варианта английского языка, поскольку ФРГ имеет более тесные контакты с США, чем с Англией). В качестве наиболее употребительных заимствований, в частности, приводятся следующие: Society 'общество', Understatement 'преуменьшение, замалчивание', Pressure 'давление, нажим' (главным образом в переносном смысле).

Кроме прямых заимствований из английского языка, в немецком языке ФРГ можно обнаружить многочисленные лексические и семантические кальки, например, Gehirnwäsche из brain washing 'промывание мозгов', в области политики слово kontrollieren 'контролировать, проверять' стало часто употребляться в значении 'править, господствовать'.

Под влиянием английского языка стали чаще употребляться некоторые немецкие слова, сходные с английскими по звучанию и значению: okkupieren 'оккупировать', attraktieren 'привлекать', konsultieren 'консультировать' и т.д.

Очевидно, что все приведенные заимствования, функционирующие в немецком языке в ГДР и в немецком языке в ФРГ, являются результатом стихийного влияния социальных факторов на язык, причем это влияние носит достаточно опосредованный характер. Естественно,

что государственное устройство, политические ориентации той или иной страны в значительной степени определяют непосредственные языковые контакты населения, иностранные языки, наиболее широко изучаемые в школе, языки, с которых переводится максимальное количество литературы, и т.д. Все это, в свою очередь, оказывает большое влияние на систему заимствований в языке данного государства.

В некоторых же случаях определенные лексико-семантические единицы сознательно заимствуются или калькируются с иностранных языков. На наш взгляд, это касается прежде всего терминологии. Так, например, в результате обобщения опыта строительства социализма в СССР и братских странах было выдвинуто положение о развитом социалистическом обществе (в общей форме понятие "развитый социализм" встречается у В.И. Ленина — Т. 36. С. 139), соответственно в немецком языке в ГДР вводится термин *die entwickelté sozialistische Gesellschaft*, ср. также такие терминологические словосочетания, как *umfassender Aufbau des Sozialismus* 'развернутое строительство социализма', *Gestaltung des entwickelten gesellschaftlichen Systems des Sozialismus* 'построение развитой общественной социалистической системы', *Vollendung des Sozialismus* 'окончательное построение социализма'.

Наблюдаются подобные явления и в немецком языке в ФРГ, правда, процесс этот носит содержательно иной характер. Вместе с импортируемыми из США теориями о современном обществе как обществе, которому не присущи более классовые противоречия, в немецком языке в ФРГ закрепились такие кальки с английского языка, как *Grosse Gesellschaft* 'великое общество', *nivellierte Mittelstandsgesellschaft* 'нивелированное среднесословное общество', *einheitliche Industriegesellschaft* 'единое индустриальное общество', *egalitäre Gesellschaft* 'равноправное общество', *offene Gesellschaft* 'открытое общество', *Bildungsgesellschaft* 'образованное общество' и т.д.

Иногда буржуазные политики сознательно употребляют англо-американские заимствования вместо немецких слов (в данном случае речь уже идет не о терминологии, а об общественно-политической лексике) в качестве своего рода эвфемизмов, поскольку употребление иностранного, порой не совсем понятного широким слоям носителей языка, слова в определенной степени снижает негативность восприятия того или иного явления. Так, например, *gentle inflation* звучит подчас менее неприятно, чем *schleichende Inflation* 'постепенная инфляция', *recession* более мягко, нежели *Konjunkturückgang* 'снижение конъюнктуры'.

Таким образом, лексико-семантическая система языка развивается как под стихийным действием социальных факторов, так и под влиянием сознательного воздействия общества на язык. При этом следует отметить, что сознательное воздействие общества на лексико-семантическую систему языка в определенной степени ограничено имманентными свойствами языковой структуры, иными словами, воздействие это происходит тем эффективнее, чем больше оно соответствует общим законам человеческого языка вообще и данного конкретного языка в частности. Так, например, постоянное "обновление" языка, т.е.

переход одних слов в разряд архаизмов и историзмов и появление неологизмов, — процесс, характерный для любого языка (правда, он идет с различной интенсивностью в разные исторические периоды), поэтому общество может весьма успешно способствовать устранению из обихода тех или иных слов, по каким-либо причинам дискредитировавших себя в сознании носителей языка⁸. То же самое можно сказать об искусственном формировании у слов новых значений. Как отмечает Р.А. Будагов, "многозначность слова естественных языков народов мира — это одна из важнейших особенностей их лексики, одна из важнейших особенностей человеческого языка вообще" [1974. С. 123]. Именно поэтому так легко у слова можно создать новое значение и так трудно претворить в жизнь одну из основных задач терминологов — избавиться от многозначности хотя бы в пределах каждой отдельной терминологической системы. В.П. Даниленко пишет в этой связи: «Природа термина <...> не предполагает асимметричности знака и означаемого. Встречающиеся в реальном терминопотреблении синонимы и многозначные термины отражают конкретные факты функционирования терминов, а не природу специальных слов. Однако условия функционирования оказываются столь сильными, что они вступают в противоречие с природой и оказывают на нее заметное влияние. Условия функционирования создают целый ряд типичных ситуаций, когда нарушение симметрии знака и означаемого становится неизбежным. При этом вступает в силу другая "природа" — природа языкового знака (эта ситуация особенно существенна, когда в роли терминов выступают слова общелитературного употребления), которому асимметрия означаемого и означающего "показана". В результате термин либо приобретает "двойников", либо сам становится выразителем разных содержаний» [1977. С. 55].

Показателен также в плане взаимоотношения структурных и социальных факторов процесс заимствования. Неслучайным является то, что для немецкого языка в ГДР характерно большое число калек с русского языка, а для немецкого языка в ФРГ — многочисленные заимствования из английского языка. Язык-источник, как уже указывалось, полностью определяется социальными факторами, на характер же его влияния воздействуют как определенные идеологические установки, так и чисто структурные языковые факторы. Поскольку структурно немецкий язык значительно больше отличается от русского, чем от английского, проникновение в него прямых заимствований из русского языка происходит гораздо сложнее, чем из английского.

Большой интерес представляет вопрос, какими путями осуществляется сознательное воздействие общества на лексико-семантическую систему языка, в частности на общественно-политическую лексику и терминологию. Так, в нацистской Германии министерство пропаганды рассылало специальные письма главным редакторам средств массовой коммуникации, в которых запрещалось или рекомендовалось употреб-

⁸ Конечно, дискредитируют себя не сами слова, а обозначаемые ими понятия. Отметим также, что в данном случае сами понятия обычно не исчезают, а просто получают новые наименования.

ление тех или иных слов. Например, распоряжение от 22 августа 1936 г.: по приказу фюрера впредь в отношении немецких солдат не должно употребляться слово *Gefallenen* 'павшие', нужно пользоваться только словом *Ermordeten* 'убитые'. Этим должно быть подчеркнуто, что национал-социалистические бойцы не пали в битве с честным врагом, а были злодейски убиты [Bergsdorf, 1978].

Конечно, такие прямолинейные меры — явление довольно редкое и специфичное для определенных режимов. Однако и в настоящее время, по-видимому, основным проводником воздействия общества на общественно-политическую лексику и терминологию являюся средства массовой коммуникации. Ю.Д. Дешериев справедливо отмечает, насколько увеличились возможности влияния общества на язык в связи с возникновением письменности [1977. С. 180]. Нам представляется, что аналогичный резкий скачок в данной области был сделан в связи с развитием различных видов массовой коммуникации. Но воздействие общества через этот канал в разных социальных условиях осуществляется неодинаково. В условиях социализма прежде всего сознательно формируется общественно-политическая терминология, это происходит в рамках различных общественных наук, где по мере развития этих областей знания в связи с общим процессом общественного развития возникают новые термины, изменяются, уточняются значения старых, появляются новые терминологические словосочетания и т.п. Затем часть этой терминологии переходит в общественно-политическую лексику, не теряя при этом своей терминологичности, но значительно расширяя сферу функционирования (главным образом именно в результате использования в массовой коммуникации, а также в учебном процессе, устных выступлениях на различных политзанятиях, собраниях и т.п.). В условиях буржуазного общества новые обозначения в области общественной жизни и политики, напротив, возникают прежде всего в речах различных политических деятелей, особенно во время избирательных кампаний, в рекламе и т.д. Все это распространяется и тиражируется различными средствами массовой коммуникации и внедряется в сознание населения, затем некоторые из этих обозначений переходят и в лексикон общественных наук, причем, как правило, они не получают при этом четкого определения, т.е. по существу так и не становятся терминами. Таким образом, формирование новых общественно-политических обозначений и изменение содержания старых происходит преимущественно не в сфере терминологии, а в сфере общественно-политической лексики. В языках, функционирующих в социалистических обществах, также иногда термины возникают на базе общественно-политической лексики, но этот процесс идет гораздо менее интенсивно, чем обратный, т.е. переход терминологии в общественно-политическую лексику.

Общеизвестно высказывание К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что "в свое время индивиды целиком возьмут под свой контроль и этот продукт рода" (т.е. язык) [Т. 3. С. 427]. Поскольку социализм является более высокой по сравнению с капитализмом степенью общественного развития, по логике вещей при социализме сознательное воздействие общества на язык должно носить более полный и разносто-

ронный характер. Однако, как видно из сказанного выше, буржуазные идеологи воздействуют на лексико-семантическую систему языка весьма энергично и эффективно. На наш взгляд, это необходимо вытекает из особенностей взаимоотношений между идеологией и социальной психологией масс, характерных для буржуазного общества. Как отмечает Г.Я. Нестеренко, "для объяснения возникновения и формирования идеологии недостаточно исходить только из экономических отношений и социальных интересов классов. На нее оказывает влияние и общественная психология" [1964. С. 9]. Под общественной психологией обычно понимают "совокупность чувств, настроений, эмоций, направленность воли, мыслей, иллюзий, навыков, привычек, особых черт характера, стихийно возникающих у данной социальной группы людей благодаря общности социально-экономических условий жизни" [Ядов. 1961. С. 53]. При рассмотрении взаимоотношений между идеологией и общественной психологией прежде всего следует подчеркнуть, что ни одна идеология как система теоретических взглядов не может стихийно возникнуть у большой общественной группы, класса. Идеология возникает как теоретическое мышление, вырабатывается и развивается теоретиками, учеными, идеологами. Но, возникнув таким образом, идеология должна затем овладеть массами. Именно в этом процессе общественная психология играет особенно большую роль. В.А. Ядов пишет по этому поводу: "Будучи побудительной силой идеологического творчества, общественная (классовая) психология, возникающая на основе данных общественно-экономических условий жизни, составляет одновременно благоприятную почву для усвоения выработанной мыслящими представителями класса идеологии" [Там же. С. 56]. В духовной жизни социалистического общества между общественной психологией и идеологией не возникает существенных противоречий. Они находятся между собой в таких отношениях, в которых "ведущей стороной взаимодействия является теоретическое научное сознание — коммунистическая идеология. Обыденное сознание, общественная психология испытывают на себе благотворное влияние марксистско-ленинской идеологии <...> Взаимно обогащая друг друга, эти процессы сливаются воедино" [Там же. С. 64].

Иначе обстоит дело в буржуазном обществе. С одной стороны, социально-экономические условия жизни обуславливают возникновение у пролетариата определенной социальной психологии, которая должна была бы способствовать усвоению трудящимися прогрессивной идеологии, но, с другой стороны, идеологи и различные идеологические учреждения господствующего класса стремятся распространить, навязать трудящимся свою буржуазную идеологию. Для этой цели используются самые различные средства и методы, призванные формировать стихийное сознание масс в нужном направлении, что в дальнейшем облегчает задачу распространения буржуазной идеологии. Именно в этом процессе язык играет весьма существенную роль. Выступая в качестве орудия речевой деятельности в ситуации речевого воздействия на сознание носителей языка, языковые средства, функционирующие в массовых информационных процессах, воздействуют на системы представлений, оценок, суждений, сложившиеся у носителей языка, выраба-

тывая некоторые социально-психологические стереотипы. Целенаправленный выбор определенных языковых средств в существенной мере способствует созданию и закреплению у населения нужных стереотипов, что, в свою очередь, формирует психологию масс в нужном направлении и создает благоприятную почву для усвоения ими буржуазной идеологии. Из сказанного очевидно, что сознательное воздействие буржуазного общества в данной сфере происходит весьма интенсивно. В социалистическом же обществе такой потребности, по существу, не возникает. Воздействие на общественно-политическую терминологию осуществляется здесь в той же мере, что и на другие терминологические системы языка (в плане ее упорядочения, уточнения, унификации и т.д.), с теми, естественно, коррективами, которые вносит в этот процесс постоянная борьба между социалистической и буржуазной идеологиями.

ЛИТЕРАТУРА

- Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36.
Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 3, 23.
Будагов Р.А. История слов в истории общества. М., 1971.
Будагов Р.А. Человек и его язык. М., 1974.
Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М., 1977.
Дешириев Ю.Д. Социальная лингвистика: К основам общей теории. М., 1977.
Домашнев А.И. Язык и идеология в их взаимоотношении // Онтология языка как общественного явления. М., 1983.
Жирмунский В.М. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936.
Келле В.Ж. Познавательные и идеологические функции социологии // Социология и идеология. М., 1969.
Клаус Г. Сила слова. М., 1967.
Коготкова Т.С. Из истории формирования общественно-политической терминологии: по материалам последних десятилетий XIX в. // Исследования по русской терминологии. М., 1971.
Котелова Н.З. К вопросу о специфике термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970.
Крючкова Т.Б. Язык и идеология: К вопросу об отражении идеологии в языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976.
Лафарг П. Язык и революция. М.; Л., 1930.
Лексика современного русского литературного языка. М., 1968.
Муравлева Н.В. Лексические инновации общественно-политического содержания в современном немецком языке: по материалам прогрессивной политической печати ФРГ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1978.
Нестереико Г.Я. Идеология, ее особенности и формы. М., 1964.
Нойберт А. К вопросу о предмете и основных понятиях марксистско-ленинской социолингвистики // Актуальные проблемы языкознания ГДР: Язык — идеология — обществ. М., 1979.
Протченко И.Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи: Социолингвистический аспект. М., 1975.
Розен Е.В. Новое в лексике немецкого языка. М., 1976.
Селищев А.М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет. М., 1928.
ТД — Техника дезинформации и обмана. М., 1978.
ФЭС — Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
Ядов В.А. Идеология как форма духовной деятельности общества. Л., 1961.
Carstensen B., Galinsky H. Amerikanismen der deutschen Gegenwartssprache. Heidelberg, 1967.

Bergsdorf W. Politik und Sprache. München; Wien, 1978.

Bock R., Harnisch H., Langner H., Starke G. Zur deutschen Gegenwartssprache in der DDR und in der BRD // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. 1973. Bd. 26. N 5.

Dieckmann W. Politische Sprache, politische Kommunikation. Heidelberg, 1981.

Hellmann M.W. Sprache zwischen Ost und West: Überlegungen zur Wortschatzdifferenzierung zwischen BRD und DDR und ihren Folgen // Sprache und Kultur: Studien zur Diglossie, Gastarbeiterproblematik und kulturellen Intergration. Tübingen, 1978.

K u S — Kommunikation und Sprachvariation. B., 1981.

Karlen G. Zur Entwicklung der Deutschen Sprache diesseits und jenseits des eisernen Vorhangs // Deutschunterricht für Ausländer. München, 1959. Jg. IX.

Lerchner G. Zur Spezifik der Gebrauchsweise der deutschen Sprache in der DDR und ihrer gesellschaftlichen Determination // Deutsch als Fremdsprache. B., 1974. H. 5.

Nerius D. Sprachschichten und Sprachnormen // Deutschunterricht. 1963. H. 11.

Nerius D. Zur Sprachnorm im gegenwärtigen Deutschen // Linguistische Studien. Reihe A. 1973. H. 3.

NSK — Normen in der sprachlichen Kommunikation. B., 1977.

Pfütze M. Ideologie — Propagande — Sprache // Sprachpflege. 1971. H. 4.

Schippan Th. Die beiden deutschen Staaten und die Deutsche Sprache // Deutschunterricht, 1967. H. 1.

Schmidt W. Zur Ideologiegebundenheit der politischen Lexik // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. 1969. Bd. 22 (Berlin).

Schmidt W. Das Verhältnis von Sprache und Politik als Gegenstand der marxistisch-leninistischen Sprachwirkungsforschung // Sprache und Ideologie. Halle (Saale), 1972.

Sparmann H. Neues im deutschen Wortschatz unserer Gegenwart // Sprachpflege. 1970. H. 10.

Spartori C. Democrazia e definizioni. Bologna, 1957.

Wörterbuch — Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache / Hrsg. von R. Klappenbach und W. Steinitz. B., 1969.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Науку об истории литературного языка можно считать первой главой диахронической социолингвистики. Здесь "социальное давление" (термин Ю.Д. Дешериева) [1977] на развитие языка наиболее ощутимо и так или иначе документировано, более или менее обозримо. Зарождение новой историко-филологической дисциплины, истории литературного языка — результат напряженной работы многих поколений отечественных и зарубежных ученых, самых разнообразных опытов разграничения внешних и внутренних факторов развития языка, социального давления и давления системы, вскрытия "диалектического противоречия проблемы социального и внутрискруктурного аспектов исследования языка" [Дешериев. 1977. С. 282].

Процесс дивергенции лингвистики на внешнюю и внутреннюю, расщепление науки об истории языка на две научные дисциплины: историческую грамматику и историю литературного языка¹ — следствие тенденций уточнения задач, предмета, объекта и метода лингвистики XX в. Когда на смену синкретизма истории вообще пришло различие истории и филологии, филологии и языкознания, последнее рас-

¹"Социальным заказом" предлагаемой статьи послужила интенсификация историко-лингвистических исследований в национальных республиках и создание обобщающих трудов по исторической грамматике и истории литературных языков. Статья является расширенным вариантом доклада в Баку (1981).

цепилось на внутреннюю и внешнюю лингвистику, а также на синхронное и диахроническое языкознание.

Само зарождение науки об истории литературного языка, осознание закономерностей его становления и функционирования, осознание специфики предмета и задач новой научной дисциплины — результат социального заказа, решение задач "языкового строительства" славянских языков XIX в.

Особый интерес к проблемам литературного языка именно у славян объясняется тем, что XIX в. знаменует собой эпоху подъема национального самосознания славянских народов, сопровождавшегося бурным процессом формирования новых литературных языков (сербского, болгарского, словацкого, украинского, белорусского и др.), борьбой за расширение сфер обслуживания и создание соответствующих стилей. Если к началу XIX в. основные проблемы нормализации литературного французского, английского, немецкого, испанского, итальянского языков были уже решены, то кардинальные проблемы литературного русского языка решались лишь в первой трети XIX в.: споры о "старом и новом слоге", относительно "своего и чужого" в литературном языке, борьба с шишковистами, пушкинское преобразование русского литературного языка, формирование русского подъязыка науки и т.п. Одной из центральных проблем формирования и развития славянских литературных языков была проблема отношения к кирилло-мефодиевскому наследству, к языку древнейших памятников славянской письменности и к опыту создания первого литературного языка славян. Кирилло-мефодиевская проблематика и, в частности, вопрос о народно-разговорной основе языка кирилло-мефодиевских оригиналов возбуждали не только чисто научный интерес, но и позволяли строить теоретический фундамент формирования и развития литературных языков славянских народов.

Интерес к проблемам истории литературного языка постоянно сопровождал всю историю русской культуры, а на поворотных ее пунктах (второе южнославянское влияние, эпоха Ломоносова, эпоха Карамзина — Пушкина, дискуссия о русской орфографии начала XX в.) вызывал горячие споры и дискуссии о судьбах и перспективах развития языка и культуры, стимулируя углубленное исследование проблематики. Во второй половине XIX в. научная общественность серьезно готовилась отметить 1000-летие славянской и 900-летие русской письменности. Академия наук наметила серию фундаментальных исследований по истории письменности и литературных языков, четко сформулировала проблематику и задачи исследований.

Выдающимся достижением лингвистической мысли России XIX в. была постановка акад. В.И. Ламанским задач создания общей типологии формирования литературных языков и истории взаимодействия славянских языков (1885) с фундаментальным исследованием А.С. Будиловича ("Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Т. 1: Очерки образования языков южной и западной Европы. Варшава, 1892) в качестве первого отклика на эти задачи.

Тогда же (1889 г.) был создан первый опыт систематической истории литературного языка. Это — монография А.И. Соболевского, оформившаяся на основе его лекционных курсов в Петербургском университете. К сожалению, рукопись своевременно не была опубликована. Ее ввел в научный оборот А.А. Алексеев лишь в наши дни [см. Соболевский. 1980]. Н.И. Толстой [1981.], познакомил советских лингвистов с концепцией истории русского литературного языка, развивавшейся Н.С. Трубецким. Основоположника фонологии в значительной мере можно считать и основоположником науки об истории литературных языков. Его концепция развивалась и детализировалась представителями Пражского кружка и зарубежными славистами, формально не относящимися к членам кружка (Б. Унбегаун). Наука об истории русского литературного языка имеет у нас долгую и непрерывную традицию, имеет "свое преемство". Достаточно сказать, что "Энциклопедией славянской филологии" (ЭСФ) был предусмотрен особый выпуск "Истории литературного русского языка". В 1912 г. вышел 12-й выпуск ЭСФ и "Очерк истории современного литературного русского языка" Е.Ф. Будде, который, впрочем, еще незначительно отличался от исторической грамматики.

Это и позволило А.А. Шахматову более решительно перенести центр тяжести зарождающейся научной дисциплины на "внешнюю сторону" истории языка: история русского литературного языка — это история русской культуры, русской образованности [1941].

В этой формулировке предельно сконцентрировано внимание исследователей глобальной проблемы "Язык — общество" на задаче выяснения взаимодействия истории литературного языка с историей культуры (литературы, народного образования и т.п.), с одной стороны, и заложены предпосылки исследования истории функциональной стороны литературного языка в соответствующих сферах культуры — с другой.

Бурный процесс языкового строительства, как неперемного условия и важнейшей составной части строительства экономического, культурного и социально-политического фундамента социализма, стимулировал дальнейшее развитие науки об истории литературного языка. В решение практических, прикладных и собственно теоретических проблем истории литературного языка 30-е годы внесли социолингвистический аспект (Е.Д. Поливанов, А.М. Селищев, В.М. Жирмунский и др.). В это время складывалась концепция истории русского литературного языка В.В. Виноградова, Л.А. Булаховского, Б.А. Ларина и др.

В послевоенные годы интенсивно разрабатывались проблемы истории русского литературного языка советскими и зарубежными лингвистами. В.В. Виноградов ввел проблематику новой науки в программу регулярно созывавшихся съездов славистов, проводились конференции и симпозиумы, опубликовано множество книг и статей.

Идеи и методы этой науки, зародившиеся на материале русского языка, успешно разрабатываются в нашей стране на материале многих языков, особенно успешно — в советской германистике (М.М. Гухман и др.), через славистику они проникли и в зарубеж-

ную лингвистику. Не без влияния русской лингвистической традиции складывалась в 30-е годы XX в. пражская концепция литературного языка и его истории.

Новые публикации советских и зарубежных исследователей как в области славистики и германистики, так и по другим языкам убедительно свидетельствуют, что наиболее сложной оказалась задача разграничения истории литературного языка и исторической грамматики, проблема предмета истории литературного языка как особой научной дисциплины.

Одним из крупнейших достижений советского языкознания длительное время считалось введение в научный обиход понятия "национальный язык". Теперь нередко можно слышать скептическое отношение к этому понятию. Как отметил Л.Н. Смирнов [1981. С. 98], недооценка понятия "национальный язык" связана с недооценкой социолингвистических факторов в развитии языка, с недостаточно четким разграничением предмета исторической грамматики и истории литературного языка. Действительно, процесс формирования наций не обуславливает появления новых фонем, морфем и грамматических категорий, что является собственно предметом исторической грамматики. Процесс формирования наций непосредственно отражается не на "языковой технике", не на внутренней структуре языка, а прежде всего на "внешней его системе", на его социальных функциях и многом другом, что должно стать предметом истории литературного языка.

Отсутствие четкого представления о "национальном языке" может привести, а иногда и приводит к некоторым недоразумениям, связанным с попытками соотнесения того или иного письменно-литературного языка феодальной эпохи с той или иной современной нацией.

Национальный литературный язык — историческая категория, связанная с категорией нации. Формирование буржуазной нации обусловлено развитием капитализма, социалистической — строительством социализма. Вполне закономерно, что в донациональный период эпохи феодализма письменно-литературные языки "не являлись национальными; в ту эпоху литературный язык обычно не опирался на диалект, не вырос из него" [Алексеев, 1980. С. 10]. Критерии разграничения, например, староукраинского и старобелорусского письменно-литературных языков весьма зыбкие, что уже осознано украинскими и белорусскими лингвистами. Аналогичные проблемы встают перед историками тюркских литературных языков.

Недостаточно ясное представление о различии аспектов истории литературного языка и исторической грамматики проявляется в выборе аргументации при решении принципиальных вопросов истории русского литературного языка. А.И. Горшков в принципе прав, ставя под сомнение критерий "удельного веса" старославянизмов при решении проблемы происхождения русского литературного языка: языковые единицы, инвентарь языковой техники — скорее предмет внутренней, нежели внешней лингвистики [1981. С. 29—30].

Недостаточно четкое представление о предмете истории литературного языка обуславливает выпадение из поля зрения исследователей ряда важнейших аспектов его изучения (способ "языкового

преимущества”, объем и социальное содержание языкового коллектива носителей литературного языка, динамики объема и содержания ведущих текстов, способы социализации его норм и др.).

Различие исторической грамматики и истории литературного языка опирается на введенное И.А. Бодуэном де Куртене и Ф.Ф. Фортунатовым разграничение внутренней и внешней лингвистики, которое с легкой руки Ф. де Соссюра и благодаря деятельности Пражского лингвистического кружка стало фундаментальным положением лингвистики XX в.

Предмет исторической грамматики — внутренняя история языка, развитие его структуры, механизм языковых изменений под “давлением системы”. Специалист по исторической грамматике должен помнить замечательные слова Ф. Энгельса: “Едва ли удастся кому-нибудь, не сделавшись посмешищем, объяснить экономически <...> происхождение верхнемецкого передвижения согласных” (Т. 37. С. 395).

И в самом деле, русские слова *рука* и *путь* по данным сравнительно-исторического языкознания, претерпели следующие изменения: *рука, путь* — РЖКА, ПЖТЬ ← *ganka, *pontis. При этом ни изменение характера труда, ни изменение средств передвижения, ни смена общественных укладов и т.п. не повлияли на непреложность данного фонетического закона. В данном случае лингвист должен вскрыть внутренние закономерности развития, механизм саморазвития, самодвижения материи и форм языка, его структуры. Не следует забывать, что весь опыт решения проблемы развития в различных отраслях знания свидетельствует о последовательном перенесении внимания исследователя с внешней на внутреннюю причинность.

Предмет истории литературного языка — внешняя его история, история его социального использования, его общественных функций, “социальное давление” на языковые процессы.

История литературного языка включает в себя, по крайней мере, два аспекта:

а) историю функциональных стилей, опирающуюся на динамику содержания и объема текстов на данном литературном языке;

б) историю собственно носителей литературного языка, объем и содержание социального субстрата литературного языка, его лингвосоциума, социалемы (термин Дешериева) [1977. С. 312].

Собственно люди, языковой коллектив, пользующийся литературным языком, и тексты, создаваемые ими и хранящийся в том или ином аппарате их памяти, — вот что является предметом истории литературного языка. Все это — внешнее по отношению к структуре данного языка, поэтому и не существенно для исторической грамматики. Количество фонем или падежных флексий не зависит от числа лиц, пользующихся данным языком, не зависит и от объема текстов, созданных на данном языке. И в то же время изменение объема и содержания текстов и социалемы доступно языку любого структурного устройства. Любой язык с любым числом фонем и падежных флексий принципиально может развить свои функции до языка международного общения и стать достоянием миллионов. Социалема языка любого

структурного устройства в силу тех или иных исторических условий может сократить свой объем до минимума и в конце концов исчезнуть. Собственно, умирает, становится мертвым не язык, а языковой коллектив, который пользовался данным языком. Любой "мертвый язык" можно оживить, если появится социалема, овладевшая им. Так, например, "ожил" древнееврейский в иврите, постоянно "оживают" элементы древнегреческого и классической латыни в новейших научных терминах.

В центре внимания историка литературного языка должна быть социалема этого языка, история тех, кто писал, говорил и читал на данном литературном языке, кто владел данным языком. Объем и социальное содержание социалемы (лингвосоциума) литературного языка, постоянно меняясь в соответствии с изменениями исторической судьбы всего народа, самым непосредственным образом отражается на судьбе данного литературного языка и текстов, его составляющих. В свое время Е.Д. Поливанов четко сформулировал положение о роли лингвосоциума в развитии языка [1968. С. 189]: "усиленный темп языковой эволюции вызывается количественным и качественным изменением контингента носителей данного языка (т.е. его человеческого, коллективного субстрата)"; "экономический быт влияет на субстрат языка, а изменение субстрата отражается на эволюции языка" [1968. С. 222].

И в самом деле, крупнейшие социально-экономические сдвиги, смена формаций и революции не отражаются непосредственно на языковой технике, не отмечается резкого изменения грамматических форм и фонологической системы. Здесь можно видеть источник некоторого скепсиса и в отношении к категории "национальный язык" [Смирнов. 1981. С. 98—99].

Социалема того или иного языка — категория историческая. Ее объем и социальное содержание чутко реагирует на самые разнообразные исторические сдвиги в обществе.

Смена общественных формаций кардинальным образом отражается на социалеме литературного языка. Если в древности русским литературным языком активно владела горстка представителей духовенства, монахов и священников, да дьяки государева приказа, затем — несколько сот писателей и журналистов, то теперь благодаря всеобщему среднему образованию мы приближаемся к всенародному уровню владения литературным языком. Всеобщей закономерностью становится процесс максимального расширения социалемы литературного языка до объема всей нации. Если, например, в буржуазной Литве или Польше предвоенных лет литературным языком владела незначительная прослойка национальной интеллигенции, то теперь литературный язык в его кодифицированной или просторечной форме стал достоянием всей нации. Если раньше украинским литературным языком владела горсть украинских писателей, поэтов, журналистов и других деятелей собственно украинской национальной культуры, то теперь украинский литературный язык стал достоянием всей нации, другие формы существования языка (территориальные диалекты) выходят из употребления.

Переход от феодализма к капитализму сопровождается разложе-

нием феодальной сословной структуры и формированием классовой структуры с особой социальной прослойкой, национальной интеллигенцией [Миллер. 1981], особой социалемы читающих и пишущих на национальном языке. Можно без преувеличения сказать, что интенсивность процесса создания национального литературного языка прямо пропорциональна интенсивности формирования национальной интеллигенции, подсоциолемы пишущих и читающих на данном языке. Изменение социального происхождения основного костяка национальной интеллигенции (из дворян, духовенства, из зажиточных слоев городского или сельского племса — "разночинцы" и т.п.), т.е. динамика костяка социалемы литературного языка, самым непосредственным образом отражается на процессе формирования национального литературного языка, специфике процесса его демократизации и т.п.

В буржуазном обществе процесс роста объема социалемы литературного языка идет чрезвычайно медленно. Так, к моменту объединения Италии (1870 г.) им владело не более 600 тыс. (ок. 2%). Классик словенской литературы Франц Прешерн в 1847 г. издал сборник своих стихотворений в 1200 экземпляров, но за два года удалось продать лишь 33 экземпляра. Все подписчики на новую книгу перечислялись при ее издании в предисловии к ней. Списки лиц, внесших предплату за книги Вука Караджича, умещались на одной странице.

По свидетельству Е. Паулини [Pauliny. 1979. С. 43—45], к моменту образования Чехословакии в 1918 г. литературным словацким языком владело 800—1000 *rodnych* (верных своему роду) словаков. В первые годы Советской власти Белоруссия с трудом налаживала периодическую печать на белорусском языке. Не хватало квалифицированных журналистов-газетчиков, владеющих белорусским литературным языком. Даже массовая газета "Беларуская вёска" первоначально (1921—1924 гг.) печаталась в основном на русском языке.

Развитие буржуазных связей, втягивание крестьянства в товарообмен с городом в рамках формирующегося национального рынка, требование элементарной грамотности работника на фабрике и заводе является своего рода материальной подоплекой распространения народного образования на родном языке [Стецкович, Якубовский. 1980. С. 22].

История культуры свидетельствует, что возникновение и развитие литературных языков теснейшим образом связано с уровнем народного образования. Школа является основным и наиболее надежным инструментом социализации литературного языка. В то же время национальный литературный язык выступает в качестве могучего орудия расширения и развития народного образования и культуры. Это приводит к расширению объема социалемы литературного языка, по крайней мере — к возрастанию числа читающих на нем. С этим не может быть не связано повсеместное требование демократизации литературного языка.

Реализация этого требования в конкретных национальных условиях может иметь различную интенсивность, различный характер, но само требование демократизации литературного языка в эпоху формирования нации выступает как общая закономерность. Так, в Китае конца

XIX — начала XX в. требование демократизации литературного языка проявилось в виде борьбы против взъянь (средневековой язык имперского делопроизводства и литературы) за байхуа, базировавшийся на живом разговорном языке, но не обладавший литературной нормой. С 4 мая 1919 г. байхуа получает официальное признание и начинается его распространение во всех сферах культурной жизни страны. Однако его окончательная победа связана с провозглашением КНР (1949 г.).

При социализме идет весьма бурный процесс роста численности национальной интеллигенции. В эпоху НТР вообще резко возрастает численность пишущих, читающих и говорящих на литературном языке [Журавлев. 1982. С. 261]. Формируется так называемый "четвертый сектор экономики" — производство и обработка информации; растет число лиц, профессионально занятых в "языковом производстве" (писатели и журналисты, работники разного рода правительственных, партийных, культурных и учебных заведений, печати, радио и телевидения).

В связи с этим именно социалема литературного языка, ее объем и социальное содержание претерпевает наиболее существенные изменения. До социалистической революции литературным языком владела горстка буржуазной интеллигенции, буквально несколько сот национальных писателей и журналистов, а некоторые народы фактически совсем не имели своей интеллигенции.

Взрывоподобный рост численности национальной интеллигенции особенно разителен у ранее отсталых народов. Так, еще в 1939 г. из 10 тыс. киргизов только один был научным работником и 45 техников и инженеров (на 10 тыс. русских приходилось тогда 493 инженера и техника, на 10 тыс. армян — 467). За период с 1940 по 1980 г. общее число научных работников в целом по стране возросло в 12 раз, в Киргизии — в 27, Туркмении — в 19 раз. В союзных республиках созданы свои республиканские Академии наук, функционируют университеты, отраслевые институты и техникумы. Неуклонно растет общий объем печатной продукции на национальных языках. Аналогичные явления отмечаются и в других странах социалистического содружества. Так, по данным Паулини [Pauliny. 1979. С. 45], за время строительства социализма издание книг на словацком языке возросло в 10 раз, только с 1950 по 1970 г. тираж газет вырос в три раза, число читателей библиотек — в три раза, число зрителей в театрах — в пять раз, число учителей средних школ — в три с половиной раза. Литературный язык стал достоянием каждого словака.

Кардинальное изменение социалемы национальных языков обусловлено процессом формирования и развития социалистических наций и характеризуется возрастанием социальной однородности, ликвидацией антагонистических классов и разного рода социальных перегородок, унаследованных от капиталистической и феодальной формаций. Это приводит к ликвидации общественно-исторических оснований для социально-классовой дифференциации национального языка, подрывает стимулы функционирования и развития территориальных и социальных диалектов, снимает социальные препятствия для беспредельного рас-

пространения национального литературного языка в рамках своей социалистической нации. И это — наиболее общая закономерность развития литературных языков социалистических наций. Данный язык может занимать любое место на шкале функционально-типологической классификации [Дешериев. 1977. С. 252], может как угодно делить функции и сферы обслуживания с другими языками, но только при социализме национальный литературный язык может стать достоянием каждого представителя данной нации. Как бы ни казались узкими сферы обслуживания данного литературного языка по сравнению с максимальной моделью, но бесспорен факт возрастания не только его социалемы, но и объема текстов, заключающих в себе данный литературный язык.

Разнообразные перестройки литературного языка (изменение общественных функций, смена живой народно-разговорной базы, диалектной основы и т.п.) вызываются и обуславливаются соответствующими сдвигами социального и этнического содержания и объема социалемы данного языка.

За расширением (или сужением) общественных функций литературного языка стоит завоевание (либо утрата) определенных общественных позиций носителями данного языка, увеличение (или уменьшение) объема его социалемы. Так, после поражения чехов в битве у Белой Горы (1620) Чехия стала подвергаться усиленному процессу германизации, резко сузились функции литературного языка и его жанровая структура, сузилась социальная база носителей чешского литературного языка, чешский язык едва держался в сельской местности. Но вот к середине XIX в. в связи с развитием капитализма и миграцией сельского населения в город, на фабрики и заводы немецкая речь города все больше и больше стала уступать место чешской речи, чешский язык стал постепенно отвоевывать ранее утраченные функции, постепенно проникая в сферу народного образования и производственной деятельности; чешский язык становится языком художественной литературы, публицистики, восстанавливается драматургия, научная проза и т.д. Увеличилось общее число носителей чешского литературного языка [Широкова, Нецименко. 1981. С. 179 и след].

В преднациональную эпоху письменно-литературные языки феодального общества "не обладали свойством общенародной коммуникативности. Круг их носителей бывал ограничен, так же как и круг их функций" [Виноградов. 1958. С. 130]. Так, первые эстонские и латышские книги XVI и XVII вв. написаны немецкой орфографией, немецкими священниками для немецких пасторов, призванных отправлять церковную службу на языке коренного населения. Язык их чрезвычайно неправилен, весьма далек от народного [Каск. 1966. С. 35—36]. Лишь к концу XIX в. в связи с развитием буржуазных отношений и формированием латышских и эстонских наций "в острой борьбе с немецкими помещиками и священниками формировался национальный язык" [Там же. С. 468].

"Младолатыши" и "младозстонцы" постепенно берут дело национальной культуры в свои руки и ведут борьбу за демократизацию своих литературных языков. Меняется не только социальное, но и националь-

но-этническое содержание социалемы этих книжно-литературных языков. Резко возрастает уровень народного образования, число читающих и пишущих.

Здесь был достигнут самый высокий уровень народного образования в России конца XIX в. Эстонский и латышский языки постепенно проникали в сферу школьного образования, развивали стили учебной, научно-популярной, публицистической и художественной литературы. Это эстонцы и латыши — носители и создатели своих литературных языков овладевали соответствующими сферами общественной деятельности.

История книжнославянского языка — это восточнославянские (украинско-белорусско-русские) и собственно русские узоры на книжном полотне, вытканном Кириллом и Мефодием. Его история — история постепенной "русификации" его социалемы. В основу книжнославянского языка Кирилл и Мефодий положили живую славянскую речь (болгаро-македонской) группы южных славян. Непосредственными учениками Кирилла и Мефодия, принимавшими участие в создании книжнославянского языка, были не только южные, но и западные славяне (предки чехов и словаков). Дальнейшее развитие книжнославянского языка нашло наиболее благоприятные условия в Болгарии, затем и в Сербии. Его функционирование у западных славян было прекращено усилиями немецкого духовенства. Болгарские книжники принесли книжнославянский язык на Русь вместе с христианизацией Киевской Руси. В Киеве и Новгороде, Владимире и Турове, Львове и Вильно трудились восточнославянские книжники, привнося в общеславянский книжный язык элементы живой восточнославянской речи. Падение Болгарии и Сербии под напором османских завоевателей привело к миграции славянских книжников на Русь, к увеличению болгарского и сербского элементов в социалеме книжнославянского языка, что и нашло отражение как "второе южнославянское влияние", усилившее южнославянскую, книжную стихию в литературном языке народов Восточной и Центральной Европы. Факел европейской образованности зажгли "братские школы" Вильно, Львова и Киева. Здесь были изданы первые грамматики и словари книжнославянского языка.

Первое наше высшее учебное заведение — Киево-Магилянская коллегия, выпускники которой учили М.В. Ломоносова в Московской славяно-греко-латинской академии. Предки украинцев и белорусов основательно потрудились над совершенствованием литературного языка (Феофан Прокопович, Семион Полоцкий, Милетий Смотрицкий и др. — вплоть до Н.В. Гоголя). Они максимально расширили общественные функции литературного языка. Их усилиями книжнославянский язык, функционально ограниченный в основном конфессиональной сферой, трансформировался в язык российский, язык государства Российского, проник в сферу административно-юридическую, в сферу народного и высшего образования, художественной литературы, публицистики, науки и т.д. Они заложили фундамент соответствующих жанров и стилей.

Лишь XIX в. значительно увеличил собственно русскую часть социалемы русского литературного языка (Крылов и Пушкин, Лермон-

тов и Некрасов, Тургенев и Толстой, Достоевский и Островский, Чехов и Горький...), увеличивая тем самым и удельный вес собственно русских (великорусских) народно-разговорных элементов в русском литературном языке. По мере увеличения собственно русских элементов в литературном языке последний все более и более "русифицировался" (ср. оды Державина и Ломоносова с поэмами Некрасова и Есенина), приобретая все более и более русский национальный облик. Это, естественно, не могло не приводить к уменьшению веса общеславянских элементов книжного языка. Из российского он становился языком русским. А это, в свою очередь, стимулировало тенденцию создания новых литературных языков славянских наций (сербского, украинского и белорусского) на собственной народно-разговорной основе. Одним из доводов в пользу сохранения буквы ять (ѣ) в дискуссии по проблемам реформы русского правописания (начало XX в.) и был бесспорный факт, что представитель любого славянского народа, произнося слово с буквой ять по-своему, мог легко понимать прочитанное. Ликвидация буквы ять сужала народно-разговорную базу литературного языка до собственно русского ареала.

Формирование социалистического содружества наций сопровождалось усилением планомерного процесса межнациональной интеграции, что обуславливает интернационализацию литературных языков, их взаимное сближение: увеличивается общий фонд интернационализмов, растет роль билингвизма. Последнее проявляется в росте объема социалемы языков, выдвинутых на роль языка межнационального и международного общения. А это означает, что меняется не только социальное, но и этническое содержание социалемы такого языка, она интернационализируется, увеличивается ее этническая гетерогенность за счет уменьшения этнической гомогенности. Теперь активно воздействуют на сохранение и развитие норм языка межнационального общения представители многих народов и этнических групп. Многие национальные писатели СССР создают свои художественные произведения не только на своем родном языке, но и на русском. Растет число нерусских преподавателей и составителей учебников русского языка как для нерусской, так и для русской аудитории. Изменение социального и этнического содержания социалемы соответствующим образом отражается на изменении ее лингвемы, в данном случае литературного языка. Бесспорно, степень интернационализации литературного языка так или иначе связана с интернационализацией его социалемы, способностью выступать в роли языка межнационального и международного общения. Язык, периодически очищающий себя от интернационализмов, чрезмерно заботясь о сохранении и приумножении своего, национального, бесспорно, рассчитан лишь на свою гомогенную национальную социалему.

За сменой народно-разговорной базы литературного языка стоит изменение объема и социального содержания его социалемы. Так, болгарский и сербский литературные языки претерпели сдвиг диалектной базы. Деятели болгарского и сербского национального возрождения положили в основу новых славянских литературных языков живую народную речь сельских жителей Северо-Восточной Болгарии и

соответственно — диалект Герцеговины, но впоследствии все большую и большую роль стали играть столичные говоры возрожденных государств — Софии в Болгарии и Белграда в Сербии и позже в Югославии.

С точки зрения излагаемой концепции о значении социального содержания социалемы, "ошибка" деятелей болгарского и сербского возрождения неслучайна: социально-классовой опорой национального движения именно в Болгарии и Сербии, как, между прочим, и в Словакии, было село, в противоположность Чехии и Воеводины, где таковым выступал город. Длительное время средоточием развития сербского литературного языка была подсоциалема сербской интеллигенции (читающих и пишущих по-сербски) центра Воеводины, Нови Сад.

При выборе диалектной базы (опорной социалемы) современного узбекского литературного языка Е.Д. Поливанов предложил вместо сингармонирующих диалектов сельских узбеков взять говор городских узбеков как более перспективной в экономическом отношении социалемы. История социально-экономического развития Узбекистана и узбекского литературного языка подтвердила правильность социолингвистических прогнозов Поливанова. Узбекский литературный язык не переживает сдвига диалектной базы.

Социалема литературного языка, коллектив его носителей определяет характер и направление интегрирующих связей с другими коллективами, а тем самым и характер развития литературного языка. Это может быть связь с предшествующими поколениями, связь с древней культурой, тенденция избежать перерыва культурной и языковой традиции, сохранить условия понимания текстов, оставленных старшими поколениями. В этом случае литературный язык как бы консервируется в самом себе, растет разрыв между книжно-литературным и живым народно-разговорным языком.

Ярчайшим проявлением этой тенденции служит языковая ситуация в Греции. Освобождавшаяся от османского ига Греция воспринималась деятелями греческого национально-освободительного движения как возрождение Древней Греции и Византии. В качестве официального литературного языка был избран архаический древнегреческий язык, хотя "Гимн Свободе" Д. Соломола был написан на новогреческом. Лишь к началу XX в. постепенно осознавалась нереальность "Великой идеи" архаистов. Этим объясняется длительное отсутствие языкового единства, сосуществование нескольких литературных языков в Греции. Резкий поворот в сторону демократизации литературного языка, к языковому реализму наметился лишь в самое последнее время. Только Конституция 1975 г. официально выдвинула один из видов димотики в качестве единого языка школы и официальных документов.

Эта тенденция в большей или меньшей степени проявляется и в истории славянских литературных языков. Спор между карамзинистами и шишковистами, борьба Вука Караджича за народную основу сербского литературного языка, Ивана Франко — с "язычием" (макароническая смесь книжнославянских и диалектных элементов) и есть проявление противоречий между требованиями демократизации литературного языка и опасностью перерыва книжной традиции. Сознательная архаизация чешского литературного языка во имя связи с блес-

тящим прошлым в истории Чехии является весьма наглядным примером такого характера интеграции социалемы и истории литературного языка.

Несколько иной характер имеют интегрирующие силы, направленные на связь с другими представителями духовной культуры в рамках своего культурно-исторического ареала. Здесь литературный язык, на котором составлены основные интегрирующие тексты, обусловившие формирование соответствующего культурно-исторического ареала, оказывает определяющее влияние на другие литературные языки в рамках своего ареала (греческий, латынь и книжнославянский для языков народов Европы, арабский — для языков народов ближневосточного ареала и т.п.). Происходит материальное сближение литературных языков на базе общности понятийного аппарата и базисных текстов, переводимых с одного языка на другой в рамках своего культурно-исторического ареала.

Яркое проявление такого действия интегрирующих сил наблюдается в истории турецкого литературного языка. Раннеосманский период (XV—XVI вв.) характеризуется засилием персидских (язык придворных поэтов, историографов и писателей XV в.) и арабских элементов (язык ислама), что привело к формированию своего рода арабско-персидско-османского жаргона в среднеосманский период, к преобладанию элементов, противоречащих основам тюркского характера турецкого литературного языка на всех ярусах его структуры. Нарождавшаяся турецкая буржуазия (конец XIX — начало XX в.) возглавила борьбу за демократизацию литературного языка, за создание собственно турецкого языка на основе стамбульского диалекта. Позже в связи с переносом столицы произошел сдвиг диалектной базы [Кононов. 1977].

На судьбе славянских литературных языков отражается наличие двух культурно-исторических зон: *Pax Slavica Orthodoxa* и *Pax Slavica Latina*. Первая (восточная) характеризуется длительным периодом гомогенного двуязычия (диглоссий) с ведущим влиянием книжнославянского языка, вторая (западная) — гетерогенного с латинским языком. Книжнославянский язык "находившийся в принесенных из Болгарии текстах" [Соболевский. 1980. С. 33], да и сами южнославянские книжники связали Киевскую Русь с книжной культурой Византии и греческим языком, с которого были переведены важнейшие церковнославянские тексты. В эпоху новоболгарского возрождения (XVIII—XIX вв.) русский литературный язык как бы возвращал болгарам усвоенные через книжнославянский язык южнославянские элементы. Болгарский литературный язык того времени "был лишь, так сказать, болгаризованной формой русского литературного языка", — констатировал в свое время Трубецкой, — причем, естественно, из русского литературного языка почерпались главным образом его церковнославянские элементы, но все же в их русской, а не среднеболгарской форме" [цит. по: Толстой. 1981. С. 113]. Этот факт может служить убедительнейшим проявлением общей закономерности взаимодействия литературных языков: в процессе заимствований активной стороной выступает заимствующий язык, а не "язык-донор". Деятели болгарского

возрождения выбирали пути и средства строительства своего литературного языка, решая, что именно и из каких источников следует заимствовать, а что строить из народно-разговорных элементов. "Прошедший через горнило русского литературного языка церковнославянский словарный материал в русском обличии является тем мощным звеном, который связывает современный болгарский литературный язык с общеславянской литературной традицией" [Там же]. В данном случае действовали интеграционные связи не только со своим историко-культурным ареалом, но в определенной степени и со своим прошлым состоянием, компенсируя перерыв книжной традиции.

Противоположное направление имеет тенденция усиления интеграционных связей носителей литературного языка с представителями своего народа, своей нации. Наиболее четко эта тенденция проявляется в эпоху формирования наций как буржуазных, так и социалистических. Это — процесс демократизации литературного языка, за которым стоит собственно процесс демократизации его социалемы. Носителями литературного языка становятся широкие слои народных масс. Народный язык поднимается до уровня литературного либо путем замены прежнего литературного языка национальным (например, латыни — польским, книжнославянского — сербским, чешского и венгерского — словацким и т.п.), либо путем резкого увеличения народно-разговорных элементов в прежнем литературном языке (русский язык). Этот процесс связан с определенной переинтеграцией подсоциалемы носителей книжно-литературного языка. Так, начиная с XIV—XV вв. культурная часть словацкого общества пользуется чешским литературным. Становление и распространение "штуровщины", идей Людевита Штура, означало победу внутрисловацкой интеграции (преодоление книжно-литературных различий между словаками-католиками и словаками-протестантами [Смирнов. 1978]).

Формирование наций сопровождается интеграцией мелких этнических групп, преодолением местного патриотизма. На месте осознания принадлежности к прежней феодальной "земле" ("мы псковские") встает осознание принадлежности к той или иной нации. Как заметил Н.И. Толстой [1981, С. 126], канун национальной эпохи характеризуется множественностью областных литератур и вариантов литературно-письменных языков. Переход от народности к нации сопровождается мощной тенденцией к единству литературного языка. Смысл реформы Вука Караджича в горячем призыве преодолеть церковно-религиозные барьеры во имя литературного и народного (национального) единства как с "братьями римского закона" (католиками), так и с "братьями закона турецкого" (магометанами). Во имя такого единства он призывал сербов оставить славяно-сербскую книжную традицию, связавшую сербскую книжную культуру с ареалом "Рах orthodoxa".

Польский литературный язык сложился еще в донациональный период на весьма ограниченной социальной базе феодальной верхушки. Но лишь в национальный период литературный язык "стремится к тому, чтобы быть обязательным для всех слоев нации" [Стрекалова. 1981. С. 163 и след.].

Первые шаги в сторону демократизации польского литературного

языка предприняла Эдукационная комиссия (1773—1794). Это первое в Европе Министерство просвещения образовалось после первого раздела Польши (1772). Она организовала сеть народных школ на польском языке, вытеснив латынь из функции языка школьного образования. Кодификация польского литературного языка шла по линии сближения с устной языковой формой. Это обеспечило единство польского литературного языка в условиях раздела. Однако процесс демократизации, расширения социальной базы за счет включения в нее крестьянства шел чрезвычайно медленно. Еще в первой половине XIX в. польские крестьяне поляками считали лишь панов.

Наиболее последовательная демократизация литературного языка возможна лишь при условии полной демократизации его социалемы, когда литературный язык становится достоянием всей нации при всеобщей грамотности всего населения. Это достигается лишь при социализме.

Строительство социализма обуславливает интенсификацию общественной жизни, усиление социального взаимодействия в рамках своей национальной территории, рост национального самосознания, ускорение темпов национальной интеграции — все это с неизбежностью приводит к сужению коммуникативных функций территориальных диалектов за счет усиления роли общенационального языка. Более того, различные малочисленные этнические образования со своими особыми языками консолидируются в целостные социалистические нации.

Общая тенденция ускоренной национальной консолидации проявляется различно в различных условиях и, очевидно, связана с интенсивностью процесса овладения общенациональным языком, зависит от уровня стабильности национального литературного языка, его престижности, распространенности на предшествующих этапах истории данного народа, длительности его существования в прошлом, с одной стороны, и степени диалектных различий — с другой.

Строительство социализма сопровождается процессом индустриализации народного хозяйства и бурным развитием научно-технической революции. Это, в свою очередь, приводит к соответствующим социальным и демографическим сдвигам (абсолютный и относительный рост численности рабочего класса и трудовой интеллигенции, урбанизации и др.). За период с 1950 по 1978 г. численность городских жителей возросла в Болгарии в 2,7 раза, Румынии — в 2,2 раза, Польше — в 2 раза и т.д. Только в Будапеште теперь проживает 36% всего населения Венгрии.

Идет интенсивный процесс превращения прежних аграрных стран в индустриально-аграрные. И эти процессы содействуют языковой консолидации социалистических наций, усилению роли и расширению общественных функций литературных языков. Социализм ставит и разрешает проблему всеобщего народного образования на родном языке учащихся. Если в капиталистических и развивающихся странах еще велик процент неграмотных, то переход к социализму повсеместно сопровождается ликвидацией неграмотности, а затем и неуклонным ростом числа лиц со средним и высшим образованием, занятых в народном хозяйстве. Именно через школу, через завоеванное социализ-

мом право на образование национальный литературный язык впервые в истории становится общенародным достоянием.

Увеличение объема социалемы литературного языка, резкая смена ее социального содержания с неизбежностью приводят к расшатыванию прежних языковых норм: "Низовой язык городских масс хлынул в литературную речь, прорвав запруды буржуазной литературности" [Виноградов. 1978. С. 63]. Демократизация социалемы литературного языка неизбежно приводит к его демократизации [Журавлев. 1982. С. 193]. Демократизация литературного языка активизируется в эпоху формирования социалистических наций [Смирнов. 1982]. Процесс демократизации литературного языка двусторонен: с одной стороны, это расширение функций родного языка за счет всех других языковых образований, функционирующих в данном социуме, а с другой — увеличение удельного веса народно-разговорных элементов в структуре литературного языка. В конечном счете демократизация литературного языка — это овладение нормами литературного языка широкими народными массами, взаимная адаптация лингвемы и социалемы при изменении социального содержания последней.

Процессы демократизации литературных языков как своеобразное проявление тенденций усиления внутринациональных связей, когда именно внутринациональная интеграция кажется наиболее существенной, наиболее ярко проявляются именно в период формирования наций как социалистических, так и буржуазных. И это понятно: во многих случаях именно язык оказывается важнейшим интегрирующим фактором: "Народ, не имеющий никакого другого сплавляющего элемента, — учил основоположник словацкого литературного языка Людевит Штур, — имеет, однако, таковой в своем литературном языке" [Смирнов. 1981].

Формирование буржуазных наций сопровождается формированием классовых и национальных отношений, отражающихся самым непосредственным образом на характере социального и национального содержания социалемы литературного языка. А это в свою очередь, определяет ее интересы, естественно, классовые, зачастую буржуазно-националистические; последнее находит отражение в языковой политике, проявляется в пуризме, борьбе против иноязычных заимствований, в том числе интернационализмов, и т.п. В огромном количестве создаются "свои" слова. Национальные писатели возрождающихся, обновляющихся и вновь формирующихся национальных литератур буквально "выковыывают слова" из народных элементов. Так, появляются словенск. *gledalisee*, болг. *позорище* 'театр'; словенск. *zivo srebro* 'ртуть', словац. *samolubost* болг. *азство*, русск. (Даль) *ячество* 'эгоизм', чешск. *životopisec* 'биограф' и т.п. [Журавлев. 1982. С. 196—199, 251—254].

Формирование венгерской буржуазной нации сопровождалось так называемой борьбой за обновление языка (Ференц Казинци, Шандор Петефи и др.). В этот период (1780—1830 гг.) было искусственно создано около 200 тыс. новых слов, отвечающих, по мнению "обновителей", духу венгерского народа и языка. Основной источник новых слов — калькирование, перевод иностранных слов: венг.

allaspont 'точка зрения', hangverseny 'концерт' и т.п. Переводились даже собственные христианские имена Szilard — Константин, Gyözö — Виктор, Hajnalka — Aurora и т.п. Обновлялись архаизмы; при этом, вопреки желанию пуристов, на поверхность выносились старые заимствования из славянских языков; család 'семья', vihar 'буря', terem 'зал' и т.п. Выискивались и популяризировались диалектизмы. Но лишь 1,5—2% из созданных тогда слов закрепилось в языке [Майтинская. 1955. С. 41 и след.].

Процесс интернационализации литературных языков социалистических наций идет в теснейшей связи с процессом их демократизации. Вырабатывается своего рода равнодействующая между центробежными и центростремительными тенденциями в развитии конкретных национальных языков.

В настоящее время отмечается процесс внутринациональной интеграции, проявляющейся как новый специфический этап демократизации языка. Так, в украинском, белорусском и болгарском языках увеличивается народно-разговорная фольклорная стихия, что приводит нередко к увеличению избыточной вариативности, а иногда и к расшатыванию норм литературного языка.

Чем меньше расстояние между родным и русским языком, тем труднее поиски самобытности, тем парадоксальнее результаты такого поиска. Так в белорусском литературном языке стали усиливаться элементы западнобелорусских народных говоров, хотя более двух третей белорусских писателей по происхождению из восточных областей Белоруссии [Журавский. 1983. С. 68].

Этот вторичный процесс демократизации литературных языков начался в 60-е годы и охватил многие языки наших союзных и автономных республик. Заново встает проблема "своего" и "чужого" в литературном языке, нередко устоявшийся интернационализм, уже одетый в звуковую и грамматическую оболочку данного литературного языка, пытаются заменить своим "родным" словом, воскрешая архаизмы, терминологическую лексику феодальной эпохи. В тюркских языках всплывают на поверхность арабизмы. Процесс демократизации превращается в свою противоположность: бытующее в народной речи слово предлагается заменить каким-то новым, не известным широким массам носителей данного языка, лишь на том основании, что схожее слово употребляется и в родственных языках.

Этот парадокс развития литературных языков можно объяснить резким ростом численности национальной интеллигенции, резким возрастанием объема социалемы национальных языков, с одной стороны, и билингвизмом — с другой. Билингв сознательно или подсознательно, опасаясь интерференции, постоянно решает задачу разграничения двух языков.

И, наконец, интеграционные силы могут отражать временные или постоянные связи представителей данного народа и носителей его литературного языка с другими народами в различных сферах социального (экономического, политического, культурного и т.п.) взаимодействия. Это проявляется в процессе интернационализации литературного языка, за которым и стоит конкретное усиление межнациональных

связей (с кем, в каких сферах деятельности и т.п.), прежде всего социалемы данного литературного языка. Так, древнерусские книжники до середины XVI в. тяготевшие к Византийской культуре, были теснейшими узлами связаны с другими народами своего культурно-исторического ареала. Греки и южные славяне, а иногда и молдаване вносили ощутимый вклад в древнерусскую книжность (Киприан, Цамблак, Кантемир и др.), в фундамент русского литературного языка. Позже (XVI—XVIII вв.) возобладала связь носителей русского письменного-литературного языка с Западной Европой, с латинской образованностью через "своих иноземцев", ученых Юго-Западной Руси (Феофан Прокопович, Симеон Полоцкий и др.). Начиная с эпохи Петра (XVIII в.) усиливаются непосредственные контакты с народами Западной Европы (голландские кораблестроители и мореходцы, немецкие ученые, мастеровые и военные, французские и итальянские деятели культуры, театра и литературы и т.д.). В связи с этим литературно-письменный язык пополняется то греческими и южнославянскими, то латинскими и польскими, то германскими и романскими элементами. Литературный язык "европеизируется", интернационализируется.

Ведущая роль славянских народов в антифашистской борьбе, победа народно-демократических революций в славянских странах обусловили в послевоенные годы своего рода славизацию славянских литературных языков на почве их взаимного сближения и взаимообогащения, значительно возрос уровень межславянского билингвизма, вырос объем социалемы славянско-русских билингвов. Социалема русского языка пополнилась представителями славянских народов, овладевшими русским языком с целью межславянского или международного взаимодействия. Резко возрос объем переводов на русский язык текстов, созданных на других славянских языках. Инославянская терминологическая лексика замелькала в русской речи. Русизмы и советизмы проникли в болгарскую, чешскую, словацкую и польскую речь. Этот процесс продолжается и усиливается в связи с формированием мирового социалистического содружества, включающего в себя и неславянские народы. Так, в 1945—1960 гг. венгерский язык значительно пополнил свой лексический фонд славянских заимствований, что сопровождалось снижением роли английских заимствований, происходила "деанглизация" терминологии.

Социализм по сути своей идеологии интернационален. Возрастающая интеграция социалистических наций — неперемнное условие и результат строительства социализма. Степень такой интеграции различна в рамках союзных республик (на Украине, в Казахстане, в Грузии, Литве), в СССР в целом, в отдельных социалистических государствах (в ГДР, Чехословакии).

Интеграция гетерогенных языковых коллективов в сфере экономики, социальной жизни и духовной культуры ведет к усилению процессов интернационализации языкового взаимодействия. Интернационализация социумов проявляется различно: рост числа смешанных браков, многонациональный характер крупных хозяйственных предприятий, межнациональные и межгосударственные связи разного рода экономических, социальных, культурных и научных программ и т.п. Интер-

национализация социалем проявляется в росте числа билингвов, т.е. в создании и увеличении объема интернациональной социалемы. Вообще такая интернационализация проявляется двояко: в функциональном плане — через развитие билингвизма, а в материально-языковом — через увеличение объема интернационального инвентаря языковых средств в национальных литературных языках, прежде всего в создании общего лексического фонда (общественно-политическая, научная терминология и т.п.) на базе формирующейся общности понятийного аппарата в различных сферах социального и культурного взаимодействия. Процесс интернационализации литературных языков социалистических наций идет в теснейшей связи с процессом их демократизации. Вырабатывается своего рода равнодействующая между центробежными и центростремительными тенденциями в развитии конкретных национальных языков. Эта равнодействующая и позволяет избежать как крайностей пуризма, характерного для буржуазных наций, так и крайностей интернационализации. Интеграция народов СССР сопровождается ростом билингвизма. Растет престижность языков союзных республик. Зачастую они поднимаются до уровня языка межнационального общения в рамках своей республики (например, в Армении, Грузии, Литве, Российской Федерации и др.). Армянским литературным языком, например, овладевают не только армяне, но и курды, айсоры и другие народы, проживающие в данной республике. В рамках СССР в целом растет объем социалемы национально-русского билингвизма.

По мере роста интеграционных связей народов СССР усиливался процесс интернационализации национальных литературных языков. Формирование социалистического содружества наций сопровождалось усилением планомерного процесса межнациональной интеграции, интернационализацией литературных языков.

Эпоха НТР характеризуется небывалым ростом международных и межгосударственных связей как регионального, так и глобального характера в самых различных сферах экономического и политического, культурного и научного взаимодействия. Растет билингвизм, создается "клуб языков" международного и межгосударственного общения (английский, испанский, французский, русский, немецкий и др.). При этом сами они подвергаются наибольшей интернационализации и являются эпицентром интернационализации для национальных языков своего региона, своей сферы обслуживания. Они становятся основным источником общего лексического фонда.

Межнациональная интеграция социумов, как уже отмечалось, стимулирует и интенсифицирует развитие билингвизма: чем выше уровень такой интеграции, тем выше уровень билингвизма, тем больше объем подсоциалемы билингвов. Билингвизм, как правило, расширяет объем одной из контактирующих социалем — именно той из них, которая соотносится с языком межнационального общения. Создается особая подсоциалема билингвов, относящаяся одновременно к обоим контактирующим языкам [Журавлев. 1982. С. 162].

Через социалему литературного языка осуществляется влияние ведущих языков своего культурно-исторического ареала на формирую-

щуюся и развивающуюся стилистическую систему и терминологию данного литературного языка. Через билингвизм и диглоссию носителей литературного языка осуществляется влияние других литературных языков и связь с другими формами народного языка (народно-поэтический язык фольклора, диалекты, говоры, профессиональные жаргоны и т.п.).

История литературных языков свидетельствует, что актуальные культурно-исторические, экономические, политико-административные и прочие связи человеческих коллективов важнее факторов генетического родства их языков. Нередко родственные языки оказываются разделенными различными культурно-историческими, политическими, экономическими и административными границами и потому слабо влияют друг на друга.

Разного рода попытки создания определенного терминологического единства, исходя из принципа генетического родства для всех славянских языков (XIX — начало XX в.), не увенчались успехом. Более того, нет терминологического единства в рамках сербско-хорватского литературного языка; сербский и хорватский его варианты отличаются прежде всего в области терминологической лексики. При максимальной структурно-материальной близости народных говоров устойчиво сохраняется, а иногда и усиливается прежняя принадлежность народов Югославии к разным историко-культурным ареалам (христиане — магометане, католики — православные). Реальные культурно-исторические, экономические и политические связи важнее генетических.

Обусловленная социально-экономическими сдвигами динамика объема и социального содержания социалемы литературного языка, динамика духовных запросов и культурных интересов коллектива носителей литературного языка самым непосредственным образом отражается на динамике объема и содержания текстов литературного языка. Собственно история литературного языка — история его текстов, изменение их содержания и объема. Без определенного объема текстов нет литературного языка, нет и его социалемы, сохраняющей, воссоздающей старые тексты и создающей новые, увеличивая их общий объем и меняя их содержание.

Осознание необходимости сохранять и передавать от поколения к поколению определенную совокупность текстов и служит первотолчком создания литературных языков, исходным моментом их истории. С целью их сохранения, исполнения и пропаганды создается особая социалема (манасчи и друиды, жрецы и священники и т.п.).

Определенный объем наиболее значимых для данного общества текстов сам по себе является нормализующим, кодифицирующим началом не в меньшей мере, чем грамматики и словари (Одиссея и Илиада древних греков, Манас и т.п.).

Тысячелетие тому назад болгарские книжники привезли к нам не церковнославянский язык сам по себе, а церковнославянские тексты древней Болгарии. Эти тексты многократно переписывались русскими переписчиками, "подвергаясь обрусению" [Соболевский, 1980, С. 29].

”Церковнославянский язык, находившийся в принесенных из Болгарии текстах, не имел у нас грамматического определения” [Там же. С. 33]. Почти до XVII в. у нас господствовал особый тип образованности: начитанность как совокупность грамматических, стилистических, филологических, литературно-эстетических и культурных и религиозно-идеологических взглядов. Как выяснилось во время диспута Симеона Полоцкого с протопопом Аввакумом (август 1667 г.), начитанность противопоставлялась европейской образованности, т.е. грамматике как средству углубленного понимания текста.

История литературного языка начинается там и тогда, где и когда появляется литературные тексты на нем. Итальянский литературный язык начинается с Данте, хотя задолго до этого функционировали народные говоры и кое-какие их элементы проникали в памятники письменности. До середины XVI в. в Польше господствует латынь, отдельные польские слова в латинских текстах, составленных поляками на территории Польши, и отдельные письменные памятники с записью польской речи того времени нельзя, по мнению Ст. Слонского [Słóński. 1959. С. 123], считать польским литературным языком. История последнего начинается со второй половины XVI в. благодаря литературным текстам, созданным Реем и Кохановским, Скаргой и др., но до XVII в. расцветала богатая литература на латинском языке (Сарбеевский и др.). Последняя не включается в корпус текстов польского литературного языка, хотя и она оказывала косвенное влияние на формирование и развитие его стилистической системы.

История национального болгарского литературного языка начинается с его родоначальника, Паисия Хилендарского, составившего литературный текст общепольской значимости (“Славяноболгарская история”, 1762 г.), хотя именно живая болгарская речь легла в основу кирилло-мефодиевских текстов и книжнославянский язык успешно развивался в эпоху раннего средневековья, до падения Болгарского царства. Болгары пережили перерыв книжно-литературной традиции, им пришлось создавать свой литературный язык фактически заново.

Однако историческая грамматика польского и болгарского языков, будучи принципиально независимой от фактора наличия / отсутствия литературных текстов, должна начинаться с периода распада праславянского языка (VI—IX вв.). История структуры и польского и болгарского языка может быть восстановлена приемами внутренней и внешней реконструкции с привлечением фактического материала народных говоров и родственных языков, а также письменных свидетельств независимо от содержания источников. Словацкий литературный язык молод, он начал развиваться в связи с развитием капитализма и подъемом национального возрождения в конце XVIII в., но его историческая грамматика начинается с эпохи распада праславянского языка и воссоздана по данным диалектологии и сравнительной грамматики.

В истории литературных языков на роль ведущего и определяющего объема текстов могут выдвигаться то тексты религиозного содержания, то художественная литература, то общественно-политическая, научно-популярная и учебная, то научно-техническая литература.

Бесспорно, что в эпоху средневековья наиболее "читабельной" книгой была книга религиозного содержания. Перевод Библии на немецкий язык (Мартин Лютер) можно считать началом немецкого литературного языка. Лютерова библия — мощнейший интегрирующий фактор не только литературного языка, но и немецкой нации. Основным продуктом первых этапов книгопечатания является книга религиозного содержания.

Национальная художественная литература и публицистика ставятся во главу угла всей совокупности текстов именно в эпоху формирования наций как буржуазных, так и социалистических. В этот период наибольшую силу имеют факторы внутринациональной консолидации. "Кобзарь" Шевченко играет не меньшую роль в деле формирования украинского литературного языка, чем Лютерова библия для немецкого. НТР выдвигает на первый план учебную, научную, научно-техническую и научно-популярную литературу, усиливая тенденцию интернационализации литературных языков на базе общего, интернационального понятийного аппарата современной науки и техники. Единство идеологических взглядов социалистического содружества обуславливает особое значение общественно-политической и философской литературы, переводов классиков марксизма-ленинизма в качестве ведущих факторов языковой интеграции социалистических наций.

Таким образом, широко распространенное отождествление истории литературного языка с историей языка писателей допустимо лишь для определенного этапа развития языка и общества.

Смена характера и содержания текстов диктуется эволюцией социалемы литературного языка, эволюцией ее интересов, запросов, идеологических и этических взглядов, динамикой ее социального и этнического содержания. Так, в результате второго южнославянского влияния "русская письменность обновилась во всех отношениях", появилось множество новых текстов, русская литература "увеличилась почти вдвое" [Соболевский. 1980. С. 138]. Последующие изменения социально-этнического содержания социалемы, взрывообразный рост ее объема (киевские ученые, организация сети школ, училищ, типографий и т.п.) в сотни раз увеличили объем текстов, стимулируя их дальнейшую жанрово-стилистическую дифференциацию: первые печатные ведомости, печатные правительственные документы, манифесты, реляции и т.п., новые учреждения (сенат, синод, коллегия, адмиралтейство и т.п.), переводы учебной и научной литературы содействовали формированию соответствующих жанров и стилей. Изменение объема и содержания текстов литературного языка и обуславливает динамику его функциональных стилей. Данный стиль существует постольку, поскольку существует определенный объем текстов определенного содержания соответственно потребностям данного общества на данном этапе его развития.

Административно-деловой стиль начинается там и тогда, где и когда социалема данного языка овладевает данной сферой общественной деятельности и складывается определенная совокупность административно-деловых текстов на данном языке. Франциск I (1539 г.) подписал ордонанс в Вилле Котре, предписывавший употребление

французского языка в судопроизводстве и администрации на всей территории королевства. Лишь Иосиф II (1780—1790) провел декрет о замене латинского языка немецким в качестве официального. Русский административно-деловой стиль создается дьяками государевых приказов Московского государства XVI—XVII вв. и оформляется в новых учреждениях Российской империи XVIII—XIX вв. (сенат, коллегии, министерства и т.п.). Лишь в 1833 г. Венгерский сейм постановил ввести венгерский язык на землях Венгерской короны Австро-Венгрии.

Новые тексты, новые жанры и стили обуславливают соответствующее направление развития литературного языка в целом. За борьбой шишковистов и карамзинистов стояла борьба литературных направлений классицизма и сентиментализма. Победа вуковского направления в развитии литературного языка у сербов сочеталась с окончательной победой романтизма (Бранко Радичевич, Джура Якшич, Иован Иованович Змай), пришедшего на смену ложноклассицизму (Йован Хаджич и др.).

Лишь тогда, когда социалема данного языка овладеет сферой научной деятельности в той или иной отрасли научных знаний и появится достаточный объем научных текстов на данном языке, начнет формироваться соответствующий научный стиль в системе функциональных стилей литературного языка.

Если же нет определенного объема текстов по данной отрасли знания на данном языке, то нет и соответствующего стиля, нет нужды в таких стилеобразующих факторах, как сугубо специальная терминология на данном языке. Как нет необходимости создавать научную терминологию для бесписьменного одноаульного языка, так почти в той же мере нет ее и для литературного языка, на котором не составляются соответствующие тексты по данной отрасли общественной и культурной деятельности.

Наличие системы функциональных стилей, обеспеченных определенным объемом текстов, сама возможность стилистического варьирования языковой системы предполагают наличие норм, определяющих языковую организацию текста. В этом смысле история литературного языка (история литературных текстов) есть история его нормализации и стилистической дифференциации. Именно историк литературного языка должен найти подобающее место и дискуссии "о старом и новом слоге", и опыту составления грамматик и лексиконов, и дискуссии по проблемам орфографии и графики, и истории научных обществ и учреждений, трудившихся над "устроением и совершенствованием" литературного языка. Первые академии в мировой истории были созданы с целью изучения и совершенствования языка, первые звания академиков были присвоены именно лингвистам (XVI в.). Не следует забывать, что рядом с творениями Пушкина стояли грамматики Греча и Востокова, с помощью которых и социализировались, внедрялись в русское общество пушкинские нормы русского литературного языка.

Историк литературного языка не может оставить в стороне проблему способов "языкового преемства", проблему сохранения и

расширения объема социалемы литературного языка, способы социализации его норм. Для исторической грамматики проблема передачи языка из поколения в поколение и не стоит. Родной язык передается из уст в уста, это — язык матери. Литературный язык, поскольку этот в конечном итоге — определенная совокупность текстов, нуждается в особой организации (школе), где изучается литературный язык и некоторая совокупность текстов. Литературный язык существует там и тогда, где и когда есть школа как способ целенаправленного "языкового преемства". Странно, но в многочисленных определениях литературного языка в отличие от других форм языкового существования нет этого важнейшего "дифференциального признака".

А между тем первые в истории человечества школы были созданы именно для обучения литературному языку как способ расширенного воспроизводства социалемы литературного языка, знатоков и толкователей древних текстов, которые становились все более и более непонятными новым поколениям. И чем больше расстояние между живым разговорным и фиксированным литературным языком, тем большая нужда в школе. Литературный язык становится мертвым, если прекратится его преподавание в школе, тексты, составленные на нем, станут недоступными для новых поколений.

Здесь-то и следует вспомнить забытое определение истории литературного языка, сформулированное в свое время А.А. Шахматовым: "История русского литературного языка — история поступательного развития русского просвещения" [1941. С. 236]. Это определение приемлемо для истории любого литературного языка. В истории славянских народов борьба за национальный язык неразрывно связана с борьбой за его преподавание в школе.

Одну из важнейших закономерностей развития литературного языка можно сформулировать как зависимость темпов его эволюции от объема литературных текстов. Чем больше их объем, чем больше культурных ценностей на данном языке, тем устойчивее его материальная структура. Люди дорожат таким языком как своим культурным достоянием и ревностно усваивают его нормы. Развитие его внутренней структуры если не полностью прекращается, то резко замедляется. Эпицентр развития переносится на лексику, на стилистическую систему. Общее увеличение объема и содержания текстов с неизбежностью увеличивает словарный запас литературного языка, с одной стороны, и стимулирует его стилистическую дифференциацию — с другой. Резкое изменение внутренней структуры, как правило, связано с резким изменением содержания однозначных текстов.

Общее увеличение объема и изменение содержания социалемы литературного языка нарушает его структурную устойчивость, может привести к изменению его социальной и диалектной базы, к перестройке его структуры. Изменение социальной базы русского литературного языка революционной эпохи привело к некоторой модификации его орфоэпических и грамматических норм. Аналогичные процессы наблюдаются в послевоенной Польше. Увеличение объема

социалемы литературного языка вызывает необходимость усиления его стабилизирующих факторов (школа, кодификаторы, "правщики" текстов и т.п.).

Для истории литературного языка важны и другие способы языковой преемственности, такие, как развитие национального театра и его влияние на формирование орфоэпических норм, развитие книгопечатания и его влияние на стабилизацию орфографических норм литературного языка, развитие радио и телевидения, средств массовой коммуникации и т.д.

Героем истории литературного языка, как и исторической грамматики, выступает фонетика и фонология, морфология и синтаксис, фразеология и лексика, но если в исторической грамматике во главу угла выдвигается внутренняя взаимосвязь, внутренняя причинность изменений и вариативности, то история литературного языка — это динамика орфоэпических, орфографических, синтаксических, лексических и стилистических норм, внешняя причинность, обусловленная динамикой содержания литературных текстов, с одной стороны, и социалемы литературного языка — с другой.

Социальное, экономическое, культурное и политическое развитие данного общества, с одной стороны, детерминирует и направляет развитие социалемы литературного языка, динамику ее объема и социально-этнического содержания, с другой стороны — динамику объема, содержания и характера текстов на данном литературном языке.

Динамика социалемы литературного языка самым непосредственным образом отражается на динамике объема и содержания текстов, на характере, направлении и интенсивности исторических процессов литературного языка (расширение либо сужение сфер обслуживания, демократизация либо интернационализация, динамика орфографических и орфоэпических, грамматических и стилистических норм). Социалема заботится о расширенном воспроизводстве текстов данного языка, о своем расширенном воспроизводстве, а также о социализации норм литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА

Энгельс Ф. Письмо Йозефу Блоху // *К. Маркс и Ф. Энгельс*. 2-е изд. Собр. соч. Т. 37. Алексеев А.А. Предисловие // А.И. Соболевский. История русского литературного языка. Л., 1980.

Виноградов В.В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958.

Виноградов В.В. Избранные труды: История русского литературного языка. М., 1978. Т. IV.

Грабис Р. Латышский язык // Языки народов СССР. М., 1966. Т. II.

Гориков А.И. Уровни исследования языка и филология // Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования. Калинин, 1981.

Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика: К основам общей теории. М., 1977.

Журавлев В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М., 1982.

Журавский А.И. Белорусский литературный язык на современном этапе // Формирование славянских литературных языков: теоретические проблемы. М., 1983.

Каск А.Х. Эстонский язык // Языки народов СССР. М., 1966. Т. III.

Копонов А.Н. Основные этапы формирования турецкого письменно-литературного языка // ВЯ. 1977. № 4.

Майтинская К.Е. Венгерский язык. М., 1955. Т. 1.

Миллер И.С. Формирование наций. Комплексное изучение и сопоставительный анализ // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.

Поливанов Е.Д. Избранные работы: Статьи по общему языкознанию. М., 1968.

Смирнов Л.Н. Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978.

Смирнов Л.Н. Отражение в литературно-языковой сфере борьбы за консолидацию словацкой нации (середина XIX в.) // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.

Смирнов Л.Н. О языковом аспекте формирования наций // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.

Смирнов Л.Н. Новый этап демократизации славянских литературных языков в эпоху социалистических преобразований // Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, международный контекст. Киев, 1982.

Смирнов Л.Н., Венедиктов Г.К. Формирование национальных языков зарубежных славян // Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы: Итоги и перспективы исследований. М., 1979.

Соболевский А.И. История русского литературного языка / Изд. подготовил А.А. Алексеев, Л., 1980.

Стецкович С.М., Якубской В.А. Экономические аспекты формирования наций // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1980.

Стрекалова З.И. О роли языка в процессе формирования польской нации // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.

Толстой Н.И. Мысли Н.С. Трубецкого о русском и других славянских литературных языках // Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования. Калинин, 1981.

Толстой Н.И. Культурно- и литературно-исторические предпосылки образования национальных языков // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.

Шахматов А.А. Очерк современного русского языка. М., 1941.

Широкова А.Г., Нецименко Г.П. Особенности формирования литературного языка чешской нации в эпоху национального возрождения // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.

Pauliny E. Niekoľko poznámok o spisovnom jazyku v súčasnosti // Z teórie spisovného jazyka. Br., 1979.

Ślowski St. Historia języka polskiego. W-wa, 1953.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА РАЗНЫЕ УРОВНИ ЯЗЫКОВОЙ СТРУКТУРЫ

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ В ИХ ВОЗДЕЙСТВИИ НА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ)

Изучение социальных факторов и их роли в процессах внутриструктурного и функционального развития языков является важным аспектом современного языкознания как в плане общей теории социальной лингвистики, так и в практике языкового строительства и языкового планирования, где значение этих факторов особенно велико. Успешный опыт активного вмешательства общества в языковые процессы в ходе языкового строительства в СССР, анализ взаимодействия языка и общества в условиях социализма и в странах с иным общественным строем дают большой фактический материал для научных обобщений и практических выводов по проблеме отражения социальных факторов в языке.

Под социальными факторами обычно подразумевается комплекс общественных, исторических, экономических, культурных, идеологических и прочих экстралингвистических условий и предпосылок внутриструктурного и функционального развития языка. Все эти факторы по-разному воздействуют на язык, на его отдельные уровни и обладают различными количественными и качественными параметрами в соответствии с социальной природой самих факторов и спецификой языковых уровней, на которые эти факторы оказывают влияние.

Социальные факторы находятся с языком в сложной взаимосвязи и составляют с ним иерархически организованную систему.

Будучи внешними, экстралингвистическими условиями развития и функционирования языка, социальные факторы противопоставляются внутренним, собственно лингвистическим факторам, заключенным в самой системе языка и обусловленным его структурно-типологическим особенностям и степенью функциональной развитости. Внешние (социальные) и внутренние (языковые) факторы в сумме определяют развитие языка в целом и его отдельных уровней.

Современная советская социолингвистика отмечает зависимость отдельных языковых уровней от тех или иных социальных факторов. Различаются понятия "социальное давление", т.е. влияние общественных факторов на язык, и "давление системы языка" как внутренний стимул языкового развития [Дешериев. 1977].

Ввиду обилия и разнородности социальных факторов, оказывающих разное воздействие на те или иные уровни языка, представляется целесообразной дифференциация этих факторов по специфике их воздействия на язык.

В соответствии с особенностями своей социальной природы и спецификой отражения в языке социальные факторы могут дифференцироваться в зависимости от способа, времени и результатов своего

воздействия на язык на следующие группы: а) социальные факторы стихийного и сознательного воздействия, б) социальные факторы непосредственного и опосредованного воздействия, в) субстратные и суперстратные социальные факторы, г) диахронные и синхронные социальные факторы, д) позитивные и негативные социальные факторы. В основу каждой группы положен принцип оппозиций противоположно воздействующих социальных факторов, влияние которых на язык проявляется не изолированно, а во взаимодействии факторов, входящих как в одну группу, так и в разные группы. Дифференцирующие признаки указанных групп социальных факторов, специфика их воздействия на язык наглядно и полно отражаются в словарном составе как наиболее социально детерминированном уровне языка, который под влиянием этих факторов может члениться по социально-классовым, социально-профессиональным, социально-идеологическим и социально-концептуальным признакам [Дешериев, 1977, С. 167]. Поэтому в настоящей статье словарный состав — лексика и терминология ряда тюркских языков — избран в качестве основного языкового уровня, на котором можно проследить особенности воздействия указанных групп социальных факторов.

а) Социальные факторы стихийного и сознательного воздействия на язык противопоставляются друг другу по источникам и способам, с одной стороны, стихийного, неосознаваемого и нерегулируемого, а с другой стороны, сознательного, планируемого и регулируемого влияния общества на язык, на его структуру и функции. Как стихийное, так и сознательное воздействие социальных факторов мотивируется как социальной структурой и социальным заказом общества (социальное давление), так и самим языком, спецификой его внутреннего спонтанного развития (давление системы) [Дешериев. 1977. С. 186—187].

Формирование структуры и развитие функций языка как естественного социального продукта подчинено объективным законам общественного развития, что во многом определяет стихийный характер воздействия на язык многих социальных факторов. К таким факторам стихийного воздействия на язык можно отнести, в частности, территориальную и социально-профессиональную дифференциацию общества, которая стихийно отражается в языке, подразделяя его на территориальные и социально-профессиональные диалекты со своими дифференцирующими признаками на лексическом, фонетическом и прочих уровнях языка. Наиболее ярко эта дифференциация языка проявляется на лексико-семантическом уровне, где указанные диалекты различаются по территориальным, социально-профессиональным и социально-классовым признакам, а их лексика подразделяется на диалектизмы, профессионализмы, идеологизмы, арготизмы, жаргонизмы и прочую лексику, отражающую территориальную и социальную стратификацию общества.

Стихийный характер воздействия социальных факторов достаточно отчетливо проявляется, например, при анализе профессионализмов, арготизмов и идеологизмов в территориальных и социально-профессиональных диалектах турецкого и азербайджанского языков. Близ-

кое генетическое родство, некоторые общие исторические и социальные условия функционирования территориальных и социально-профессиональных диалектов турецкого и азербайджанского языков определили ряд общих особенностей их лексики (при некоторых различиях между ними).

Общая экономическая и культурная отсталость Турции, разобщенность между отсталыми сельскими и относительно развитыми промышленными районами страны, почти поголовная неграмотность сельского населения, однородный национальный состав обусловили этимологические особенности и семантический состав словаря территориальных диалектов турецкого языка, в котором весьма ограничен слой заимствованной лексики, а также лексики, отражающей реалии современной жизни. Анализ профессиональной лексики в территориальных диалектах турецкого языка показал незначительность количества заимствований из диалектной профессиональной лексики, например: *aşkı makinası* 'инструмент для разглаживания кожи, лощило', *kordon makinası* 'инструмент для тиснения по жести', *makinaaltı* (букв. 'низ машины') 'снятое молоко', *serman kalemi* (букв. 'германское долото') 'инструмент для навешивания дверных и оконных петель', *silindir* 'инструмент для обработки золота и серебра', *basmamodel* 'тип ковра' [см. ZTS, 1976; THADS. 1965—1977].

Диалектная профессиональная лексика, дифференцирующаяся не только по социально-профессиональному, но и по территориальному признакам, часто отражает в себе реалии, топонимические названия, свойственные тем регионам, где она выявлена. Так, например, профессионализмы *tirenyolu* (букв. 'железнодорожный путь') 'фасон вязания или вышивки', *tütünvagonu* (букв. 'табачный вагон') 'место для сушки табака' зарегистрированы в районах, где проходила железная дорога, термин *bonker* (< англ. bunker coal) 'бункерный уголь' в р-не Зонгулдака, являющегося центром добычи угля, *Adana burması* 'вид браслета', *Adana boblin* 'вид ковра', *Adana köşegöbeği* 'рисунок на ковре' — в р-не г. Аданы. Сравнительно немногочисленные заимствования из русского языка: *loratka* // *lorakka* 'лопата', *şinel* 'пальто', *furgen* 'фургон', *gıranof* 'граммофон' отмечены в районах Восточной Анатолии у границы с СССР.

Стихийный характер формирования территориальных диалектов свойствен и социально детерминированным вариантам языка, хотя некоторая их искусственность и специфичность использования создает видимость сознательного, преднамеренного характера. Такие общие признаки социальных диалектов, как отсутствие нормы, ограниченность сферы употребления, подвижность словарного состава, зависимость от территориальных диалектов, свидетельствуют о стихийном характере этих диалектов. Возникновение и условия функционирования социальных диалектов определяются общественным укладом, его социально-классовой стратификацией. Так, возникновение, развитие и функционирование некоторых социальных диалектов азербайджанского и турецкого языков, элементы которых рассматриваются в настоящей работе, было обусловлено феодальным

и капиталистическим укладами с их резко обозначенной социально-профессиональной стратификацией.

Социальные и профессиональные варианты языка, отличающиеся от территориальных диалектов, формируются под непосредственным воздействием преимущественно городских условий пестрого национального состава, сложной классовой, сословной и профессиональной стратификации, особых условий формирования наддиалектного городского койне.

На лексическом уровне различия между социальными и территориальными диалектами проявляются в этимологической неоднородности словаря социальных диалектов по сравнению с относительно однородной лексикой территориальных диалектов, в большой подвижности и изменчивости его состава по сравнению с устойчивостью словаря территориальных диалектов, в относительной ограниченности объема и функций лексики социально-профессиональных диалектов.

В отличие от территориальных диалектов, имеющих этимологически однородный лексический состав, социальные диалекты включают в свой словарь весьма разнородные элементы, что обусловлено рядом социальных факторов — интернациональной средой функционирования социально-профессиональных диалектов, неоднородным национальным и социальным составом его носителей. Социальные диалекты формируются на основе наддиалектного городского койне с элементами территориальных диалектов, сниженного стиля разговорного литературного языка и социально-профессионального просторечия. Для социальных диалектов свойственно употребление иноязычных заимствований из указанных источников, а также оригинальное словотворчество по моделям родного языка и языков-источников.

Зарегистрированные в азербайджанском языке лексические элементы таких социально-профессиональных диалектов, как тайные языки мясников (*kurd dili*), музыкантов (*sazandar dili*) и народных певцов и поэтов-ашугов (*aşıqlar dili*), функционировавшие до революции, лишь на 20% состоят из исконных тюркских слов, причем среди них значительное количество, архаичной тюркской лексики: *aşmaq* (лит. *danışmaq*) 'говорить', *tezmek* (лит. *gaşmaq*) 'бежать', *ofa* < *orak* (лит. *paltar*) 'одежда', 80% лексики этих социально-профессиональных диалектов составляют арабские и персидские заимствования: перс. *ser* (аз. *baş*) 'голова', перс. *mey* 'вино' в значении 'чай' (аз. *çay*), перс. *çıra* (аз. *pis*) 'грязный', перс. *pegez* (аз. *yemek*) 'еда', араб. *kibar* (аз. *böyük*) 'большой', араб.-аз. *meytlemek* (аз. *virmaq*, *öldürmek*) 'убить' [Şiraliyev. 1967]. Таким образом, профессиональные языки в Азербайджане формировались преимущественно с использованием лексики литературного языка, ориентированного на арабский и персидский языки, которые не были понятны широким народным массам.

Социально-профессиональные языки, жаргоны и арго турецкого языка, стихийно формировавшиеся на основе наддиалектного койне

Стамбула, Анкары, Измира и ряда других крупных городов Турции, испытывали значительное влияние языков представителей многих других национальностей, населявших эти города — греков, армян, евреев, левантинцев и пр. На формирование социально-профессиональных диалектов турецкого языка большое влияние оказала также и национально-профессиональная стратификация, связанная с традиционными для национальных групп ремеслами, профессиями и т.п. Так, например, греки занимались преимущественно торговлей, мореплаванием, работали в сфере обслуживания, армяне — торговлей, некоторыми ремеслами. Ср., например, из греческого: *iskarça* 'перегрузка (судна)', *ispala* 'плечо', *loksa* 'разрезанная по диагонали (ткань)', из армянского *sarmak* 'водка', испанского *palavra* 'вранье', румынского *copil* 'ребенок'. В турецком арго имеются слова, искусственно созданные по фонетическим и морфологическим моделям греческого языка, например: *rofuoz* 'пустой', *kaçapoz* 'уродливый', *katokofti* 'вранье' и т.п. [Develliöglu. 1970].

В современном турецком арго содержание собственно тюркских лексических элементов не превышает 50%, что в среднем соответствует соотношению исконной и заимствованной лексики в литературном языке и во многих социально-профессиональных диалектах турецкого языка. Специальная лексика в профессиональном просторечии четко детерминирована такими экстралингвистическими факторами, как, например, торгово-экономические и технические контакты Турции с развитыми капиталистическими странами — Францией, Англией, США и др., что нашло отражение в соответствующих заимствованиях как специальной технической, так и бытовой лексики из французского, а в последнее время из английского языков: из французского *sterne* 'запaska', *kruvaze* 'двубортный (костюм)', *mezur(a)* 1. 'размер', 2. 'сантиметр (портняжный)', *emprenabl* 'непромокаемое пальто или плащ'; из английского *manifolt* 'выхлопная труба', *fulsazyz* 'полного размера', *mont* 'короткая куртка', *tişort* 'трикотажная рубашка, тенниска'.

Развитие языка и общества не исключает, а предусматривает возможность и даже необходимость сознательного воздействия на язык, которое осуществляется в соответствии с объективными законами развития общества. История языка и общества богата фактами, свидетельствующими о том, что сознательное вмешательство общества в сферы языка бывает успешным лишь тогда, когда имеются социально-исторические предпосылки для преобразования языка, когда это вмешательство не противоречит, а соответствует ходу общественного и языкового развития. Наиболее эффективно социальные факторы сознательного влияния на язык проявляют себя в периоды коренных социальных преобразований общества, при социальных революциях, национально-освободительном движении, в эпоху формирования наций, т.е. тогда, когда особенно сильно проявляется социальное давление на язык. Именно тогда, когда возникает острая социальная потребность в преобразовании языка в соответствии с преобразованием общества, наиболее успешно и быстро реализуются самые смелые планы языковой политики

и языкового строительства. Так, после Октябрьской революции в результате осуществления ленинской национальной и языковой политики более 40 бесписьменных языков народов СССР, в том числе 9 тюркских, получили статус литературных языков, а около 20 старописьменных языков, среди которых 8 тюркских, преобразовали свои литературные нормы, расширили социальные функции, усовершенствовали структуру, обогатили словарный состав. Ряд языков, в том числе большинство тюркских языков, получили новую графику. В Турции в результате кемалистской революции (1919—1923) в относительно короткие сроки удалось реализовать целый комплекс мероприятий по коренному преобразованию турецкого языка, получивший название "языковая революция".

Напротив, в периоды между социальными революциями не удалось осуществить даже частичные реформы языка. Например, оказались неудачными все попытки перевода тюркских языков с арабского алфавита на латинизированный как в царской России, так и в султанской Турции. Потерпели провал планы младотурок в Турции и джадидов в России относительно преобразования литературных норм и словарного состава тюркских языков.

Интегрирующие процессы социально-экономического развития в эпоху развитого социализма и НТР, процессы формирования новой социально-исторической общности многонационального и многоязычного советского народа составляют комплекс социальных факторов, воздействие которых на языки социалистических наций в условиях Советского государства в значительной степени сознательно регулируются обществом посредством партийных, государственных и общественных организаций, научно-исследовательских и координационных центров и пр. [Холмогоров, 1981].

Сознательное влияние на язык реализуется методами научного управления языковыми процессами, исходя из общих задач коммунистического строительства на основе ленинской национальной и языковой политики. Особенности современного развития социалистического общества выдвигают ряд актуальных языковых проблем, в центре которых находится проблема межъязыковых отношений. Интегрирующие процессы в общественно-политической, хозяйственно-экономической и культурной жизни советского общества, интенсификация обмена информацией в условиях НТР обусловили необходимость расширения функций языка межнационального общения наряду с расширением общественных функций ряда других языков социалистических наций. Взаимодействие языков социалистических наций с языком межнационального общения осуществляется в разных формах национально-русского двуязычия, которое сознательно развивается и совершенствуется по мере развития языков и расширения общих сфер их функционирования. Такие преимущества социалистического общества, как отсутствие национальных и классовых противоречий, политическое и идеологическое единство всех народов СССР, общая плановая система народного хозяйства, позволяют и обязывают в интересах всего общества и Советского государства сознательно регулировать процессы языкового разви-

тия, расширяя или ограничивая их там, где это необходимо и целесообразно. При этом наряду со структурными и функциональными особенностями самих языков следует учитывать в социальном, социолингвистическом и даже экономическом аспектах сферы их функционирования. Опыт языковой практики в СССР показывает, что игнорирование факторов общественного развития, преувеличение роли одних языков и недооценка других, неупорядоченное, стихийное развитие социальных функций языков ведет к нарушению баланса языкового взаимодействия с далеко идущими последствиями. Так, например, некоординированное языковое развитие в ряде республик привело к ограничению социальных функций языка межнационального общения, в результате чего произошло количественное и качественное сокращение знания русского языка представителями некоторых народов СССР, что тормозит социальное и культурное развитие этих народов и отрицательно сказывается на развитии всего социалистического общества. В результате мер, предпринимаемых государством, включающих активизацию обучения русскому языку в системе дошкольного воспитания, народного образования и высшей школы, научную и методическую разработку проблемы национально-русского двуязычия в научно-исследовательских учреждениях и вузах и т.д., практическое знание русского языка представителями других национальностей повышается, однако еще не достигнут необходимый уровень знания русского языка гражданами всех национальностей Советского Союза.

Активизация всех сторон общественной жизни в последние десятилетия, использование многих языков социалистических наций, в том числе 5 тюркских, в сферах науки, техники, высшего образования, массовой коммуникации, в различных отраслях народного хозяйства вызвали быстрый рост научно-технической и общественно-политической терминологии и номенклатуры на этих языках. Сознательное вмешательство общества в процессы развития терминологии на многих языках социалистических наций осуществляется в двух основных направлениях: планированное создание терминологии и ее нормализация. Создание терминологии, ее упорядочивание, составление терминологических словарей на национальных языках осуществляется под руководством республиканских терминологических комиссий, деятельность которых координируется Комитетом научно-технической терминологии АН СССР. В первую очередь создаются терминологические словари по наиболее актуальным для той или иной республики областям науки и техники, а также совершенствуются терминологические системы по общественным наукам.

В зависимости от степени внутривидового и функционального развития языков, от традиций литературных языков в создании терминологии на этих языках преобладают те или иные тенденции. В старописьменных языках с развитым словарным составом и широкими общественными функциями преобладают калькирование интернациональной и русской терминологии, в то время как в младописьменных языках заимствование такой терминологии более распространено, чем ее калькирование. В результате

в терминологических системах ряда старописьменных языков количество искусственных терминов-калек превышает количество таковых в младописьменных языках, в которых, в свою очередь, более значительно число интернациональных и русских заимствований.

При заимствовании русской терминологии старописьменными языками часто предпочтение отдается интернациональным дублетам, имеющим иногда окказиональное употребление в русском языке, например: в азербайджанском *силисиум* 'кремний', *карбон* 'углерод', *оксид* 'окись', *сублимасија* 'возгонка'. В сложносокращенных и сложных терминах русский элемент заменяется исконным или интернациональным элементом: аз. *hidrogenுவேதலنديரிசி* 'гидроусилитель', *ультрасэс* 'ультразвук', *аэрофотопланлацдырма* 'аэрофотосъемка', *квасиеластик* 'квасиупругий'. Интернациональный компонент сложного русского термина иногда заменяется исконным или архаичным арабским или персидским элементом, например: *аэроглимшүнаслыг* 'аэроклиматология', *балыгфаунасы* 'ихтиофауна'.

При сопоставлении терминологии, зафиксированной в словарях, с реально функционирующей в национальных языках, наблюдается расхождение, выражающееся в преимущественном употреблении интернациональной и русской терминологии вместо искусственных калек.

Примером сознательного воздействия на язык является формирование и использование обществом в своих социально-классовых интересах систем идеологизированной терминологической лексики и фразеологии. Эта лексика имеет яркую эмоционально-экспрессивную окраску, чем отличается от общественно-политической терминологии, и отражает в соответствии с идеологической ориентацией и социальным заказом общества систему общественно-политических реалий, идеологические, политические, эстетические и другие взгляды общества. Формирование идеологизированной лексики в социалистическом и капиталистическом обществах имеет принципиальные различия. Если в социалистическом обществе идеологизированная лексика создается на основе научной философской, социально-политической, исторической и прочей терминологии, отражающей понятия материалистической марксистской науки, то в буржуазном обществе идеологизированная лексика формируется на основе дефиниций идеологической буржуазной науки, различных спекулятивных доктрин и теорий. При этом буржуазная пропаганда сознательно прибегает к различного рода манипуляциям с языком, его лексикой и семантикой с целью подмены значений, создания у слов желаемой коннотации и пр. [Белодед. 1974; Крючкова. 1975; Ухванова. 1980].

б) Социальные факторы непосредственного и опосредованного воздействия на язык дифференцируются по способам прямого отражения их в структуре или функциях языка и косвенного воздействия, осуществляемого через стимулирование социальными факторами тех или иных внутривидовых или функциональных сторон языка, которые, в свою очередь, вызывают или содействуют выработке в языке, в его структуре или функциях соответствующих инноваций. Так, например, территориальная, социально-классовая

и профессиональная стратификация общества непосредственным образом находит отражение в языке, в соответствующих территориальных, социально-классовых и профессиональных диалектах на фонетическом, грамматическом и в наибольшей степени на лексическом уровнях. Разумеется, непосредственное воздействие социальных факторов следует понимать не как прямое, метафизическое отражение социального в языке, а как развитие вторичных социализованных отношений в многоуровневой структуре языка под влиянием тех или иных социально обусловленных факторов — функционирования, дифференциации и взаимодействия языка [Дешериев. 1977. С. 107, 122, 126].

Социальная дифференциация общества непосредственно обуславливает развитие и функционирование социальных диалектов, характеризующихся специфическими чертами на разных языковых уровнях. Например, в турецком арго наряду с особенностями лексики отмечаются также некоторые особенности в фонетике и грамматике [Devellioğlu. 1970]. Так, наблюдается акцентуация при произношении согласных *r*, *z* и слогов (*a-bi-cim* 'братишка'), а также редукция (*abi* < *ağabe*). В морфологии часто вместо личных местоимений 1-го лица ед. числа употребляется мн. число, значительно ограничено количество употребляемых грамматических форм времен. Вместо форм наст.-буд. времени на *-r*, прош. и буд. времен употребляется наст. время на *-yor*: *Abicim, dün akşam... iki evleğini zula ediyorum* (= *Ağabeysicğim, dün akşam... yirmi lirasını çaldım*) 'Братишка, вчера вечером ... я украл у него двадцать лир'; *pinponu sövüşlersek* (= *parasını alırsak*) *akşama piyazlıyoruz* (= *içki içeceğiz*) '... если возьмем деньги у этого старикашки, то вечером выпьем'. В синтаксисе отклонений от норм общенародного разговорного турецкого языка не наблюдается.

Непосредственное отражение многих реалий современной общественной жизни находит место в словаре турецкого арго в форме деидеологизированной лексики и фразеологии: *az gelişmiş ülke* 'слаборазвитая страна > маленький, щуплый человек', *natokafa* 'натоголовый > тупоголовый', *Amerika* 'Америка > богатый'.

Развитие материальной и духовной культуры общества, различных сфер науки и техники, общественно-политической жизни и многих других сфер общественной жизни находит непосредственное отражение в соответствующих функциональных стилях языка, обслуживающих эти сферы.

Опосредованное, косвенное воздействие социальных факторов на язык проявляется через их влияние на функции языка, в свою очередь способствующие внутривидовому развитию языка, его словообразовательных средств, стилистических черт и проч. Так, например, развитие в тюркских языках лексики и терминологии благодаря функциональному развитию этих языков в сфере науки и техники влияет на словообразование, содействует выделению продуктивных словообразовательных форм и моделей, что способствует развитию грамматической структуры тюркских языков в целом. Следствием опосредованного воздействия социальных факторов на

тюркские языки явилось появление в них типологически несвойственных способов словообразования — словосложение: *ватт-соат* 'ватт/час', префиксация: узб. *аксҳаракат* 'противодействие, *нодаврийлик* 'непериодичность', *утамустамлакачилар* 'ультраколониалисты', аббревиация и акронимия: *ф.и.к* (*фойдали иш коэффицентли*) 'кпд' и пр.

Функционирование языков социалистических наций в новых для них сферах, их взаимодействие с соответствующими функциональными стилями языка межнационального общения способствовало развитию свойственных этим стилям разрядов лексики в этих языках. Так, например, в связи с развитием тюркских языков в сфере массовой коммуникации в них сформировались такие разряды лексики, как общественно-политическая терминология, отражающая советские и зарубежные реалии: узб. *социалистик иктисодий интеграция* 'социалистическая экономическая интеграция', каз. *эскерипатриоттык тәрбие* 'военно-патриотическое воспитание', аз. *милли тәһл үкәсизлик мәсәләләри үзрә мушавар* 'советник по вопросам национальной безопасности', кирг. *ылдам чара коруу* 'корпус быстрого реагирования'; идеологизмы: аз. *сојуг муһарибә* 'холодная война', узб. *сепаратчи гурухлар* 'сепаратистские группировки', в том числе образуемые путем использования экспрессивных средств языка — метафор, метонимии и пр. аз *гарб дунјасы* 'западный мир', аз. *Aғ ев* 'Белый дом', узб. *дала гвардиячилари* 'гвардейцы полей', туркм. *ак алтын* 'белое золото'.

в) Субстратные и суперстратные социальные факторы также играют важную роль в развитии языков, их словообразования, семантики, лексики и терминологии. К субстратным социальным факторам относятся факторы социального и культурно-исторического развития языка в прошлом, которые нашли отражение в языке, преимущественно в его лексике и семантике, определили то, что называют традициями языка, и в той или иной степени продолжают оказывать влияние на язык в настоящее время. Так, для большинства тюркских языков субстратные социальные факторы определяются их принадлежностью к арабо-персидскому культурно-историческому и языковому ареалу, что обусловило наличие и развитие в этих языках ряда общих явлений во внутренней структуре, в лексике и семантике. В результате длительного воздействия на тюркоязычные народы арабской и персидской культуры, идеологии (ислама), влияния арабского и персидского языков на тюркские языки в последних, преимущественно в их литературных нормах (наряду с арабской графикой), закрепилось огромное количество лексических (до 95% словаря в некоторых стилях литературных тюркских языков) и грамматических единиц, словообразовательных формантов, морфологических и синтаксических категорий, стилистических форм и пр. Такое глубокое проникновение и закрепление в структуре тюркских языков многочисленных арабских и персидских элементов под влиянием субстратных социальных факторов определяло в прошлом и в определенной мере определяют и в настоящем многие процессы внутривидового развития этих языков.

К суперстратным социальным факторам относятся факторы современного социально-политического, экономического и культурного развития тюркоязычных народов. Принципиально иной характер социально-экономических и межнациональных отношений, в основании которых лежит научно обоснованная идеология марксизма и ориентации на интернациональную социалистическую культуру, определил и самостоятельное развитие языков социалистических наций и взаимодействие их друг с другом и с языком межнационального общения.

Факты современного состояния и развития тюркских языков свидетельствуют об ослаблении воздействия субстратных и об усилении суперстратных социальных факторов на эти языки. Давно уже прекратилось заимствование тюркскими языками арабской и персидской лексики и терминологии, а количество активно используемой в этих языках арабско-персидской лексики постепенно уменьшается. На смену ее приходит исконная лексика или лексика из других языков социалистических наций. Например, в узбекском языке: *материализм* вм. араб. *маддиюн*, *абстракт* вм. араб. *мужаррад* 'абстрактный', *биология* вм. араб. *хайъатиет*.

Однако ряд арабизмов, вошедших в основной словарный фонд тюркских языков, сосуществует с исконными и русскими эквивалентами, например: в туркменском языке: араб. *ынкылап* ~ туркм. *өзгерши* 'революция', араб. *щура* ~ туркм. *генеш* ~ русск. *совет*, араб. *мугаллым* ~ туркм. *окадывчы* 'учитель'; в узбекском языке: араб. *мавжудият* ~ узб. *борлиқ* 'бытие', араб. *тафаккур*, араб.-узб. *фикирлаш* 'мышление' (в последнем примере имеет место упрощение арабской формы).

Следствием влияния субстратных факторов на тюркские языки остается продуктивность словообразовательных средств арабского и персидского происхождения. Особенно широко эти словообразовательные средства использовались в годы становления новых норм литературных тюркских языков в 20—30-е годы [Тачмурадов. 1974; Каримов. 1972]. Так, например, в туркменском языке использовалась арабская форма жен. рода при отсутствии в тюркских языках этой грамматической категории: *шахыр* 'поэт' — *шахыр-а* 'поэтесса', *мугаллым* 'учитель' — *мугаллым-а* 'учительница'. Персидская словообразовательная форма *-хона*, образующая имена места, присоединялась к арабским и русским заимствованиям, например в узбекском языке: из араб. *мактаб* — *мактабхона* 'школа', из русск. *контур* — *контурхона* 'контора', *театр* — *театрхона*. Данное явление гиперхарактеристики, как и типологически чуждая тюркским языкам форма жен. рода, было мотивировано, помимо воздействия субстратных факторов, социальной потребностью отразить на национальных языках реалии новой жизни, социальную роль женщины и пр.

Под воздействием субстратных и суперстратных факторов происходит освоение тюркскими языками типологически не свойственных им лингвистических категорий. Так, в узбекском языке в результате тесного взаимодействия с языками иранской семьи стала про-

дуктивной категория префиксов: *но-* 'не-', *бо-* 'без-' и ряд других. Тесное взаимодействие узбекского языка с русским закрепило продуктивность этих форм. Ср. *нореал* 'нереальный', *нолегал* 'нелегальный', *беконтрол* 'бесконтрольный', *бебилет* 'безбилетный' [Ахундова. 1973].

Под воздействием суперстратных социальных факторов тюркские языки освоили ряд новых для них категорий, среди которых уже упоминавшиеся стихосложение (аз. *адам-саат* 'человеко-час', узб. *темир-бетон* 'железобетон'), аббревиация (узб. *БМТ* — *Бирлашган миллатлар ташкилоту* 'ООН', туркм. — *ССКП* — *Совет Союзының Коммунистик партиясы* 'КПСС'), акронимия (узб. *ижроком* 'исполком', *шахерком* 'горком').

Помимо заимствования значительного количества новой лексики и терминологии под влиянием суперстратных факторов в тюркских языках происходило и происходит переосмысление и развитие значений старой лексики, в том числе заимствованной в прошлом под воздействием субстратных факторов, например в узбекском языке: араб. *мерос* 'наследство' > *маданий мерос* 'культурное наследие', в азербайджанском: араб. *мадда* 'вещество' > филос. 'материя', араб. *мубаризэ* 'бой, схватка' > *синифи мубаризэ* 'классовая борьба'. Под влиянием тех же факторов происходит развитие значений русских заимствований, что обусловлено специфической словообразования и семантики этих языков (ср. узб. *метрлаш* 'мерять, измерять на метры', *контурламоқ* 'очерчивать контур', *балансламоқ* 'подводить баланс' [Ахунджанова. 1973].

Особенно наглядно влияние субстратных и суперстратных социальных факторов проявляется при идеологизации и деидеогизации лексики. Так, например, под воздействием суперстратных факторов, среди которых политика лаицизма, национализм и пр., в территориальных и социально-профессиональных диалектах турецкого языка имеет место деидеологизированная лексика и фразеология, производная от мусульманской и христианской культовой терминологии: *mihrar* (араб. *михраб* 'ниша в мечете') 'вытяжная труба', *sünet* (араб. *сюннет* 'обрезание') 'стык водопроводных труб', *imam suyu* (букв. 'вода имама') 'водка', *meğutanakuşağı* (букв. 'пояс девы Марии') 'радуга', *istavroz fidesi* (букв. 'рассада креста') 'ублюдок'.

Под воздействием суперстратных факторов, определявшихся новыми социально-политическими отношениями, идеологическими установками, в диалектах и просторечии турецкого языка появилась идеологизированная, деидеологизированная и вторично идеологизированная лексика и фразеология. Например: *fakiröldüren* (букв. 'убивающий бедняка') 'сорт дешевых сигарет', *ay yıldız* (букв. 'полумесяц и звезда' — эмблема Турции) 'инструмент жестянщика', *cumhuriyet* (букв. 'республика') 'банкнота достоинством в одну лиру', *atatürkçelenği* (букв. 'венки Ататюрка') 'вид кружев'.

Господствующая роль турок-османов по отношению к другим национальностям в старой Турции, национализм, культивирующийся в современной Турции, обусловили появление и сохранение в языке лексики и фразеологии, отражающих отношение к национальностям.

В турецких диалектах *osmanlı* 'османец, турок' означает 'бывалый, опытный; прямой, откровенный', *lezgi* 'лезгин, бродяга' — *lezgilik etmek* 'притворяться незнающим, непонимающим'.

На границе одновременного воздействия субстратных и суперстратных социальных факторов часто возникает макароническая лексика, отражающая элементы старого и нового в языке. Обычно это стилистически плохо сочетающиеся архаичные и новые основы и словообразовательные средства. В узбекском языке в 20-е годы бытовали термины, состоящие из интернациональных основ и архаичных арабских словообразовательных аффиксов (*эластикият* 'эластичность', *электрикият* 'электрификация'), в казахском языке — арабская основа и заимствованный из русского языка интернациональный аффикс (*тарихизм* 'историзм').

г) Диахронные и синхронные социальные факторы. Значительное большинство социальных факторов — таких, как социальная структура общества, его культура, идеология, оказывает долговременное воздействие на язык и относится к диахронным социальным факторам. Даже при смене общественных формаций, влекущей за собой изменения в социальной стратификации общества, смену идеологии, изменения в культуре, науке и других сферах общественной жизни, в языке еще долгое время продолжают сохраняться и функционировать элементы языка, появление которых было обусловлено социальными факторами предыдущей общественной формации. Так, например, в тюркских языках, большинство которых входило в ареал влияния арабского и персидского языков, ислама, его идеологии и культуры, до настоящего времени сохраняются и активно функционируют многие элементы этих языков — лексика, словообразовательные средства, грамматические категории.

Синхронные социальные факторы носят ограниченный по времени и относительно неглубокий характер и обычно не оставляют значительного следа в языке. Влияние этих факторов часто ограничено определенными социально детерминированными рамками. Они обуславливают особенности лексики и фразеологии в речи некоторых социально-профессиональных групп — в профессиональном просторечии, в молодежных жаргонах, в аргументах деклассированных элементов и пр. Наряду с некоторыми общими особенностями и постоянными закономерностями значительная часть жаргонной лексики быстро меняется под воздействием таких синхронных социальных факторов, как политическая конъюнктура, изменения в технике и производстве, временное влияние другого языка и культуры, воздействие сфер, подверженных моде, — сфера быта, индустрия развлечений и пр. Лишь незначительная часть лексики, отражающей указанные сферы, закрепляется в словаре соответствующих социально-профессиональных диалектов или литературного языка. Большая же часть этой лексики сравнительно быстро выходит из употребления. Так, например, возникшие под влиянием исторической и политической конъюнктуры деидеологизированные выражения в аргументах просторечия турецкого языка: *Marsal yardımı* (букв. 'помощь по плану Маршалла') 'женская косметика', *geşaru* (искаженное *gestano*) 'муни-

ципальная полиция', makariyoslamak (производное от имени президента Кипра архиепископа Макариоса) 'возражать' и прочие — выходят из активного употребления по мере потери актуальности мотивирующих их общественно-политических, исторических, культурных и других реалий.

д) Воздействие социальных факторов на развитие языка может носить и позитивный и негативный характер. Критерием данного разделения является степень соответствия этих факторов логике общественного развития и в связи с этим развития языка. В тех случаях, когда социальные факторы оказывают воздействие, соответствующее развитию языка и общества в целом, их можно рассматривать как позитивные, а в тех случаях, когда воздействие этих факторов противоречит логике общественного развития, тормозит развитие языка, их можно считать негативными.

Несомненно, к социальным факторам, оказавшим позитивное воздействие на язык, следует отнести большинство общественных мероприятий по развитию структуры и функций языков, связанных с языковым строительством в СССР, "языковой революцией" в Турции, и ряд других.

Однако и позитивные социальные факторы могут приобрести негативный характер, когда под их воздействием абсолютизируются те или иные пути развития структуры или функций языка и нарушаются некоторые общие закономерности их развития. Так, в ряде тюркских языков в результате преувеличения роли их словообразовательных средств и недооценки заимствований в 20—30-е годы были попытки создания калек многих советизмов и интернационализмов средствами этих языков. Ср. туркм. *барлышыксыз гаршылык* 'антагонизм', *бир ере жемленмеги* 'концентрация'; кирг. *ойпикир* 'идеология', *той 'съезд', кеңештер онегу* 'социалистическая республика', *тегизчилдик* 'социализм', [ТТЯ. 1952, Исабекова. 1971].

Под влиянием буржуазно-националистической идеологии джадизма еще в первые годы Советской власти предпринимались попытки заменить в тюркских языках русские и интернациональные заимствования архаичной арабской и персидской лексикой на том основании, что она является общей для многих тюркских языков и составляет в них слой "культурной" лексики. При этом забывалось то обстоятельство, что такая лексика принадлежит словарю элитарного литературного языка тюрки и одинаково чужда носителям многих тюркских языков. В 60—70-е годы вновь произошло оживление в употреблении арабо-персидской лексики вместо интернациональной: узб. *муаллиф* вм. *автор*, *рисола* вм. *брошюра*, *муҳоррир* вм. *редактор*, *ҳисобчи* вм. *экономист* [Гулямова. 1975], каз. *карап* вм. *решение*, *мәжіліс* вм. *совещание*, *мәлімет* вм. *сводка* [Ерғазиева. 1972] и пр. Неупорядоченное калькирование, нецелесообразный подход к функциональному их использованию приводят к пуризму, в результате создается практически не употребляемая лексика и терминология: тур. *aktöre* вм. *ahlâk* 'мораль', *tesim* вм. *ticaret* 'торговля', *kentsoy* вм. *burjuva* 'буржуазия', *ekin* вм. *kültür* 'культура' и пр.

Классификация социальных факторов по источникам, способам, времени и результатам их воздействия на язык на указанные выше группы носит преимущественно теоретический характер. На практике воздействие всего комплекса социальных факторов на язык в силу разных причин и условий бывает значительно более сложным и часто противоречивым. Одни и те же социальные факторы могут в своем воздействии на язык взаимодействовать или исключать друг друга. Тем не менее представляется возможным и целесообразным выделить указанные группы социальных факторов, характеризующихся некоторыми своими общими свойствами, под влиянием которых в языке, в частности в его лексике, происходят те или иные процессы.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахунджанова К.Ю.* О словообразовании в узбекском языке на базе русской интернациональной лексики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1973.
- Белодед И.К.* Язык и идеологическая борьба. Киев, 1974.
- Гулямова Н.Г.* Русские лексические заимствования в узбекском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1975.
- Дешериев Ю.Д.* Социальная лингвистика. М., 1977.
- Ергазиева Н.И.* Формирование и развитие официально-деловой речи в казахском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1972.
- Исабекова А.Б.* Общественно-политическая терминология в киргизском языке и вопросы ее упорядочения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Фрунзе, 1971.
- Каримов Г.* Некоторые вопросы развития узбекского литературного языка 20—30-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1972.
- Крючкова Т.Е.* Язык и идеология: К вопросу об отражении идеологии в языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1975.
- Тачмурадов Т.* Развитие и нормализация туркменского литературного языка в советскую эпоху: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ашхабад, 1974.
- ТТЯ — Терминология туркменского языка и задачи ее улучшения. Ашхабад, 1952.
- Ухванова И.Ф.* Отбор и семантическая обработка лексики средствами буржуазной пропаганды: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1980.
- Холмогоров А.И.* Научное управление языковой жизнью в СССР // Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981.

- Develliöğlu F.* Türk argo sözlüğü. Ankara, 1970.
- Şiraliyev M.Ş.* Azerbaycan' da işlenen argolar // Türk dili araştırmaları yıllığı. Belleten, 1966. Ankara, 1967.
- THADS — Türkiyede halk ağzından, derleme sözlüğü. Ankara, 1965—1977. Т. II—IX.
- ZTS — Zanaat terimleri sözlüğü / Hazırlayan prof. dr. Orhan Acıpayamli. Ankara, 1976.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В СЕМАНТИКЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

На непосредственную связь изменений в словаре языка с изменениями в социальной действительности, особенно в периоды значительных общественных преобразований (таких, как война и революция), неоднократно обращали внимание многие языковеды, изучавшие лексико-семантические явления, которые были характерны для русского языка первого послереволюционного десятилетия [см., например, Селищев. 1928; Карцевский. 1923, Мазон. 1920; Поливанов. 1968; Jakobson. 1921 и др.].

Дальнейшие исследования русского языка с точки зрения взаимодействия внутриязыковых и внешних, внеязыковых, факторов в процессе его развития [см. РЯиСО. 1968, I; РЛСРЯ. 1965 и нек. др.]

позволяют выявить основные виды влияния социального на лексико-семантическую систему языка.

1) Влияние изменений в социальной и культурной жизни общества на изменения в количественном составе словаря: появление неологизмов, сопровождающее возникновение новых реалий и понятий, и архаизация слов и лексических значений, которые относятся к реалиям и понятиям, вытесняемым из жизни данного общества.

2) Влияние социальной дифференциации общества на социальную и функционально-стилистическую дифференциацию лексики: ср. выделение в составе словаря русского языка просторечной, профессионально-арготической, жаргонной и других групп лексики; функционирование слов с социально и стилистически ограниченной сферой употребления и т.п.

3) Отражение профессиональной, территориальной и всякой иной — в широком смысле социальной — дифференциации общества в тематической классификации слов: ср., например, названия лиц по их социальному статусу, по профессии, месту жительства и т.п.; такие группы лексики, как отыменные глаголы, обозначающие различные виды профессиональной деятельности — типа *плотничать*, *токарить*, *слесарить*, наречия типа *по-рабочему*, *по-крестьянски*, *по-интеллигентски*, семантика которых социально значима, и др.

Такое исследование лексики, которое удовлетворяется ее разбиением на подобные тематические классы, по общему мнению, лингвистически малоинтересно. Однако оно может служить отправным пунктом для анализа различий в смысловых и коннотативных связях слов, образующих те или иные тематические группы. Таковы, например, различия в употреблении указанных выше "социально значимых" наречий. Ср. нормальность высказываний типа *Он делал это основательно, истово, по-рабочему (по-крестьянски)* и некоторую аномальность, необычность фраз типа **Он делал это основательно, истово, по-интеллигентски*. Ср. также пейоративные контексты для слов *интеллигент*, *интеллигентски*, *интеллигентский*, *интеллигентничать* и под. — и отсутствие таких контекстов для слов *рабочий* и *крестьянин* и их производных.

Контраст в осмыслении и употреблении указанных слов объясняется в конечном счете социальными причинами: в обществе складываются определенные ценностные представления о каждой социальной группе, обычно поддерживаемые идеологически, вследствие чего лексика, связанная с тем или иным классом, с той или иной социальной группой, помимо своей чисто номинативной функции, начинает выполнять и функции характеристические. При этом те смыслы, которые выражаются при осуществлении характеристических функций, являются производными а) от значений прямых, номинативных и б) от тех коннотаций, которые присущи этим прямым значениям (о различных, в том числе социальных, причинах возникновения у слова своеобразного эмоционального ореола [См. Шмелев. 1973. С. 247 и след.]).

4) Влияние социальных факторов на системную организацию лексики в целом и отдельных ее участков. Количественные изменения

в словаре, обусловленные социальными процессами, изменения в социальном расслоении словаря, в тематической классификации слов, вызванные изменениями в социальной дифференциации общества, могут приводить к сдвигам в семантических — синонимических, антонимических, родо-видовых — связях между словами, перемещать их на стилистической шкале языка. Подобные явления можно наблюдать в разных языках, в особенности в периоды больших социальных событий, переживаемых данным обществом [см. об этом, например: Ожегов. 1953, 1962; РЯиСО. 1968, I; РЛСРЯ. 1965; Петрищева. 1968; Frey. 1925; Seidel, Seidel-Slotti. 1961 и др.].

Эти виды воздействия социального на словарный состав языка достаточно хорошо изучены (хотя, конечно, и здесь есть еще явления, ждущие своих исследователей).

Гораздо меньше исследованы социальные факторы с точки зрения их влияния на собственно значение языкового знака (вне зависимости от его парадигматических и синтагматических, а также стилистических отношений). Отчасти это объясняется распространенной в лингвистике презумпцией: внешнее, социальное оказывает влияние на развитие и функционирование языка, но для его внутренней структуры оно малосущественно. Ср. крайнюю в этом отношении точку зрения Е. Куриловича: "Необходимо объяснить одни языковые факты другими... Объяснение, прибегающее к помощи социальных факторов, свидетельствует о крахе [лингвистической] методологии" [цит. по: Weinreich и др. 1968. С. 177]. Рассмотрение изменений (вариаций) в языке вне какой-либо связи с социальными процессами (а как обусловленных целиком структурными свойствами языка) характерно и для работ других лингвистов [см., например, Мартине. 1965].

Между тем значение слова является, несомненно, компонентом внутренней структуры языка. Здесь не место рассматривать аргументы в пользу такого мнения: положение, согласно которому значение является объектом лингвистического — а не какого-либо другого — анализа, сейчас является общепринятым (ср. с асемантическим подходом к языку Л. Блумфилда и его последователей, представляющим собой явный научный анахронизм). Более того, в современной лингвистике существует достаточно четкое представление о том, какие виды информации должны относиться к собственно значению слова, какие — к его синтактике и прагматике, а какие опираются на энциклопедические сведения о соответствующей реалии [см. об этом Fillmore. 1969; Апресян. 1974; и др.]. Из этого представления непосредственно следует, что значение слова — конституирующий, и притом весьма существенный, компонент структуры языка, ее "сердцевидная" часть.

При таком статусе значения тем более интересно и важно рассмотреть вопрос о том, влияют ли социальные факторы на собственно семантику слова. Если такое влияние обнаружить удастся, то мы можем сделать вывод о более глубоком, чем это принято думать, воздействии социального на язык.

В качестве языкового объекта, на примере которого мы со-

бираемся рассмотреть поставленный вопрос, нами избрана лексика межличностных отношений.

Лексика этого рода многочисленна и разнообразна, как многолики и разнообразны сами человеческие отношения. Нас будут интересовать лишь те слова, которые обозначают ситуации с так называемой асимметрией социальных ролей участников ситуации — типа:

1) *арестовать, аудиенция, благоволить, велеть, верховодить, взыскание, властвовать, власть, вменить, возглавить, воспретить, выговор, выселить, выслать, гневаться, головомойка, даровать (в отличие от дарить), диктат, диктатура, жучить, закатать (под арест), зачислить, зыкнуть, изгнать, инспектировать, кара, карать, кассация, кассировать, командировать, командовать, конволировать, консультировать, контролировать, конфисковать, мирволить, мобилизовать, надзирать, надлежит, назначить, нахлобучка, нотация, обязать, окрик, опека, опекать, отозвать (посла), отстранить (от работы), подчинить, позволить, покровительствовать, помиловать, разрешить, распекать, ревизовать, руководить, сместить, сослать, упечь, экзаменовать* и под. (эти слова обозначают ситуации, в которых роль первого участника, семантического субъекта, "выше" роли второго участника, адресата или контрагента);

2) *апеллировать, апелляция, вымолить, выплакать (себе прощение), выхлопотать, гневить, грубить, дерзить, испросить, исхлопотать, консультироваться, молить, непочтение, послушаться, отвертеться (от поручения), отпроситься, перечить, повиноваться, подпевала, подчиняться, прекословить, пререкаться, рапорт, рапортовать, резать (правду в глаза), слушаться* и под. (роль первого участника ситуации "ниже" роли второго).

Приведенные списки слов, естественно, не претендуют на полноту, но достаточно представительны: по ним вполне можно судить о том, названия каких ситуаций имеются в виду, когда мы говорим об асимметрии социальных ролей. Специфическую (вследствие некоторой своей жаргонности) подгруппу этого рода лексики составляют слова и обороты, принадлежащие официально-деловому и разговорному стилям современного русского языка и обозначающие разного рода административные, служебные и тому подобные наказания и поощрения: *дать, закатить, влечь, снять выговор; дать нагоняй; дать строгача; наложить, снять взыскание; снять (с работы, с должности); освободить (от работы, от занимаемой должности); отклонить (ходатайство, просьбу), удовлетворить (просьбу); предупредить, указать, поставить на вид* — часто без насыщения валентности содержания: *Бюро райкома предупредило коммуниста Сидорова (не сказано — о чем), Иванову и Петрову строго указано (не выражено: что указано), а Синицину поставлено на вид (опущено: что — например, неподобающее поведение и т.п.)*. Характерен глагол *поправить*, также принадлежащий к словам, обозначающим асимметричные ситуации: *Если я ошибусь, старшие товарищи меня поправят*.

Прежде чем обратиться к анализу значений слов, образующих эти две группы, необходимо определить понятие социальной роли, так как это понятие мы будем использовать в дальнейшем описании.

В современной социологии и социальной психологии принято следующее понимание термина "социальная роль": это "нормативно одобренный обществом образ поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную социальную позицию" [Кон 1967. С. 23; см. также: Кон. 1969; Кречмар. 1970. С. 88; Щепаньский. 1969. С. 71; СП. 1975. С. 232; Шибутани. 1969. С. 44 и след.]; социальная позиция, или статус, — формально установленное или молчаливо признаваемое место индивида в иерархии класса или социальной группы [Белл. 1980. С. 137; см. также СП. 1975. С. 233; Шибутани. 1969; и др.]¹.

Существенным компонентом социальной роли является ожидание. То, чего ожидают окружающие от поведения индивида в той или иной конкретной социальной ситуации, они вправе требовать от него, он же обязан в своем поведении соответствовать этим ожиданиям. Более или менее значительные отклонения от ожиданий, связанных с данной социальной ролью, являются нарушением норм социального поведения.

Роли могут быть обусловлены как постоянными или долговременными характеристиками человека: его социальным положением и профессией, возрастом, полом, положением в семье, — так и переменными, которые определяются свойствами ситуации: таковы, например, роли пассажира, покупателя, пациента и др.

Резюмируя сказанное о социальной роли, мы можем сделать вывод, что роль — это форма общественного поведения человека, обусловленная его положением а) в некоторой социальной группе (например, в семье, в производственной, учебной, спортивной, военной группе: ср. роли отца и сына, начальника и подчиненного, тренера и спортсмена, командира и солдата) и б) в некоторой ситуации общения — например, в ситуации купли-продажи, приема у врача, судебного заседания и т.п. (ср. роли покупателя и продавца, врача и пациента, судьи и подсудимого).

Как мы видим из приведенных примеров, пары социальных ролей — наиболее типичная форма ролевого взаимодействия людей. Соотношение ролей в таких парах может быть тройким:

1) роль первого участника ситуации (X) выше роли второго участника ситуации (Y): $P_X > P_Y$;

2) роль первого участника ситуации (X) ниже роли второго участника ситуации (Y): $P_X < P_Y$;

¹ К сожалению, в современной социологии и социолингвистике отсутствуют более или менее формальные определения таких понятий, как роль и позиция (как, впрочем, и всех других). Однако для целей нашей статьи достаточно интуитивного представления о соотношении ролей членов таких групп, как семья, учебный класс, бригада и т.д. или участников таких ситуаций, как прием у врача, купля-продажа и под. Как кажется, приведенное определение роли и дальнейшее разъяснение этого понятия на примерах вполне достаточны для понимания термина "социальная роль".

3) роли обоих участников ситуации равны: $R_x = R_y$.

Мы будем говорить: социальная роль X-а выше социальной роли У-а, если в некоторой социальной группе или в ситуации общения У зависим от X-а; и наоборот: роль X-а ниже роли У-а, если в некоторой социальной группе или в ситуации общения X зависим от У-а². При отсутствии зависимости говорят о равенстве социальных ролей членов групп или участников ситуаций.

Для ролевых отношений всех трех типов в языке существуют многочисленные лексические обозначения. При этом значения слов, называющих ролевые отношения первых двух типов, можно охарактеризовать как социально ориентированные, а слова третьей группы (такие, как *дружить, сотрудничать, сослуживец, сосед, напарник, однокурсник* и под.) — как социально не ориентированные³.

Семантическая структура слов о социально ориентированными значениями (далее мы будем рассматривать только их) содержит не менее двух актантов — агента (в другой терминологии — семантического субъекта) и адресата: *кто командует кем, кто контролирует кого, кто подчиняется кому, кто выслуживается перед кем* и т.д. Помимо актантов агента и адресата, в значение рассматриваемых слов могут входить актанты содержания (*Командир приказал нам наступать*), мотивировки (*Его наказали за нерадивость*), начальной точки (*Их выселили из квартиры*), конечной точки (*Луниг был сослан на каторгу*) и некоторые другие (об актантах содержания, мотивировки, начальной и конечной точек и др. см. [Апресян. 1974. С. 125 и след.]).

Актант адресата у некоторых слов синтаксически не выражается: ср. *диктат, диктатура, окрик, аудиенция* — при этих словах выразим лишь первый актант (*диктат крупного капитала, диктатура пролетариата, окрик генерала, аудиенция у папы*), и невозможно построение сочетаний со словами, реализующими валентность адресата (или контрагента, как в ситуации 'аудиенция'): **диктат против мелких предприятий, *диктатура против буржуазии, *окрик на подчиненного, *аудиенция епископа у папы*).

Значительная часть слов первой группы (см. с. 127) — это обозначения действий, которые связаны с выполнением данной социально-ролевой функции: командир должен командовать, подчиненный должен подчиняться, невзрослый сын должен слушаться

² Мы придерживаемся следующего толкования понятия зависимости: "X зависит от B = 'B может каузировать изменения в свойствах, состояниях или поведении X-а'" [Апресян. 1974. С. 108].

³ Ср. разграничение Н.Д. Арутюновой [1980. С. 245] симметричного и несимметричного типов значений имен. К первому относятся слова *собеседник, собутыльник, одноклассник, однополчанин, друг* и под., а ко второму — пары лексем *врач — пациент, учитель — ученик, родители — дети* и др. Соотносительность членов этих пар Н.Д. Арутюнова объясняет наличием между ними опосредующего реляционного предиката — типа *лечить, учить, родить*. Однако, как кажется, более существенным является фактор социальный: каждая такая пара — названия участников одной ситуации (*врач — пациент, учитель — ученик*) или одной социальной группы, например семьи (*родители — дети*).

родителей и не должен их слушаться и т.д. Компонент смысла, указывающий на неравенство ролей участников ситуации, здесь вполне очевиден.

Лингвистически более интересны слова, значение и употребление которых прямо не связаны с названием социально-ролевой функции. Социальная ориентированность значений таких слов не столь очевидна, как в словах *командовать*, *подчиняться* и под.: она может быть выявлена лишь в результате семантического анализа.

Рассмотрим несколько примеров.

*Слова, значение которых содержит указание
на ролевое отношение $R_x > R_y$*

В существующих словарях толкования этих слов не содержат социального компонента — т.е. указания на неравенство ролей участников обозначаемой словом ситуации. Лишь иногда этот компонент можно "вычитать" в иллюстративных примерах или (см. ниже описание глагола *благоволить* в БАС⁴) в комментариях к толкованию. Ср.:

Благоволить (устар.): "проявлять расположение к кому-н., доброжелательствовать" (СУ); "проявлять благоволение" (СО; *благоволение* в этом словаре определяется как "доброжелательство, благосклонность"); "чувствовать, проявлять к кому-либо доброжелательство, расположение (обычно об отношении высшего к низшему)" (БАС); "испытывать, проявлять доброжелательство, расположение" (МАС).

Гневаться (устар.): "быть в состоянии гнева, испытывать гнев" (СУ), "испытывать гнев" (СО), "испытывать, проявлять чувство гнева, неудовольствия; сильно сердиться" (БАС); "испытывать гнев, предаваться гневу; сильно сердиться" (МАС). А *гнев* определяется в этих словарях как "чувство сильного негодования, возмущения, раздражения".

Более детальное и глубокое толкование этого глагола находим в МПиПЛ. 1970. С. 22:

"А гневается на С за В = А испытывает активно-отрицательное эмоциональное состояние, каузированное тем, что:

- 1) А уверен, в осуществлении события В, субъект которого — лицо С,
- 2) В нежелательно для А,
- 3) А считает, что В противоречит основным принципам личной и общественной жизни,
- 4) С нежелателен для А из-за В,
- 5) А желает воздействовать на С с целью противодействовать событию В или повторению В".

⁴Принятые сокращения: БАС (Большой академический словарь) — Словарь современного русского литературного языка. М.: Л., 1950—1965. Т. 1—17; МАС (Малый академический словарь) — Словарь русского языка. М., 1957—1961. Т. 1—4; СО (Словарь Ожегова) — *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1972; СУ (Словарь Ушакова) — Толковый словарь русского языка. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935—1941. Т. 1—4.

Как видим, и в этом развернутом толковании нет указания на асимметрию ролей участников ситуации 'гневаться'.

Распекать—распечь (разг.): "сделать кому-н. суровый, строгий выговор, разбранить" (СУ); "сделать кому-н. серьезный выговор, внушение" (СО); "делать кому-либо строгий выговор; отчитывать" (БАС); "сделать строгий выговор; разбранить" (МАС). Слово *выговор*, с помощью которого толкуется глагол *распекать*, определяется как "порицание, выражение неудовольствия чем-н., сделанное старшими или начальством" (СУ). Выделенные нами компоненты последнего толкования имплицитно указывают на неравенство положения участников ситуации 'распекать'. В толкованиях, которые даются слову *выговор* в других из цитируемых словарей, нет даже и такой импликации.

Окрик: "обращенный к кому-н. резкий возглас, содержащий приказание, выговор, угрозу" (СУ); "резкий возглас с приказанием, выговором, угрозой" (СО); "возглас с приказанием, угрозой" (БАС); "возглас, содержащий приказание, предостережение, угрозу" (МАС).

Принимать—принять (в одном из своих значений): "впустить, допустить к себе для переговоров, для беседы (офиц.)" (СУ); "допустить, пустить к себе с какой-н. целью (для беседы, для осмотра, в качестве гостя, жильца и т.п.)" (СО); "пускать в дом, допускать к себе (гостя, посетителя и т.п.) || Допуская к себе, заниматься с посетителями, больными и т.п." (БАС); "допустить к себе для переговоров, для беседы || Занять, угостить (гостя) || Выслушать, осмотреть (пришедшего больного)" (МАС)'

Аудиенция (устар.): это слово семантически коррелирует с глаголом *принимать*, что отражено в имеющихся словарных толкованиях: оно считается квазисинонимом существительного *прием*, словообразовательно и семантически производного от рассмотренного выше глагола *принимать*. Ср. следующие толкования существительного *аудиенция*: "официальный прием у главы государства, у лица, занимающего высокий государственный пост" (БАС); "официальный прием у лица, занимающего высокий государственный пост" (МАС); "официальный прием у высокопоставленного лица" (СУ и СО). Ср. также толкование в "Словаре иностранных слов" (М., 1964): "официальный прием у высокопоставленного лица; прием главой государства дипломатического представителя".

Обращает на себя внимание тот факт, что толкования в БАС и МАС содержат такие компоненты, которые неоправданно суживают значение слова *аудиенция*: 'глава государства, государственный пост' (ср. возможность высказываний типа *получить аудиенцию у папы <у патриарха>*).

Каждое из рассматриваемых слов нормально употребляется только при условии, что между участниками соответствующей ситуации либо отношении $P_x > P_y$ (*благоволить, гневаться, окрик, принимать, аудиенция*), либо отношения $P_x \geq P_y$ (*распекать*). Если это условие не соблюдено, то получаются неправильные высказывания.

Это хорошо видно на примере глагола *благоволить*:

(1) *Начальник давно благоволил к этому сотруднику* ($P_x > P_y$);

(2)* *Учитель математики благоволил к своим коллегам* ($P_X = P_Y$);

(3)* *Молодой монах благоволил к настоятелю монастыря*⁵ ($P_X < P_Y$).

Анализ употребления этого глагола в текстах русской художественной литературы подтверждает наше мнение о необходимости указанного условия. При этом в качестве субъекта действия *благоволить* могут выступать не только должностные лица, старший по возрасту, старший в социальной иерархии и т.п., но и такие понятия, как судьба, счастье, красавица (см. БАС), женщина, жена и др., если они мыслятся как нечто, от чего адресат благоволения находится в какой-либо зависимости (например, добивается расположения, внимания и т.д.). Ср.:

(4) *Я втайне сознавал, что она ко мне благоволила* (Тургенев, Фауст);

(5) — *Даже жена моя обиделась, а уж на что, кажется, благоволит к вам* (А.П. Чехов, Неприятность);

(6) *Ко мне адмиральша благоволила, потому что считала меня моряком, скрывающим свое звание* (К.Г. Паустовский, Черное море; адмиральша — хозяйка дома, в котором помещалась школа для детей водников; с разрешения хозяйки Паустовский ночевал в этой школе)⁶.

Существенным компонентом ситуации 'благоволить' (и соответственно значения глагола) является выделенность второго участника ситуации из некоторой совокупности лиц; *благоволить к У-у* значит выделить У-а среди некоторого множества лиц. Вряд ли возможен такой диалог:

(7) — *А к кому ваш начальник особенно расположен?*

? — *Ни к кому: он благоволит ко всем (в равной степени).*

Ср. подчеркивание этого компонента смысла в следующем примере из рассказа И.С. Тургенева "Мой сосед Радиллов": *От него так и веяло неразборчивым благоволеньем, радушьем и почти обидной готовностью сближения с каждым встречным и поперечным*".

Употребление глагола *благоволить* связано также с определенной оценкой говорящим отношений между Х-м и У-м: ведь говорящий заключает о том, что Х благоволит к У-у на каком-то основании — а именно на основании уже имевших место фактов, свидетельствующих о повышенном внимании Х-а к У-у, о том, что Х так или иначе выделяет У-а среди остальных и проявляет к нему доброту.

Эти обстоятельства также должны быть учтены при семантическом описании глагола *благоволить*.

В ситуации 'гневаться' субъект мыслится обычно как лицо почи-

⁵ Мы рассматриваем здесь обычные, типовые отношения членов социальных групп или участников ситуаций общения, полностью соответствующие их социальным ролям, и не имеем в виду различных смещений и "осложнений" (например, таких, при которых молодой монах может оказаться сыном или родственником епископа и вследствие этого считать себя вправе смотреть на настоятеля "сверху вниз").

⁶ Примеры (4) — (6), а также (10), (15), (16) — см. ниже — заимствованы из БАС.

таемое, авторитетное, обладающее в данной социальной иерархии большой властью и т.п.⁷

Ср.:

(8) *И увидев то, царь Иван Васильевич
Прогневался гневом, топнул о землю
И нахмурил брови черные...*

(М.Ю. Лермонтов, Песня про купца Калашникова)

(9) *Государь Андрей Петрович, отец наш милостивый! Мило-
стивое писание ваше я получил, в котором изволишь гневаться
на меня, раба вашего...*

(А.С. Пушкин, Капитанская дочка);

(10) — *После сами же будете гневаться, что не разбудил <слуга
Захар — Обломову> (И.А. Гончаров, Обломов).*

Невозможно:

(11) * *Лакей разгневался на барина <на хозяина> (за выговор, кото-
рый тот ему устроил);*

(12) * *Мальчик гневается на учителя (который выгнал его из класса)*
(в обоих этих примерах описываются "перевернутые" ролевые
отношения: $P_x < P_y$)⁸; и сомнительно:

(13)⁹ *Гневаться на товарища за столь незначительный поступок —
дело недостойное ($P_x = P_y$).*

Высказывания типа (14), хотя и возможные, воспринимаются
как сделанные с установкой на шутку:

(14) — *Ты уж не гневайся: мы тут без тебя хозяйничаем, —
сказал мне приятель.*

В значении глагола *гневаться*, таким образом, присутствует
элемент оценки говорящим субъекта гнева: прежде чем упо-
требить глагол, говорящий должен решить, "достойно" ли — по
своему авторитету, власти, весу и т.п. — лицо, о котором идет
речь, соответствующего почтения или же о нем можно сказать
сердиться, злиться и т.п.

Кстати говоря, именно благодаря наличию этой оценки воз-
можно шутливое употребление глагола, как в (14): оно обусловлено
не столько устарелостью глагола (ср. стандартное указание в учеб-
никах лексикологии: архаизмы могут использоваться в современном
языке с целью иронии, шутки и т.п.), сколько тем, что говорящий

⁷ Любопытно, что авторы цитируемых словарей не обратили внимания на характер
приведенных ими примеров: эти примеры в почти явном виде содержат указание
на особый статус субъекта гнева — это царь, барин, начальник и т.п. Ср.
иллюстрации, приведенные в СУ: В карете *барыня-с*, и гневаться изволит (А.С. Гри-
боедов); Князь Курбский от *царского* гнева бежал (А.К. Толстой); в СО: *гневный
начальник*; в БАС: — Что? — сказала напуганная Наташа, — я бредила Вале-
рианом? *Батюшка* слышал, *батюшка* гневается! (А.С. Пушкин); в МАС: <В письме>
было прибавлено, что, без сомнения, Степан Михайлович не будет гневаться за
нарушение его приказанья (С.Т. Аксаков).

⁸ Может показаться, что фразы типа (11) и (12) неприемлемы просто потому,
что в них использован устарелый глагол *гневаться*. Однако и в примерах (8),
(9) этот глагол, бесспорно, ощущается как устарелый — тем не менее эти
предложения мы вряд ли сочтем неправильными. Стало быть, дело не в архаичности
глагола, а в соблюдении/несоблюдении условия об асимметричности социальных
ролей участников ситуации 'гневаться'.

проявляет мнимое почтение к лицу, относительно которого употребляется глагол *гневаться*.

Оценка, присутствующая в значении этого глагола, — иного рода, нежели оценка в ситуации 'благоволить', здесь она непосредственно связана со статусом субъекта гнева (объективным или приписываемым ему говорящими). Характерно, что она не указана в приведенном выше толковании из МПиПЛ [1970]; это было бы возможно лишь при специальном внимании к статусу субъекта гнева и к ролевым отношениям между субъектом и адресатом.

Употребление глагола *распекать* нормально при отношениях $P_x > P_y$ и $P_x = P_y$ и невозможно при отношении $P_x < P_y$. Ср.:

- (15) *Вспомните сцену, где городничий распекает купцов за их донос ревизору* (В.Г. Белинский, Русская литература в 1843 году);
- (16) *<Становой> был только что распечен исправником за пьянство и теперь был в припадке усердия* (Л.Н. Толстой, Поликушка);
- (17) **Подросток распекал родителей за то, что они поздно пришли домой с работы;*
- (18) **Подчиненные распекали начальника за грубость.*

Еще одним условием нормального употребления глагола *распекать* является наличие между X-м и Y-м некоторых долговременных отношений, при которых X считает своим долгом в какой-либо форме заботиться об Y-е. Поэтому чаще всего распекают младших в семье, непослушных учеников, нерадивых подчиненных, больных, не выполняющих режима лечения, и т.п. Этот глагол неуместен в ситуации общения малознакомых или совсем незнакомых людей. Ср.:

- (19) **Продавица распекала покупателя за пролитую сметану* (правильнее было бы: *ругала, бранила*).

Кроме указанных условий, в значении глагола *распекать* существенны следующие компоненты:

1) X уверен, что Y совершил поступок Q или что Y непосредственно причастен к событию Q. Ср.:

- (20) *Мама долго распекала меня за случившееся: ведь я был старшим и не должен был допустить, чтобы Саша испортил скатерть;*

2) X осуждает Q;

3) X пытается внушить Y-у, что Q — плохо и что в дальнейшем Q не должно иметь места;

4) речевое действие, обозначаемое глаголом *распекать*, более или менее продолжительно;

5) X подробно перечисляет недостатки поведения Y-а (ср. *бранить, ругать*, для значений которых 4-й и 5-й признаки несущественны);

6) речь X-а высокоэмоциональна (ср. *порицать*, в значении которого этого компонента нет);

7) X непосредственно обращается к Y-у — нельзя распекать Y-а в общении с Z-м (ср. *осуждать, критиковать*, для значений которых этот признак необязателен).

При описании смысла слова *окрик*, помимо (1) указания на обязательную асимметрию ролей участников ситуации ($P_X > P_Y$), необходимы следующие признаки:

2) X отрицательно оценивает поведение У-а;

3) поведение У-а актуально;

4) X стремится изменить поведение У-а так, чтобы отрицательно оцениваемые X-м факты этого поведения в дальнейшем не имели места;

5) X хочет, чтобы поведение У-а изменилось немедленно;

6) X непосредственно обращается к У-у (ср. *угроза*: в значении этого слова нет указанного признака). Ср. (21) — (25):

(21) *Вы этими окриками немногого добьетесь от сына (от подчиненных, от учеников);*

(22) — *Сядь на место! — посышался раздраженный окрик отца;*

(23) **Юрины окрики, с которыми он обращался к начальнику, не возымели действия (ситуация "перевернутых" ролевых отношений: вм. $P_X < P_Y$ — $P_X > P_Y$);*

(24) **Слышится окрик учительницы: — Завтра я вызову твоих родителей! (налицо угроза, но нет стремления путем окрика изменить поведение адресата);*

(25) ** — Перестаньте носить короткие юбки! — долетел из 10-го "Б" окрик директора (налицо приказание, содержащее стремление изменить поведение адресата, но это поведение не является актуальным).*

В интересующем нас значении глагола *принимать—принять* существенны такие смысловые компоненты:

1) роль X-а выше роли У-а;

2) X исполняет служебную роль (нельзя, например, об отце сказать, что он принял сына, если они оба исполняют семейные роли или их общение происходит не в служебной обстановке);

3) X является "хозяином" ситуации: действие 'принимать' осуществляется в привычной для X-а служебной обстановке: например, в его кабинете, в приемной и т.п. Ср. похожее замечание О.Н. Селиверстовой, подвергавшей анализу значение этого глагола: « X осуществляет свои профессиональные или светские функции на своей "территории"» [Селиверстова. 1975. С. 118];

4) инициатива контакта исходит от У-а;

5) контакт X-а и У-а осуществляется с целью коммуникации (ср. выражение типа *принимать жильцов на постой*, где нет этого смыслового компонента и где реализуется другое значение глагола *принимать*);

Ср. следующие примеры:

(26) *Вчера президент Франции принял посла США и имел с ним продолжительную беседу;*

(27) *Председатель исполкома (невропатолог) принимает по вторникам с 15 до 19 часов;*

(28) **Посол Франции принял президента США;*

(29) **Директор завода принял министра.*

Интересно, что условие об асимметрии ролей является более сильным, нежели условие о наличии инициативы со стороны У-а. Ср. некорректность предложений типа:

- (30) **Посол Франции принял президента США по его просьбе* (но добавление только одного слова; *принял бы в шезо президента США* — делает предложение правильным: "действующий" посол и бывший президент находятся, конечно, в ролевых отношениях $R_x > P_y$).

Те же смысловые компоненты (которые мы отметили у глагола *принимать*) релеванты и для значения слова *аудиенция*. Ср. следующие примеры:

- (31) *Президент дал аудиенцию послу Норвегии* (эксплицировано условие о неравенстве ролей, остальные компоненты не выражены);
(32) *Епископ долго добивался аудиенции у папы* (эксплицировано условие о неравенстве ролей и компонент, указывающий на инициативу У-а: ср. глагол *добиваться*);
(33) **Папа получил аудиенцию у епископа* (нарушены условия об асимметрии ролей и об инициативе контакта; *получил* в данном случае имплицитно означает 'разрешение', т.е. выходит, что разрешило аудиенцию лицо, исполняющее более низкую роль).

Кроме того, существенно еще одно условие: лицо, дающее аудиенцию, должно занимать не просто официальное, а очень высокое положение в социальной иерархии (поэтому слова, реализующие первый актант, следует, возможно, задать списком: *папа, патриарх, кардинал, митрополит, президент, король, монарх, император, царь* и, может быть, еще некоторые). Относительно лиц, занимающих хотя и официальное, но недостаточно высокое положение, слово *аудиенция* применяется редко⁹.

*Слова, значение которых содержит указание
на отношение $R_x < P_y$*

Среди лексики, составляющей эту группу, также есть слова, которые обозначают действия, связанные с выполнением социально-ролевых функций: *подчиняться, рапортовать, услужение (быть в услужении)* и др. Их мы здесь рассматривать не будем ввиду полной очевидности наличия в их значениях компонента, указывающего на неравенство ролей участников ситуации (или членов социальной группы).

Не столь очевидно присутствие этого компонента в значениях глаголов *грубить, дерзить, резать (правду в глаза)* и некоторых

⁹Такое сужение круга слов, реализующих первую семантическую валентность слова *аудиенция*, произошло, по-видимому, вследствие устаревания самого этого существительного. В XIX в., когда оно употреблялось более свободно, этот круг был шире. Ср. следующие цитаты из произведений прошлого века: *После обеда Порфиша был призван на аудиенцию к отцу* (М.Е. Салтыков-Щедрин); — *Да вот нынче поеду к барону Воробьеву, вчера не мог добиться аудиенции* (Л.Н. Толстой). Примеры заимствованы из БАС и МАС.

других (мы ограничимся рассмотрением лишь перечисленных трех лексем).

Приведем сначала имеющиеся словарные толкования этих глаголов. В них, как и в толкованиях слов предыдущей группы, не отражена ролевая асимметрия участников соответствующих ситуаций.

Грубить — во всех словарях толкуется как "говорить грубости", *грубость* (в одном из двух своих значений) — "грубое выражение, грубый поступок", *грубый* — "недостаточно культурный, неучтивый, неделикатный".

Сходным образом истолковано прилагательное *дерзить*: "говорить дерзости", *дерзость* — "дерзкий поступок, дерзкое высказывание", *дерзкий* — "непочтительный, оскорбительно грубый".

Поскольку *дерзкий*, как мы видим, определяется через *грубый*, то эти прилагательные, так же как и их производные *грубость* — *дерзость*, *грубить* — *дерзить*, на основании словарных толкований следовало бы считать квазисинонимами, причем *дерзкий* уже по значению, чем *грубый*. Ниже мы попытаемся показать ошибочность такой трактовки.

Резать (в одном из значений) — "говорить прямо, открыто, не стесняясь" (СУ); "говорить прямо, открыто" (СО); "говорить прямо, резко, с грубой откровенностью" (БАС); "говорить прямо, без обиняков, не стесняясь" (МАС).

Рассмотрим каждый из глаголов более подробно.

Помимо общего для них компонента, указывающего на тип ролевых отношений между участниками ситуаций, значения этих слов обладают специфическими свойствами, которые необходимо учитывать в семантическом описании.

В обычном своем употреблении глагол *грубить* предусматривает два типа ролевых отношений между участниками называемой им ситуации: $R_x < P_y$ и $R_x = P_y$. Ср. (34), (35) — и (36):

(34) *Не груби отцу (старшим)!*

(35) *Мальчик плохо учится, грубит учителям;*

(36) *Мы же с тобой друзья, а ты не хочешь говорить со мной нормально: все время злишься, грубишь.*

Некорректны высказывания типа (37) и (38), описывающие ролевое отношение $R_x > P_y$:

(37) **Отец грубит сыну;*

(38) **Учитель грубит ученикам.*

Есть, однако, некоторое различие в употреблении этого глагола в зависимости от того, какие отношения X-а и Y-а он описывает. Если эти отношения институционализованы, т.е. находятся в рамках некоторой социальной иерархии (семьи, школы, воинского подразделения и т.п.), то обычным является применение *грубить* при описании действий младшего относительно старшего: грубят отцу, матери, учителю, начальнику, командиру и т.п. Возможно в этом случае употребление глагола *грубить* и при ролевой симметрии (*Не груби друзьям*).

Если же отношения X-а и Y-а возникают в ситуациях общения, таких, как купля-продажа, водитель и автоинспектор и под..

то глаголом *грубить* можно описывать речевые действия и того лица, которое в этой ситуации является "хозяйном", т.е. роль которого выше роли адресата действия.

Так, вполне возможны высказывания типа (39) и (40):

(39) — *Вы мне, товарищ лейтенант, не грубите, а объясните, в чем я виноват!* (разговор водителя с автоинспектором);

(40) *Эта продавщица постоянно грубит покупателям.*

Последний пример является иллюстрацией к сказанному выше лишь в том случае, если мы признаём, что в ситуации "магазин" покупатель зависит от продавца, а не наоборот.

Для значения глагола *грубить* существенно также то, что это — речевое действие: грубость выражается в словах, в интонации, в сопровождающих речь жестах и т.п. Нельзя описывать этим глаголом невербальное непочтение одного человека к другому. Повидимому, неуместен этот глагол в следующем предложении:

(41) **Дочь часто грубит мне: молчит, поворачивается спиной, хлопает дверью ...* (ср. возможные здесь выражения: *ведет себя непочтительно, грубо, по-хамски* и т.п.).

В отличие от этого содержанием действия *дерзить* является не "поверхностная", не чисто словесная грубость, а непочтение по существу: можно говорить дерзости (= *дерзить*), не употребляя ни одного грубого слова.

Глагол *дерзить* в большей степени, чем *грубить*, ориентирован социально: дерзят обычно младшие (по возрасту, по чину) старшим. Например:

(42) *Почему ты дерзишь маме?*

(43) *Коля надерзил директору и даже не извинился;*

(44) *Хотя молодой офицер говорил тихо и вежливо, все понимали, что он дерзит генералу.*

Во всех трех примерах имеется в виду отношение $P_x > P_y$. Нельзя сказать:

(45) **Учитель постоянно дерзил ученикам* ($P_x > P_y$);

(45) **Мальчик дерзит товарищам* ($P_x = P_y$).

Кроме этих глаголов, в русском языке имеются предикативные сочетания *быть грубым с кем-либо* и *быть дерзким с кем-либо*. На первый взгляд кажется, что эти сочетания полностью синонимичны глаголам *грубить* и *дерзить* соответственно. В действительности, однако, социально ориентированным является лишь выражение *быть дерзким с кем-либо*: его употребление нормально только при наличии возрастного (или служебного, но в сочетании с возрастным) контраста участников общения (младший — со старшим). Например:

(47) *Девочка дерзка с матерью;*

(48) *Молодая сотрудница недопустимо дерзка с начальником.*

Выражение *быть грубым с кем-либо* социально не ориентировано (и, стало быть, по смыслу оно шире, чем оборот, *быть дерзким*). Сравните (49), (50) и (51):

(49) *Мальчик (Покупатель) груб с учителями (с продавцом)* (отношение $P_x < P_y$);

(50) *Начальник (Врач) груб с подчиненными (с пациентом) (отношение $P_x > P_y$);*

(51) — *Почему ты был так груб с товарищами?* (отношение $P_x = P_y$).

Примером, "покрывающим" все три типа ролевых отношений, является следующее предложение из романа И.А. Гончарова "Обломов":

(52) *Никогда не стеснялся он <Тарантьев> ничьим присутствием и в карман за словом не ходил, и вообще постоянно был груб в обращении со всеми, не исключая и приятелей.*

Глагол *резать* (в интересующем нас значении) описывает два типа ролевых отношений: $P_x < P_y$ и $P_x = P_y$. Ср. (53) и (54):

(53) *На работе он <герой повести> смел, инициативен, режет "правду-матку" начальству, а дома, в разговорах с женой — весь какой-то поникший и нерешительный (Лит. газ., 1982. 15 сент.);*

(54) *Мы с ним давние друзья, но, бывает, он нисколько не щадит моего самолюбия: режет мне в глаза все, что думает о моем поведении.*

Неестественно употребление этого глагола при соотношении ролей $P_x > P_y$:

(55) **Директор режет правду в глаза подчиненным;*

(56) **Учитель резал правду ученикам.*

Существенными компонентами его значения (помимо ролевой асимметрии типа $P_x < P_y$ или равенства ролей) являются следующие:

1) X оценивает отрицательно некоторые факты;

2) X считает, что Y имеет к этим фактам непосредственное отношение;

3) X не скрывает и не смягчает никаких неприятных для Y-а деталей из того, что X знает о фактах;

4) X не заботится о последствиях своих речевых действий, обозначаемых этим глаголом; ср. (57):

(57) *Шуре хорошо, она классный специалист, кому бы она там ни мешала, никто ее не тронет — иначе кто работать будет? Вот он и режет свою правду, не боится (М.Рощин, Шура и Просвирняк);*

5) Об указанных фактах X сообщает Y-у устно, при непосредственном общении (нельзя резать правду заочно — об этом свидетельствует и семантика оборота *резать в глаза*).

Относительно анализируемого значения глагола *резать*, а также относительно ряда других слов, обозначающих ситуации с ролевой асимметрией типа $P_x < P_y$, следует отметить одну общую существенную особенность. Большая часть этих слов употребляется применительно к институционализированным отношениям между младшим и старшим (в семье, в служебной обстановке и т.п.): ср.: *перечить (прекословить) отцу, пререкаться с бабушкой*, но не **перечить (прекословить) незнакомому старику, *пререкаться с прохожими*. Для некоторых же других слов это условие необя-

зательно — достаточен только возрастной контраст (ср. *непочтение к старшим*).

Социальный компонент может присутствовать в значениях не только лексически и грамматически самостоятельных единиц языка, но и таких, которые реализуют свое значение лишь при сочетании с другими словами. Такова, например, модальная частица *-ка*, присоединяемая к глагольным формам повелительного наклонения.

В словарях и грамматиках эта частица описывается следующим образом:

"ставится после повелительного наклонения и заменяющих его форм и выражений для придания оттенка увещания, для смягчения приказания. *Ступай-ка отсюда. Дайте-ка пройти. Ну-ка, дружок, спойте нам что-нибудь*" (СУ); "употребляется для смягчения просьбы, приказания. *Спой-ка. Ну-ка, покажи*" (СО); "употребляется после повелительного наклонения для выражения приказания, понуждения к действию, приглашения и т.п." (БАС); "употребляется для смягчения приказания, для выражения просьбы, увещания, придавая оттенок непринужденности, простоты обращения" (МАС); "С формами повелительного наклонения сочетается... постпозитивная частица *-ка*, смягчающая императивность требования:

... *моя хозяйка*

Была пригожа и добра,

А муж-то помер, замеча й-ка

(Пушкин, "Гусар") [Виноградов. 1947. С. 674];"

"К частицам с несвободной позицией относится... частица *-ка*, вносящая в форму побудит. наклонения оттенок смягчения: *Иди-ка отсюда! Пусть-ка он сам попробует*" [ГСРЛЯ. 1970. С. 613]; "модальная частица, смягчающая просьбу, побуждение (*помолчи-ка*)" [РГ. 1980. С. 728]¹⁰.

В этих определениях не учтены, по крайней мере, два обстоятельства, необходимые для правильного понимания и употребления глагольных форм повелительного наклонения с частицей *-ка*:

1) говорящий и слушающий должны быть знакомы друг с другом (на это условие есть слабый намек в толковании, содержащемся в МАС: ср. компонент 'непринужденность, простота обращения');

2) роль говорящего не ниже роли слушающего ($P_x \geq P_y$).

Нормальное общение с незнакомым человеком невозможно с помощью фраз типа (58) и (59), где нарушено первое условие:

(58) *Дайте-ка мне газету;*

(59) *Подвиньтесь-ка!*

Невозможно также обращение, скажем, ученика к учителю, когда нарушено второе условие:

(60) **Повторите-ка задание.*

¹⁰Употребление частицы *-ка* с глагольными формами 1-го лица (*скажу-ка я ему, пойдём-ка вместе*) отражает другое значение этой частицы (см. словари и грамматики) и здесь не рассматривается.

Ср.:

(61) *Повторите, пожалуйста, задание.*

Употребляя глагольные формы повелительного наклонения с частицей *-ка*, говорящий не только выражает просьбу или побуждает адресата к действию, но и исходит из предположения, что адресат должен — по своей социальной роли — эту просьбу выполнить. Кроме того, у него есть уверенность, что адресат понимает, что он по своей социальной роли обязан выполнить просьбу (или приказание) говорящего. Такое обоюдное понимание необходимо для того, чтобы процесс общения протекал нормально и не вызывал недоумения или протеста со стороны адресата (что вполне вероятно при нарушении указанных выше условий).

Таким образом, частица *-ка* служит не для смягчения, а скорее для усиления просьбы или побуждения. В пресуппозиции фраз, содержащих формы повелительного наклонения с частицей *-ка*, имеется нечто вроде следующего смысла: 'говорящий, будучи хорошо знаком с адресатом и исполняя роль, которая не ниже роли адресата, и считая, что адресат должен выполнить указания говорящего...'

Обсудим теперь вопрос о месте, которое должна занимать информация об асимметрии ролей участников ситуации в толковании языковых единиц, называющих эти ситуации.

Из рассмотренного выше материала видно, что подобная информация является как бы фоном употребления данной единицы, условием правильного ее использования, ситуативной уместности предложений, содержащих такие единицы. Следовательно, место указанной информации — в пресуппозитивной части толкования¹¹.

Пресуппозиционный характер "социального" компонента значений обуславливает и тип неправильностей, которые возникают в случае, если этот компонент не учитывать при употреблении социально ориентированных слов: это — прагматические неправильности. В отличие от собственно языковых аномалий (типа **оказывать впечатление* вм. *производит впечатление*) и логически противоречивых высказываний (типа *круглый квадрат* или *опускаться наверх*) (о разграничении тех и других см. Апресян. 1978) — прагматические неправильности возникают тогда, когда нарушаются условия — ситуативные, социальные, культурные и т.п. — употребления данной языковой единицы.

Такое решение вопроса о месте "социального" компонента в толковании вполне согласуется и с поведением слов с социально ориентированными значениями в отрицательных предложениях (когда частица *не* стоит непосредственно слева от слова, обозначающего асимметричные ролевые отношения): значение частицы *не* присоединяется не ко всему значению слова, а лишь к той его части, которая остается за вычетом указания на асимметрию ролей (т.е. к ассертивной части).

¹¹ О соотношении пресуппозитивной и ассертивной частей толкования см., в частности [Fillmore, 1969 и Апресян. 1980].

Например, говоря:

(62) *Начальник вовсе и не благоволит к этому сотруднику*, мы отрицаем того факта, что роль начальника выше роли сотрудника, — мы отрицаем лишь наличие особого, "выделенного" отношения первого ко второму.

Точно так же взаимодействует отрицание и со значениями других рассмотренных нами слов.

Ср. следующие примеры:

(63) *Барин не гневался на холопа (, а был лишь слегка раздосадован его поступком);*

(64) *По утрам старый генерал уже не распекает своего денщика (, а только вяло ворчит на него);*

(65) *Вы бы с сыном полегче: здесь нужен не окрик, а внушение;*

(66) *Сегодня председатель исполкома не принимает посетителей;*

(67) *Епископ добивался если не аудиенции, то хотя бы неофициальной встречи с кардиналом;*

(68) *Мальчишка исправился: стал лучше учиться, не грубит взрослым;*

(69) *Постарайтесь не дерзить начальству, и все будет хорошо!*

(70) *Никакой правды он не резал (, а просто мнение свое высказывал).*

В заключение обратим внимание на следующее обстоятельство.

Обычно социальные факторы интерпретируются как нечто внешнее по отношению к языку. Они могут, например, убыстрять или замедлять ход языковой эволюции, которая совершается по своим внутренним законам (диахронический аспект их влияния на язык), или обуславливать выбор средств в тех или иных условиях коммуникации (синхронический аспект).

Материал, рассмотренный в этой статье, как кажется, позволяет говорить о более глубоком проникновении социального в ткань языка, в частности о существенной роли сведений, касающихся социальных взаимоотношений людей, в семантическом описании языковых единиц: толкования последних должны в явном виде содержать такие сведения.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974.

Апресян Ю.Д. Языковая аномалия и логическое противоречие // "Tekst. Język. Poetyka". W-wa, 1978.

Апресян Ю.Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "Смысл=Текст". Wien, 1980. (Wiener slawistischer Almanach, Sonderband 1).

Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980.

Белл Роджер Т. Социолингвистика / Пер. с англ. М., 1980.

Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1947.

ГСРЛЯ — Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

РГ — Русская грамматика. М., 1980. Т. 1.

Карцевский С.О. Язык, война и революция. Берлин, 1923.

Кон И.С. Социология личности. М., 1967.

- Кон И.С.* Личность и ее социальные роли // Социология и идеология. М., 1969.
- Кречмар А.* О понятийном аппарате социологической концепции личности // Социальные исследования. М., 1970. Вып. 5.
- Мартине А.* Структурные вариации в языке // Новое в лингвистике. М., 1965. Вып. IV.
- МПлП — Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1970. Вып. 13.
- Ожегов С.И.* Об изменениях словарного состава русского языка // ВЯ. 1953. N 2.
- Ожегов С.И.* Лексика // Русский язык и советское общество: Проспект. Алма-Ата, 1962.
- Петрищева Е.Ф.* Стилистические изменения в лексике // Русский язык и советское общество. М., 1968. Кн. 1.
- Поливанов Е.Д.* Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- РЛСРЯ — Развитие лексики современного русского языка. М., 1965.
- РЯиСО — Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование. М., 1968. Кн. I—IV.
- Селиверстова О.Н.* Компонентный анализ многозначных слов. М., 1975.
- Селищев А.М.* Язык революционной эпохи. М., 1928.
- СП — Социальная психология: Краткий очерк. М., 1975.
- Шибутани Т.* Социальная психология / Пер. с англ. М., 1969.
- Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
- Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии / Пер. с польск. М., 1969.
- Fillmore Ch.* Types of lexical information // Studies in syntax and semantics / Ed. F. Kiefer. Dordrecht, 1969.
- Frey M.* Les transformations du vocabulaire français à l'époque de la révolution (1789—1800). P., 1925.
- Jakobson R.* Vliv revoluce na ruský jazyk. Pr., 1921.
- Mazon A.* Lexique de la guerre et de la révolution en Russie (1914—1918). P., 1920.
- Seidel E. und Seidel-Sloty I.* Sprachwandel im Dritten Reich. Halle, 1961.
- Weinreich U., Labov W., Herzog M.* Empirical Foundations for a Theory of Language Change. Austin, 1968.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЯЗЫКА

Проблема социальной обусловленности развития языка, являясь одной из кардинальных в современной социальной лингвистике, представляет собой сложный вопрос. С одной стороны, для каждого исследователя совершенно очевидно наличие связи между социальными и языковыми явлениями, односторонняя обусловленность последних, с другой стороны, непонятен сам механизм воздействия социальных факторов на язык [Филин. 1982. С. 107]. Трудности возникают не только из-за крайней сложности сопоставляемых объектов — социума и языка, но и из-за сложной опосредованности одностороннего воздействия социума на язык. В связи с этим методологически важным является: 1) разграничение социального и языкового при описании промежуточных континуумов между социумом и языком; 2) изучение форм одностороннего воздействия общества на язык; 3) выделение социолингвистической доминанты в совокупности социальных факторов.

Вопрос о взаимодействии социального и языкового, в частности проблема влияния социальных факторов на языковое развитие, в советской социолингвистике решается на основе разработанной классиками марксизма-ленинизма теории социального взаимодействия, на

принятых в современной марксистской социологии положениях о взаимодействии различных сторон жизни общества при определяющей роли экономической структуры [Маркс, Энгельс. Т. 37. С. 395].

Функциональное развитие языка, как известно, определяется совокупностью социальных и языковых факторов: оно детерминировано, с одной стороны, языковой политикой, с другой — состоянием языка, под которым понимается "совокупность всех видов его вариативности, как функционально нагруженных, так и не имеющих ярко выраженной функциональной нагрузки" (Степанов. 1976. С. 30). Состояние языка (его компоненты) включает функциональные стили (официально-деловой, научный, художественный, обиходно-разговорный и др.), формы существования (диалект, общенародный язык, национальный язык и др.) и формы реализации (устная, письменная). Компоненты языкового состояния, представляя собой концентрированное выражение в языке социально-речевой и социально-языковой практики, создают предпосылки для дальнейшего развития функциональных стилей, форм существования и форм реализации языка в связи с развитием общества, хотя судьба каждого из компонентов различна, поскольку языковое состояние одновременно включает развивающиеся компоненты (функциональные стили), уходящие в прошлое (диалекты) и постоянные (формы реализации языка).

Решение проблемы социальной обусловленности языкового развития кроется в правильной интерпретации дихотомий "сфера — функция", "функция — язык", поэтому вопрос о влиянии функционального развития языка на его стилистическую систему нельзя осветить, не определив понятие "сфера", не выяснив лингвистические критерии сфер общения, а также не выяснив доминантные социальные и лингвистические параметры сферы общения, функций языка. Видимо, описание сфер общения в зависимости от целей исследования может быть различным¹², но совершенно очевидно, что в социолингвистическом описании 1) в число критериев сферы должен быть введен языковой, 2) наряду с классификациями, носящими универсальный характер, могут иметь место классификации частные, имеющие характер рабочей гипотезы при описании материала. Сфера общения — это область организованной деятельности людей в процессе производства и потребления духовных и материальных ценностей, языковые характеристики которой определяются ролью языка в достижении цели.

Понятие "сферы" в социолингвистическом описании занимает место, наиболее приближенное к социуму, поскольку является формой его существования. Роль (функция) языка в различных сферах неодинакова: в материальном производстве язык преимущественно играет организующую роль, объединяя трудовой коллектив в единую речевую общность, способную производить совместные целенаправленные действия; в сферах духовной культуры наряду с организующей коллектив ролью язык выполняет другие функции, например, в сфере высшего образования превалирует функция передачи опыта другим поколениям, в сфере литературы — функция воздействия и т.д.

¹²См., например, описание сфер общения, ориентированное на усвоение второго языка по принципу коммуникативной направленности А.А. Метсы [1980. С. 36—40].

Функция (роль) языка занимает промежуточное положение между "социальным" членом дихотомии "социум — язык" и языковым — "стиль языка". Социально детерминировано возникновение сферы как области организованной целенаправленной деятельности людей, экстенсивность и интенсивность ее развития, а также выбор языка для сферы общения в условиях многоязычия или двуязычия, который осуществляется с учетом принципов национально-языковой политики, с одной стороны, а также в зависимости от языкового состояния каждого из языков-претендентов — с другой. Так, ленинская национально-языковая политика провозгласила равноправие всех языков народов Советской страны, однако функциональное их развитие не было выравнено, поскольку при планировании дальнейшего применения того или иного языка в разных сферах общения учитывалось его состояние: наличие письменности, литературы, терминологии разных отраслей знания, степень нормированности, традиции применения в определенной функции. Теоретически все сферы общения через функции языка должны способствовать выработке соответствующих функционально-языковых разновидностей, однако наблюдения над разными языками показывают неравномерность и неадекватность дифференциации сфер общения и соответствующих им языковых средств. Даже в таком развитом языке международного и межнационального общения, каким является русский язык, обладающий максимальной функционально-стилистической дифференциацией, обнаруживается ее несоответствие системе сфер общения. Видимо, это обусловлено 1) полифункциональностью литературного языка, способного гибко удовлетворять нужды разных сфер общения, 2) ролью языка в разных областях деятельности. Во всяком случае, в тех сферах общения, в которых язык выполняет лишь роль организатора микросоциальной общности, особая функционально-языковая разновидность (стиль) обычно не формируется (например, торговля, транспорт и др.), в то время как, выполняя функцию передачи опыта новым поколениям, фиксации этого опыта, язык нуждается в научно-учебной функционально-языковой разновидности.

Стилистическая дифференциация является в наибольшей степени социально обусловленным в своем развитии уровнем языковой системы. "Стилистические системы в большей степени, чем все остальные, зависят от развития общественных функций языков" [Дешериев, Протченко. 1968. С. 293], поэтому "проблема развития и нормализация литературного языка неразрывно связывается с вопросом о его "стилях", или функционально-речевых разновидностях, закрепленных за теми или иными общественными сферами его употребления" [Виноградов. 1955. С. 306]. Понятие "стиля языка" в основном определяется теорией функций языка, поэтому стиль языка — это "структурный облик функции языка" [Митрофанова. 1973. С. 12]. Само понятие стиля выдвигается функциональной целесообразностью: "... стили речи — это не что иное, как различные типы функционирования языка, обслуживающие разные стороны жизни и деятельности общества и отличающиеся друг от друга специфическими характеристиками" [Кожина. 1966. с. 13]. Наиболее развернутое и,

на наш взгляд, точное социолингвистическое определение функционального стиля находим у М.Н. Кожинной: "Функциональный стиль речи — это определенная социально осознанная разновидность речи, соответствующая той или иной сфере общественной деятельности и форме сознания, обладающая своеобразной стилистической окраской, создаваемой особенностями функционирования в этой области языковых средств и специфичной речевой организацией (структурной), имеющей свои нормы отбора и сочетания языковых единиц, определяющиеся задачами общения в соответствующей сфере" [Там же].

Социальным коррелятом понятия "функциональный стиль" является сфера использования языка (коммуникативная сфера, сфера общения), поэтому в научных трудах обычно различаются варьирование языка, обусловленное коммуникативной сферой, и варьирование языка, детерминированное ситуацией общения [Швейцер, Никольский, 1978. С. 74; СФДЯ. 1977. С. 9].

Специфика сферы и цели коммуникации определяют стилевые черты соответствующей функционально-языковой разновидности. Варьирование целей коммуникации вызывает изменения речевых средств: общение — обиходно-бытовой стиль, сообщение — научный, деловой (обиходно-деловой и официально-деловой), документальный, воздействие — публицистический, беллетристический и т.д. Научный стиль выступает в наиболее чистом виде в научном общении, научной информации (жанры научной статьи, научного доклада). Его научно-учебная разновидность применяется с целью передачи знаний: в сфере обучения (жанры учебника, учебной лекции, реферата). Общеобразовательные и просветительские нужды обеспечиваются научно-популярным подстилем научного стиля, а в сфере производства применяется его научно-производственная (техническая) вариация.

Расхождения в сферах использования научного стиля не влекут за собой значительных различий дифференциальных признаков подстилей научного стиля, поскольку объект отражения остается во всех случаях тем же — определенный уровень той или иной отрасли науки. Хотя эти подстили, выполняя различные социальные функции, применяются в разных сферах общения, всем им присущи главные признаки конвергентной функциональной разновидности, объединяющей названные подстили под одной рубрикой. Различия, наблюдаемые между подстилями, имеют преимущественно количественный характер: в вузовском преподавании используются не все термины соответствующей отрасли науки, а лишь основные, общепризнанные, поэтому становится возможным составление словарей-минимумов, в сфере производства применяются не все научно-технические термины, а лишь те, которые необходимы для организации производства, и т.д.

При решении вопроса о соотношении функций языка и функциональных стилей, видимо, необходимо выделить функционально-языковые разновидности, объединяющие несколько "родственных" сфер — конвергентные стили. Конвергентные функционально-языковые разновидности применяются в тех областях деятельности, которые детерминируют другие иерархически устроенные по

отношению друг к другу сферы, например научный стиль — конвергентная языковая форма сферы науки: производство — реализация научных идей, их превращение в материальные ценности, высшее образование — передача накопленного научного опыта, знаний новым поколениям специалистов, школа — передача научных сведений общеобразовательного характера, просветительская работа — ознакомление широких масс специалистов с достижениями науки. Дивергентные функционально-языковые разновидности языка представляют собой подстили, иерархически подчиненные конвергентным разновидностям.

Социальная обусловленность развития разных уровней языка проявляется дифференцированно: для появления целого пласта новой лексики достаточен небольшой промежуток времени, а формирование стиля проходит в течение десятилетий и даже столетий. За 40 лет Советской власти в Литве в речевой практике литовского народа появился пласт общественно-политической лексики, отражающей новую общественно-политическую систему [Симонайтите. 1982], а функциональные стили лишь развивались и совершенствовались, причем наиболее интенсивно протекали эти процессы в публицистическом стиле, как и в других языках народов СССР, формирующемся под влиянием стиля переводов произведений В.И. Ленина. Развитие этого стиля, интенсификация процессов его совершенствования обусловлено рядом экстралингвистических факторов — активизацией общественной жизни, ростом и широким распространением социалистической печати, повышением грамотности и общего культурного уровня "потребителя" газет — широких слоев населения.

Закономерности отбора и сочетания лексического и грамматического материала, социальная обусловленность процессов речевой стандартизации относятся к наиболее сложным проблемам современного языкознания. Эти закономерности обусловлены внутрilingвистическими и экстралингвистическими факторами, причем последние могут как стимулировать, так и тормозить развитие стилей, детерминированное изнутри спецификой внутрисистемных отношений. Направление и характер развития функциональных стилей регламентируются функционально-стилевой нормой, под которой понимаются правила употребления языка в речеобразовании, принятые в данной сфере общения (функциональном стиле) и соответствующие наивысшей эффективности этого общения [Солганик. 1984. С. 46.]. Наиболее ярко функционально-стилевая норма действует в процессах стилевой специализации языковых средств. В отличие от общелитературной нормы, регулирующей взаимодействие функционального стиля с другими и сохранение его принадлежности к одной и той же языковой системе, функционально-стилевая норма направлена на внутрителиевые процессы, призванные повышать эффективность речи сферы общения.

В социолингвистическом исследовании проблема внутренней сущности стиля, иерархии порождающих его экстралингвистических факторов, на наш взгляд, может быть освещена путем соотнесения разных форм существования языка с социальными явлениями, пред-

ставленными сферами общения. При таком подходе социальное — это сферы общения — области организованной деятельности людей в процессе производства и потребления материальных и духовных ценностей, языковое — функциональные стили. Функции языка выражают связь между социальным и языковым, ее экстенсивность и интенсивность или отсутствие такой связи.

Вопрос о соотношении, связи социальных функций языка и его функциональных стилей весьма сложен, поскольку появление новой сферы общения не совпадает по времени с формированием новой функционально-языковой разновидности, так как на начальных этапах используются уже имеющиеся в языке средства. Массовая коммуникация (радио, телевидение, кинематография, печать) не имеет единого стиля, поскольку в основе языка новых видов массовой коммуникации лежат разные речевые стили: для передач по общественно-политическим проблемам применяется публицистический стиль, для научно-популярных — научно-популярный, в сфере кинематографии — индивидуализированная речь во всех ее проявлениях (профессиональная, обиходная, диалектная).

Конвергентной функционально-языковой разновидностью для массовой коммуникации является публицистический стиль: Его адаптация к разным видам массовой коммуникации создает предпосылки для формирования дивергентных стилей (заметим, что они значительно отстают от сферы общения). Для социолингвистики одинаково важно и интересно изучение языковых явлений, общих для сферы в целом, и явлений, специфических для дивергентных стилей.

Объективные процессы общественного развития формируют сферы общения, создающие реальные предпосылки для расширения социальных функций языков, вместе с тем большую роль в процессах собственно языкового совершенствования играет сознательное воздействие общества на язык. Особенно ярко оно выступает в периоды относительного замедления функционального развития. В XVII — XVIII вв. литовский язык весьма медленно расширял свои общественные функции, однако именно в это время происходило интенсивное формирование его фонетических, морфологических, лексических и синтаксических норм. Основная роль в этих процессах принадлежала субъективному фактору — деятельности нормализаторов языка. Развитие социальных функций в значительной степени зависит от степени развитости самих сфер общения: так, в буржуазный период литовский язык применялся во всех сферах социальной и культурной жизни, но сами сферы были в то время малоразвиты (книг издавалось немного, не все жители соответствующего возраста получали образование и др.).

Наиболее благоприятными для расширения общественных функций языков являются такие условия, при которых все социальные факторы, определяющие языковую жизнь, действуют в одном направлении. Доминирующим фактором в функциональном развитии языка является национально-языковая политика, в условиях Советской страны учитывающая уровень национального самосознания народа, традиции в использовании языков, этнические условия ре-

гиона, а также общие интересы и потребности развития многонационального советского народа.

Основные формы социальной обусловленности языкового развития советские ученые рассматривают как опосредованные, идущие от общественных факторов через социальные функции к отражению на разных языковых уровнях. Связи эти сложны и противоречивы, поскольку на функции языка воздействует целая совокупность факторов, нередко трудно найти фактор-доминанту, в наибольшей степени влияющую на языковое функционирование. Так, например, в конце XIX — начале XX в. рост национального самосознания литовского народа, его борьба за право пользоваться родным языком как одна из составных частей национально-освободительного движения явились социальными факторами, вызвавшими появление периодики на литовском языке ("Varpas" "Колокол", 1889; "Aušra" — "Заря", 1893). Однако наряду с этим действовали противоположные факторы — неблагоприятные политические условия, которые сдерживали совершенствование периодики: сознательное ограничение социальных функций литовского языка в период запрета печати латинским шрифтом.

Развитие внутренней структуры языка тесно связано с его социальными функциями. Наиболее очевидно эта связь прослеживается в развитии функциональных стилей языка, система которых формируется в соответствии с потребностями и спецификой разных сфер общения. Так, например, функционально-языковое развитие, обусловленное применением языка в сфере высшего образования, состоит в обогащении языка особой функционально-языковой разновидностью — научно-учебным подстилем (подробнее см. [ФЯВВО. 1982]). Сфера высшего образования сама является производным феноменом, детерминированным уровнем развития науки и потребностями экономического и культурного развития. Функциональная разновидность языка, применяемая в этой сфере, тоже двояко обусловлена: с одной стороны, особенностями развития научного стиля, с другой — общими процессами совершенствования литературного языка. В этой сложной взаимозависимости проявляются две линии развития языка в связи с его применением в сфере высшего образования: 1) специфические процессы совершенствования функционально-языковой разновидности сферы — научно-учебного подстиля, 2) общие процессы, состоящие в участии сферы высшего образования наряду с другими социальными факторами (повышение общеобразовательного уровня и культурного уровня, средства массовой коммуникации, просветительская работа, мероприятия по повышению культуры речи и др.), в повышении речевой культуры обучающейся молодежи, в распространении литературной формы языка, специальной лексики, в процессах перехода ее в общеупотребительный язык.

Развитие литовского литературного языка в связи с его функционированием в сфере высшего образования ярко свидетельствует о социальной обусловленности формирования самой сферы и функционирования языка в ней. Как известно, в высших учебных заведениях длительное время применялся латинский язык, позже —

польский, велось преподавание ряда западно-европейских языков. Литовский язык в этой сфере использовался лишь настолько, насколько он был нужен для работы священников с местным населением. Интенсивность его применения зависела во многом от национально-языковой политики, проводимой правительствами. Связь высшего образования с литовской литературой раннего периода состояла в том, что она функционировала в качестве учебного материала в процессе изучения литовского языка.

Современная наука развивается в условиях проявления двух тенденций: 1) расширение науки и приобщение к ней все большего количества "потребителей" и 2) специализация науки, сопровождающаяся созданием новых понятий и терминов [Будагов. 1967. С. 218]. Научный стиль языка и его учебный подстиль развиваются в соответствии с этими двумя тенденциями на основе литературного языка и его норм. Специфика научного стиля наиболее ярко обнаруживается в терминологической лексике и в синтаксисе научных текстов.

Сфера науки характеризуется конвергентной функционально-языковой разновидностью — общенаучным стилем. Дивергентные функционально-языковые разновидности представлены научно-учебной, научно-производственной, научно-популярной его разновидностями. Внутрисферная дивергенция обеспечивается дифференциацией отраслей, созданием специализированных текстов общественных и естественных наук, отличительным признаком которых является узкоспециальная терминология — физики, химии, математики, истории и т.д.

Социальные предпосылки, определяющие формирование научного стиля как исторической категории, разнообразны: развитие научной мысли страны, интенсивность использования ею научных достижений человечества, мастерство авторов, интеллектуальный уровень его "потребителей" [Будагов. 1967. с. 226]. Немаловажно для процессов формирования научного стиля и состояние национального литературного языка. Применительно к условиям Литвы можно сказать, что развитие научной мысли не всегда определяло процессы стилистической дифференциации литовского языка, поскольку в разные периоды в научной сфере применялись другие языки. Мастерство авторов, конечно, влияло на процессы совершенствования научного стиля и его разновидности, однако в несколько своеобразной форме, поскольку зачастую учебная литература не была оригинальной, переводилась с других языков, в связи с чем увеличивались возможности для взаимовлияния языков.

Для научного стиля универсальными являются определенные стилевые черты, основные из которых — логичность, объективность, обобщенность и точность [Там же. С. 245]. Эти черты, характеризую качество научной речи, одновременно указывают на то, что в языке должны быть средства, обеспечивающие логичность, объективность, обобщенность и точность изложения.

Стилевые черты — наиболее "социализованный" признак языка сферы, поскольку набор дифференциальных признаков стиля определяется экстралингвистическими факторами — необходимостью

точной, адекватной передачи информации об определенном уровне знания, что, в свою очередь, детерминировано нуждами социума. Конкретное воплощение, реализация стиливых черт в текстах зависит от потенциальных возможностей, специфики национального языка. Социальная же обусловленность этих речевых средств определяется опосредованно 1) прежде всего зависимостью от стиливых характеристик функционально-языковой разновидности, 2) вхождением в стиль, который, в свою очередь, определяется нуждами общения, 3) отношением к сфере общения, детерминированной уровнем социального, культурного и экономического развития социума. Так, модификацией научного стиля является научно-учебный подстиль, специфика которого обусловлена его применением в сфере обучения и преподавания. С научным стилем его объединяют черты, общие для иерархически соотносимых функционально-языковых разновидностей. Различия же формируются в процессах совершенствования этого подстиля в соответствии с потребностями сферы общения. Если научный стиль — это рассуждение, выдвижение научных гипотез, их аргументация, доказательство, то научно-учебный подстиль — описание, передача информации об определенном уровне развития науки, сообщение истин, добытых путем научного творчества. Для него характерны информативность, организация текста способом, наиболее доступным для восприятия, строгость дефиниций, отсутствие гипотетических дефиниций, акцентуация новой информации, строгий отбор терминов, подлежащих усвоению. Эти стиливые черты представляют собой форму адаптации функционально-языковой подсистемы (подстиля) к конкретным нуждам высшего образования. Таким образом, социальная обусловленность научно-учебного подстиля проявляется двояко: опосредованно — путем реализации основных стиливых черт научного стиля и непосредственно — в зависимости, от конкретных задач сферы высшего образования. Проследить влияние социальных факторов, отдельно и в совокупности на конкретное явление, конкретную черту стиля весьма затруднительно, это можно делать лишь с лексикой, главным образом терминологической. Однако социальная обусловленность той или иной черты функционально-языковой разновидности определяется ее вхождением в систему средств языка, предназначенных для функционирования в той или иной сфере общения. Доминантными социальными факторами, вызывающими формирование сферы в таких случаях, являются уровень социально-экономического и культурного развития, доминантными в выборе языка для сферы общения — языковая политика и состояние языка, отбор же конкретных языковых средств для реализации стиливых черт функционально-языковой разновидности определяется внутренними ресурсами языка.

В основной своей массе набор языковых средств, характеризующих тот или иной стиль, на протяжении сравнительно короткого исторического периода значительным изменениям не подвергается, поэтому наблюдать эволюцию стиля в пределах микроистории очень трудно, так как преемственность и традиции на этом языковом уровне весьма устойчивы.

В век научно-технической революции развитие литературных языков, в особенности их функциональная дифференциация, значительно интенсифицируется, что позволяет проследить за изменениями на материале более короткого периода. В процессах интенсификации развития стилистических систем, проявляющихся с разной интенсивностью в языках с различным объемом общестественных функций, опосредованно отражается дифференциация сфер общения, состоящая как в расширении и усложнении традиционных сфер общения, так и в появлении новых. Собственно говоря, развитие стилистической системы вызывается дифференциацией сфер общения, их совершенствованием, изменениями ее количественных и качественных параметров. Это легко прослеживается при обращении к истории распространения литературного языка, расширения его функций.

Ранняя стилистическая дифференциация литовского языка (стиль религиозных сочинений, официально-канцелярский и беллетристический) относится к начальному этапу формирования литовского письменного языка, позже она дополнялась новыми разновидностями, вызванными к жизни потребностями развития социальной и культурной жизни, с одной стороны, а также вытеснением других языков из некоторых сфер общения — с другой. Сфера общения благодаря полифункциональности языка вначале обходилась существующими функционально-языковыми разновидностями или даже другими языками с сформировавшимися соответствующими стилями, позже появлялась необходимость в совершенствовании, специализации языковых средств в соответствии со спецификой общения — это зависело не только от самого факта применения языка в той или иной сфере общения, но и от экстенсивности и интенсивности функционирования языка в этой сфере.

В современном литовском языке представлены все основные функциональные стили, присущие большинству современных развитых языков: стиль (язык) художественной литературы, публицистический, научный, деловой (канцелярский), разговорно-бытовой. Основные стилеобразующие черты более четко прослеживаются в монотематичных стилях, например научном, деловом, а в политематичных (стиль художественной литературы, газетно-публицистический) их четкое определение затруднительно.

В социолингвистическом исследовании уместно, на наш взгляд, краткое описание социального (т.е. основных параметров сферы общения) и языкового элемента (основных тенденций развития языковых средств сферы — функционального стиля). При этом надо учитывать, что прямого соответствия социального и языкового, однозначного их соотношения не существует, поскольку, с одной стороны, один и тот же стиль в разных трансформациях может применяться в разных сферах общения, а с другой — в одной и той же сфере могут наблюдаться разные функционально-языковые разновидности. Кроме того, некоторые (недифференцированные) сферы общения вообще не имеют особых функционально-языковых разновидностей, поскольку роль языка в них сводится лишь к орга-

низации совместного производства материальных и духовных ценностей той или иной микросоциальной общностью.

Сфера художественной литературы представляет собой область художественного отображения действительности при помощи ее словесного изображения. В ней представлены две микросоциальные общности — писатели и читатели. Для первых художественная литература является средством самовыражения и художественного воплощения их отношения к действительности языковыми средствами. Для вторых художественная литература является средством познания действительности и удовлетворения эстетических потребностей. Сфера художественной литературы в значительной степени представляет собой стихийный феномен общественной жизни, особенно это относится к микросоциальным обществам читателей, поскольку процессы индивидуального творчества писателей, а тем более процессы "потребления" художественной литературы непредсказуемы и с трудом поддаются учету. Читательские интересы изучаются путем социологических опросов, анализа читаемости художественной литературы. Естественно, "потребление" художественной литературы в значительной мере зависит от уровня образования, общего культурного уровня носителей языка, а также от роли художественной литературы в жизни социума. В наибольшей степени возрастает социолингвистическая функция художественной литературы как средства познания действительности и эстетического воздействия в советский период, поскольку широкое развитие литературного творчества в советский период поддерживается большой тягой народных масс, обладающих высоким уровнем образования и культуры, к "потреблению" художественной литературы.

Стиль современной литовской художественной литературы (беллетристический) берет свое начало в XVI—XVII вв.: его зачатки наблюдаются в религиозных сочинениях, в таких жанрах, как проповеди, песнопения, псалмы [Palionis. 1979. С. 93]. Уже в первой литовской книге — "Катехизисе" М. Мажвидаса имеются элементы беллетристического стиля: в предисловии, адресованном читателям, автор использует прием персонификации, риторического обращения к читателям, гиперболы, имеются также эмоциональные стихи. Приемы художественной литературы встречаются также в религиозных сочинениях других авторов этого периода (В. Вилентаса, Й. Бреткунаса, Й. Резы, М. Даукши, К. Сирвидаса и др.), но их функция в этих сочинениях прежде всего дидактическая, а не эстетическая. В большей степени связаны с беллетристическим стилем сочинения светского характера (панегирики, дедикации, эпитафии), содержащие эпитеты, сравнения и другие экспрессивно-выразительные средства. В первой половине XVIII в. беллетристический стиль литовского языка остается в зачаточном состоянии. Его использование ограничивается переводами и некоторыми стихотворными произведениями светского характера (эпиграммы, послания и др.). Родоначальником беллетристического стиля литовского языка был К. Донелайтис, написавший поэму "Времена года" и положивший начало художественной литературе на литовском языке. Заслугой К. Донелайтиса

было использование лексических и фразеологических ресурсов народной речи, оттачивание синтаксиса путем опоры на народную речь. К. Донелайтис мастерски использовал синонимы, метафоры, сравнения, эпитеты, экспрессивные ресурсы народного языка. Так, исследователи языка К. Донелайтиса отмечают широкое распространение в поэме экспрессивных и эмоциональных глаголов [Gineitis, 1954. С. 190; Kabelka, 1964]: *atsibastyti*, *atsivilkti* (*ateiti*) 'прийти', *tarskėti*, *bildėti* 'шуметь'; *karapati*, *krapinėti*, *šlubuoti* (*eiti*) 'идти' и др. В поэме много метафор, наиболее часто автор прибегает к персонификации: *orai gaivina*, *glosto* 'воздух освежает, ласкает'; *saulelė budina*, *grįžta*, *juokias*, *kopia*, *ragina*, *slepia*, *žaidžia* и др. 'солнышко будит, возвращается, смеется, забирается, торопит, прячет, играет' и др. Распространены в тексте диминутивные существительные (*saulelė*, *brolelis* 'солнышко, братец'), итеративные глаголы (*dūlinėti*, *gukauti*, *ūžauti* 'шалить, кричать, шуметь'). После К. Донелайтиса беллетристический стиль стал играть все большую роль. Влияние его произведений на литературный язык проявилось позже (в конце XIX — начале XX в.), поскольку произведения К. Донелайтиса были напечатаны и получили распространение через несколько десятилетий после его смерти.

В первой половине XIX в. на территории бывшего Великого княжества Литовского беллетристический стиль совершенствовался в произведениях Д. Пошки, С. Станявичюса, А. Клементаса, С. Валуонаса, А. Страздаса, в середине XIX в. — в произведениях А. Татаре, А. Валанчюса. Несколько иначе шло развитие функциональных стилей литовского языка в Восточной Пруссии, где из-за германизации, проводимой прусской властью, развитие беллетристического стиля тормозилось, язык немногочисленных переводов нередко засорялся германизмами. Совершенствование беллетристического стиля в XIX в. включало борьбу за чистоту языка, избавление от ненужных заимствований (полонизмов, германизмов). В конце XIX — начале XX в. большое значение для формирования беллетристического стиля приобретает периодическая печать, поскольку в газетах обычно печатались новейшие произведения литовских писателей (преимущественно стихи, поэмы). Классики литовской литературы Й. Билюнас, Й. Майронис, Ю. Жямайте, Й. Вайжгантас, А. Венуолис, В. Креве продолжили народные традиции К. Донелайтиса, и благодаря им этот стиль занял первое место в системе функциональных стилей литовского литературного языка. При этом важно, что стиль художественной литературы (а также публицистики) вбирал выразительные средства народной речи.

В буржуазный период совершенствование беллетристического стиля продолжается в произведениях писателей старшего поколения — Й. Тумаса-Вайжгантаса, А. Жукаускаса-Венуолиса, В. Креве-Мицкявичюса, среднего поколения — В. Миколайтиса-Путинаса, Б. Сруоги, младшего поколения — П. Цвирки, А. Венцловы, С. Нерис и др. Очень важными для разработки основ литературоведения и литературной критики были рецензии новых оригинальных и перевод-

ных произведений художественной литературы, которые печатались в издании с 1933 г. "Gimtojikalba" ("Родная речь").

В советское время стиль художественной литературы остается в системе функциональных стилей одним из ведущих, наряду с выдвинувшимися на передний план научным и публицистическим. Советские литовские писатели, обращаясь к народной речи, используют не только ее ресурсы, но и возможности литературного языка. Для ряда писателей литературный язык и разные его стили являются основным источником обновления выразительных средств, лексики, фразеологии. В прозе советского периода заметно влияние публицистического стиля, в поэзии — ее интеллектуализация. Развитие науки и техники в условиях НТР привело к тому, что в беллетристическом стиле распространяются элементы научного стиля, в частности терминология: *атом, галактика, индекс, кардиограмма, код, трансплантация* и др. Особенно это характерно для поэзии Э. Межелайтиса (ср. например, хотя бы названия стихотворений и циклов стихов [Palionis. 1979. С. 302]: „Аллегро“, „Хирург“, „Диссонанс“, „Филогенезис“, „Инфаркт“, „Интервал“, „Майолика“, „Микротемы“).

Сфера науки организационно длительное время была слита с высшим образованием (Вильнюсский университет, 1579 г.) и лишь с 1941 г. с учреждением Академии наук Литовской ССР выделилась в особую сферу. Сфера науки представлена микросоциальной общностью, целью деятельности которой является научное познание закономерностей развития природы и общества. В отдельную, особую отрасль человеческой деятельности наука стала превращаться с XVI в. в условиях подъема экономики и культуры, роста городов, распространения идей гуманизма и реформации. Особое значение для развития науки в Литве имело учреждение Вильнюсского университета. Вслед за схоластическими исследованиями появлялись исследования по истории (XVI в.), экономике, праву, филологии (XVI—XVII вв.), математике и астрономии (середина XVII в.). Однако в сфере науки литовский язык длительное время не функционировал, тексты по различным отраслям науки создавались на латинском (XVI—XVII вв.) и немецком (XVIII в.) языках. Начало функционирования литовского языка в сфере науки относится к первой половине XIX в., когда появляются первые научно-популярные тексты, словари и грамматики. Литовский язык повторил путь многих языков стран Европы, где научно-популярный подстиль предшествовал сугубо научному [Будагов. 1967. С. 225].

Родоначальником научно-популярной литературы на литовском языке был С. Даукантас, который популяризировал знания по прикладной биологии на литовском языке, писал об истории Литвы и о литовском языке. Большое значение также имели календари Л. Ивинскиса, в которых печатались статьи по вопросам сельского хозяйства и медицины. Позже научный стиль в его учебной разновидности совершенствовался при создании учебников для общеобразовательной и высшей школы Литвы (первый учебник — по литовскому языку "Mokslas skaitymo").

В годы буржуазной власти (1919—1940) вся литература (в том числе и научная) издавалась на литовском языке, в высших учебных заведениях тоже функционировал литовский язык.

Наиболее значительное расширение сферы науки и функций литовского языка в ней произошло в советский период. Тогда же произошла дифференциация сфер науки и высшего образования. В советское время литовский язык широко применяется в разных традиционных (ботаника, химия, экономика, философия, история, социология, физика, математика, зоология, литературоведение, языковедение и др.), а также в относительно новых отраслях науки (биохимия, кибернетика, физика полупроводников и др.).

Научный стиль является одним из наименее исследованных функционально-языковых разновидностей литовского языка. Научный стиль литовского языка является развитой функционально-языковой разновидностью, способной функционировать в разных своих трансформациях в различных сферах общения (наука, высшее образование, народное просвещение, производство). Интенсивно формируются терминологические системы разных отраслей знания. При создании терминов применяются традиционно сложившиеся принципы: использование ресурсов народного языка, самого литературного языка, заимствование из других языков, калькирование. Кроме того, соблюдаются новые принципы, отражающие политическую и экономическую общность советских народов, в частности принцип минимальных расхождений терминологий языков народов СССР, благодаря которому в терминосистемах широко распространяются интернациональные слова и слова общего лексического фонда.

Дальнейшие процессы формирования функционально-языковой разновидности, соответствующей сферы науки, ее совершенствование зависят не только от уровня развитости литературного языка, служащего основой для проявления специфики стиля, ее фоном, но в значительной степени от интенсивности применения литовского языка в данной сфере общения. Внутренняя, отраслевая дифференциация детерминирована экстенсивностью функционирования языка, т.е. перечнем, репертуаром отраслей науки, в которых этот язык применяется. Несомненна связь языка науки с языком "родственных" подсфер (производство, просвещение, образование), имеющими свои, особые, отличные от сферы науки цели и задачи, но не обладающими достаточно дифференцированными языковыми характеристиками, позволяющими вычлнить особую функционально-языковую разновидность для каждой из этих подсфер общения. В них применяются различные функционально детерминированные трансформации сугубо научного стиля¹³.

Сфера делового общения в Литовской ССР охватывает область внутреспубликанских и межреспубликанских деловых отношений в системе многочисленных министерств, ведомств, контор на фабриках, заводах, колхозах, совхозах и т.д. Деловое общение

¹³Одна из таких трансформаций научного стиля литовского языка рассмотрена Я. Пикчилингисом [Pikčiilingis, 1971. T. I. С. 323—326].

имеет место также в сферах науки, высшего образования, среднего и среднеспециального образования и др. Заметим, что любая сфера полифункциональна, стилистически неоднородна, и, в конечном счете выделение функционально-языковой разновидности условно, поскольку выделяется не единственное, а главное.

В настоящее время сфера делового общения двуязычна — внутриреспубликанское деловое общение использует литовский язык, межреспубликанское и международное общение — русский язык как средство межнационального и международного общения. В истории литовского народа были периоды, когда в сфере делового общения использовались разные языки — латинский, немецкий, польский, русский, поэтому функционирование языков в данной сфере достойно более пристального внимания социолингвистов, как в синхронном, так и в диахронном аспекте.

Деловой стиль (канцелярский) на раннем этапе развития литовского языка был представлен в нескольких рукописных и печатных текстах, самый ранний из которых датирован 1572 г. Для канцелярского стиля того времени были характерны трафаретные формулы, специфический слой административной и юридической терминологии, стереотипные синтаксические конструкции, именные конструкции, а также длинные, сложные предложения. Большинство канцелярских текстов переводилось с немецкого и польского языков, поэтому в них были значительны следы языкового взаимодействия. В XVIII в. канцелярский стиль в Литве деградировал, тексты настолько засорились полонизмами, что иногда становились непонятными — это было одним из частных следствий общей культурной и экономической деградации.

Несколько иначе дело обстоит в Восточной Пруссии, где на литовском языке часто издавались указы прусских властей, в связи с чем наблюдалось некоторое совершенствование этой функционально-языковой разновидности. В период с 1712 по 1800 г. было издано около 80 текстов, представляющих канцелярский стиль [Palionis. 1979. С. 141]. Судя по этим текстам, канцелярский стиль литовского языка Восточной Пруссии в XVIII в. сохраняет основные дифференциальные признаки более раннего периода (трафаретные формулы, юридические и административные термины, переводные конструкции, осложненные предложения и др.), вместе с тем в нем наблюдаются новые явления, например юридические, административные, военные и другие термины, преимущественно заимствованные из немецкого языка: *zeitungas* (*laikraštis*) 'газета', *landrotas* (*apskritis viršininkas*), 'начальник области'; *akcizė* (*prekių mokestis*) 'товарный налог' и др. Наряду с заимствованиями в деловых текстах используются термины, взятые из народной речи: *įsakymas* 'приказ', *įstatymas* 'закон'; *audėjas* 'ткач', *raprotis* 'обычай'; *pelnas* 'доход'; *pėstininkas* 'пехотинец' и др. Особенно много народной лексики в переводах, осуществленных родоначальником литовской светской литературы К. Донелайтисом. Процессы формирования канцелярского стиля в Восточной Пруссии XVIII в. проходят на фоне нормирования литературного языка, его очищения от лишних заимствований.

В XIX в. общественно-культурные условия для дальнейшей дифференциации стилей литературного языка были неблагоприятны. В Восточной Пруссии канцелярский стиль перенасыщается лексическими и синтаксическими германизмами. На территории бывшего Великого Литовского княжества развитию литовского литературного языка уделяется много внимания, делаются усилия, направленные на его очищение от заимствований, разработку норм литературного языка. Новый импульс для развития делового стиля был дан в начале XX в., когда литовский язык стал государственным языком буржуазной Литвы (1919—1940). В советский период усилиями лингвистов, редакторов канцелярский стиль постепенно очищается от громоздких оборотов, неправильно образованных слов, он пополняется лексикой, отражающей новые условия экономической и социальной жизни (*atskyris* 'разряд', *išdirbis* 'выработка', *pirmtūpas* 'передовик' и др.) Культура канцелярского языка совершенствуется при составлении постановлений, решений и других документов республиканских учреждений, при переводах соответствующих документов центральных учреждений на литовский язык. Канцелярский стиль в своем развитии заметно отстает от других стилей современного литовского литературного языка. Ему издавна свойственно обилие языковых штампов: *šiuo pranešama, kad...* 'настоящим сообщается, что...', *gušium su gautais nurodymais ...* 'в связи с полученными указаниями...' и др. Деловой (канцелярский) стиль наряду с научным и публицистическим является той функционально-языковой разновидностью, в которой широко применяется большинство лексических, фразеологических и синтаксических новообразований советского периода.

Сфера периодики в Литве берет свое начало в XVIII в. Вначале периодические издания печатались на польском языке. Лишь с конца XIX в. в периодической печати началось функционирование литовского языка, который служил средством борьбы за национальное освобождение, средством национального единения народа. В 1832 г. появилась первая газета на литовском языке (религиозного содержания). В период с 1846 по 1962 г. издавались календари Л. Ивинскиса ("*Metskaitliai*"), в которых печаталась информация, научно-популярные статьи, хозяйственные советы. Позже стали издаваться газеты на литовском языке на территории Германии, которые нелегально (из-за запрета латиницы) переправлялись в Литву. После отмены запрета в 1904 г. литовская периодика издавалась и в Российской Империи: "*Lietuvių laikraštis*" (Петербург, 1904—1906), "*Vilniaus žinios*" (Вильнюс, 1904—1909) и др. В 1919—1940 гг. происходила дальнейшая идеологическая и политическая дифференциация периодики, а также профессиональная ее специализация. В эти годы в Литве (небольшими тиражами) выходило около 2000 периодических изданий, представляющих разные идеологические направления и издаваемых на разных языках. В 1937 г. в Вильнюсе выходили периодические издания на польском, идиш, белорусском, литовском, русском языках. После восстановления Советской власти в Литве многие буржуазные газеты прекратили свое существование,

были легализованы коммунистические издания: "Tiesa" ("Правда"), "Komunistas" ("Коммунист"), "Komjaunimo tiesa" ("Комсомольская правда") и др., которые стали выходить большими тиражами.

Сферу периодики можно считать областью традиционного применения литовского языка. Как и в других старописьменных языках, расширение функций литовского языка в советский период произошло за счет экстенсивного развития сферы периодики, ее демократизации, повлекших за собой более интенсивное применение языка в сфере печати, более интенсивное "потребление" печати носителями литовского языка. В соответствии с основными принципами ленинской национально-языковой политики в сфере периодики представлен язык коренного населения республики — литовский, язык межнационального общения — русский, язык компактно проживающей на территории республики национальности — польский. Об интенсивности применения языков в этой сфере можно судить по следующим данным: в 1976 г. в Литовской ССР издавалось 113 газет, из них на литовском языке — 89, на русском — 20, на польском — 4. В настоящее время в Литве выходят 123 газеты, из них на литовском — 97, на русском — 22, на польском — 4. В функционировании языков проявляются как признаки языковой функциональной общесоюзной интеграции (русский язык), так и явления функциональной дивергенции, которая обеспечивает потребности литовского и польского населения.

Публицистический стиль литовского языка начал формироваться в связи с нуждами периодической печати. Публицистический стиль особенно окреп в последние десятилетия XIX в. и в начале XX в., когда в связи с национально-освободительным и революционным движением стало выходить много газет и журналов. В начале XX в. получает развитие революционно-пролетарский агитационный стиль. Формирование этой функционально-языковой разновидности, особенно в названном ее прогрессивном ответвлении, проходило под сильным влиянием революционной печати в России. В годы буржуазной власти на формирование публицистического стиля литовского языка влияла печать Компартии Литвы, которая ориентировалась на традиции народного языка, поскольку ее адресатом были широкие слои трудящихся масс.

В системе стилей современного литовского литературного языка публицистический стиль представляет собой функционально-языковую разновидность, тесно связанную с общественным развитием, детерминированную социальной ролью периодики в жизни социалистической литовской нации. Большое значение для его совершенствования имеет интенсификация развития самой сферы общения: обилие периодических изданий, широкое их распространение в народных массах. Среди инноваций публицистического стиля советского периода исследователи называют следующие: 1) увеличение частотности сочетаний переходного глагола и отглагольного существительного (priimti nutarimą 'принять решение', įvykdyti užduotį 'выполнять задание'); 2) распространение причастных и деепричастных конструкций (Vykdant partijos nutarimus, pramonėje idiegta, daug naujovių 'При выполнении Решений

партии в промышленность внедрено много новшеств, Tarybiniai žmonės daug nuveikė kurdami kamunistinį rytojį 'Советские люди сделали много в процессе строительства коммунистического завтра'); 3) новые слова, новая фразеология (savišvieta 'самообразование'; tarybinis 'советский'; išbristi iš atsilikimo 'избавиться от отсталости'). В советское время публицистический стиль литовского языка развивается под сильным влиянием языка В.И. Ленина.

Краткий обзор функциональных стилей современного литовского языка показывает, что они имеют определенные традиции, связанные с формированием соответствующей сферы общения, многие из них недостаточно изучены в функциональном аспекте, существует также немало проблем и вопросов, решение которых актуально не только для литовского языкознания. Так, одним из спорных до сих пор дискутируемых в научной литературе является вопрос о наличии особого функционального стиля массовой коммуникации, преимущественно ориентированного на устную форму реализации текстов. В советское время он пополнился новыми разновидностями (национальная кинематография, телевидение). В современный период публицистический стиль приобретает функцию конвергентной функционально-языковой разновидности, поскольку становится основой языка разных видов массовой коммуникации. Как известно, для массовой коммуникации характерно разнообразие тематики, поскольку единственное ограничение, накладываемое на ее содержание, — общественная значимость обсуждаемых явлений. Это влечет за собой стилистическую гетерогенность, поскольку большинство жанров представляют собой компилятивные тексты, интегрирующие признаки разных стилей, объединенные общим функциональным назначением публицистического стиля — сообщением и воздействием.

Тенденция к формированию дивергентных стилей массовой коммуникации проявляется в наличии жанра сценария кино, сценария радио- и телепередач. Наиболее реальным аспектом изучения языка массовой коммуникации на современном этапе, на наш взгляд, является исследование специфики названных жанров, а также изучение таких дифференциальных свойств языка массовой коммуникации, как социальная актуализация лексики, проявляющаяся в наборе лексических средств и в частности их реализации.

Влияние средств массовой коммуникации на язык проявляется в том, что активизируются процессы нормализации литературного языка. Устная форма литературного языка в связи с ее применением в сферах массовой коммуникации, а также в связи с развитием таких форм общественной жизни, как съезды, конференции, совещания, собрания и др.; повысила свой статус. Это социолингвистическое следствие развития разных форм устного общения социума можно считать одной из общих закономерностей современного развития литературных языков. Социальная обусловленность процессов нормализации звучащей литературной речи, повышения ее роли как средства единения народа, восприятие культуры звучащей речи как одного из признаков общей культуры — характерные черты языкового развития в период развитого социализма.

Одной из существенных черт массовой коммуникации как общественного явления считается ее социальная детерминированность. Вне связи с действительными общественными отношениями любое толкование массовой коммуникации будет неполным и неточным, так как массовая коммуникация — один из важнейших видов социального общения [Фирсов. 1978. с. 15]. Развитие сферы массовой коммуникации социально обусловлено потребностями и возможностями общества, а применение соответствующих речевых средств в разных ее видах характеризуется вторичной, опосредованной социальной обусловленностью, т.е. через социальную обусловленность самой сферы. Отбор речевых средств, формирование и совершенствование специфики языка разных видов массовой коммуникации находится в прямой зависимости от структуры языка, от уровня развития его функциональных стилей, в частности публицистического.

Разные виды массовой коммуникации различаются своей общественной ролью в жизни социума. Первичная функция речи — коммуникативная, но чем больше задача коммуникации речи отклоняется от простого сообщения, информации, чем больше речь рассчитана на активное воздействие на слушателя, тем в большей степени должна проявляться ее эстетико-стилистическая функция.

Исследователи указывают ряд черт, отличающих один вид массовой коммуникации от другого. Для радио это звук — основное средство выражения, слово — основная единица воздействия, прямая обращенность к слушателю, дистантность речевого акта, синхронность восприятия речи с ее произнесением, массовость аудитории, с одной стороны, и камерность обстановки — с другой [Зарва. 1977]. Основным типом текста массовой коммуникации является публицистический, однако в связи со спецификой разных средств массовой коммуникации он должен быть значительно трансформирован в соответствии с целями и задачами. "Лингвистической базой для выработки норм радиоречи должна служить стилистика устной речи" [Бернштейн. 1977. С. 8]. Специфика радиовещания требует поисков наиболее целесообразного для каждой передачи соотношения между разговорной и письменной речью [Там же. С. 10]. Радиожурналистика не создает собственных языковых средств выражения и не пользуется средствами исключительно одного стиля. В ней находят применение элементы всех стилей современных литературных языков — книжных (научного, делового, публицистического, беллетристического) и разговорных (литературно-разговорного, обиходно-бытового, просторечного) [Зарва, 1977. С. 17—18].

"В телевещании складывается особый вид публицистики, многие жанры которого возникают под влиянием других видов массовой коммуникации — периодической печати, радиовещания, кино" [Трескова. 1983. С. 80]. Язык художественных фильмов во многом приближается к языку художественной литературы, а в документальных фильмах функционируют "разновидности публицистического стиля, несколько видоизмененные с учетом необходимости координирования с видеорядом, который она (литературная речь. — В.М.) сопро-

вождает, и ориентация не на читателя, а на слушателя” [Крюкова. 1983. С. 189—190].

Итак, видимо, наличие единого функционального стиля для всех средств массовой коммуникации весьма проблематично. Во-первых, имеет значение разная давность появления самих этих сфер, во-вторых, различия в способах реализации материала — устная форма (радио, телевидение, кино) и письменная форма (печать). Учитывая, что для формирования отдельного функционального стиля необходим большой промежуток времени, а также многообразие тем и проблем и соответственно многообразие способов их передачи, мы считаем, что наиболее правильным было бы говорить о функциональном стиле применительно к давней сфере письменной формы языка — периодике и о специфике ее применения, а также о тенденции к формированию новой функционально-языковой разновидности в относительно новых видах массовой коммуникации.

Публицистический стиль существует уже четыре века. Конечно, уровень его развития в языках неодинаков. Так, например, публицистический стиль литовского языка начал свое формирование в XIX в., поскольку ранний период развития периодики (XVIII—XIX вв.), публицистического стиля в Литве представлен польским языком. Более поздние по времени возникновения виды массовой коммуникации пока не выработали своих функционально-языковых разновидностей (стилей). Так, произносимая на радио и в телепередачах литературная речь, хотя и не сводится к простому копированию литературной разговорной речи или же к проговариванию письменного текста, однако, как справедливо отмечает С.И. Бернштейн, все же является стилистической основой для выработки норм речи радио [1977. С. 7]. Естественно, решение данного вопроса во многом зависит от понимания функционального стиля: при строго лингвистическом подходе, предполагающем стилевые различия на всех языковых уровнях, вряд ли можно признать даже в активно используемых в массовой коммуникации национальных языках наличие особых функциональных подстилей радио, телевидения, кино, хотя налицо тенденция к их формированию, проявляющаяся в стремлении к выработке такой формы радио- и телепередач, которая способствовала бы действенности средств массовой коммуникации, делала бы их более доступными и эффективными.

В связи с использованием языков в сферах массовой коммуникации происходят внутривидовые изменения, затрагивающие лексико-семантический, фонетический и синтаксический уровни. Вопрос этот совершенно не изучен. В литовской лингвистической литературе фонетический ярус языка массовой коммуникации в основном освещается лишь в плане ошибок произношения в речи дикторов, т.е. соблюдаются ли нормы литературного произношения, поскольку, как было уже сказано, не вызывает сомнения тот факт, что устные виды массовой коммуникации оказывают большое влияние на развитие и распространение орфоэпических норм. Так, например, в Литве средства массовой коммуникации способствуют закреплению заимствований /f/, ch/ch', h/h' в фонетической системе литовского

языка, распространению литературной нормы произношения звука *e* (краткого), который в диалектах заменяется более открытым, установлению единой нормы произношения некоторых заимствований, например, / твердого в словах типа *alfabetas* 'алфавит'. Взаимовлияние социального и языкового здесь выступает в форме связи сферы функционирования языка, цель которой информация и воздействие, с процессами совершенствования произносительной нормы и ее демократизацией.

Наиболее интенсивно влияние массовой коммуникации на лексическом уровне. Очевидным проявлением ее воздействия на язык является создание специальной лексики, отражающей специфику этой сферы деятельности: *laikraštis* 'газета', *radijas* 'радио', *kinas* 'кино' и др. В таких случаях радио, периодика, телевидение выступают в качестве фактора, формирующего общий лексический фонд языков народов СССР, который в литовском языке преимущественно представлен интернационализмами или же кальками с русского языка.

Язык массовой коммуникации участвует в процессах заимствования лексики, ее функционирования и дальнейшего совершенствования, в распространении специальной лексики в речи носителей языка, в повышении ее частотности. В особенности это относится к терминологии общественных наук, поскольку массовая коммуникация является наиболее важным каналом распространения политических знаний. Средства массовой коммуникации на старописьменных языках, имеющих развитую систему функциональных стилей, используют лексику этих стилей. Она не создается в МК, но совершенствуется и распространяется в массах.

Интенсивность влияния МК на речевую практику народа в целом и отдельных микросоциальных общностей зависит от "потребления" или включенности в сферу МК народа и отдельных его возрастных и профессиональных групп. Для социолингвистического исследования весьма важным оказывается тематическое распределение интересов аудитории радио и газет, поскольку именно это определяет воздействие массовой коммуникации на речь. Тематические интересы аудитории могут быть определены путем опросов, анкетирования, через письма. В этом плане интересны такие данные: в 1928 г. 80% писем радиослушателей нашей страны были посвящены художественным и только 20% являлись откликами на передачи общественно-политического характера. Но уже в 1931 г. это соотношение изменилось: политическое радиовещание получило 90% всех откликов, а художественным передачам были посвящены лишь 10% [Стириус. 1931. С. 113]. Это свидетельствует о том, что в разное время специфика влияния средств массовой коммуникации на аудиторию и ее речевую практику различна.

Широкие исследования применения литовского языка в сфере массовой коммуникации отсутствуют, за исключением достаточно репрезентативного обследования читателейских интересов журнала "Mokslas ir gyvenimas" ("Наука и жизнь"), охватившего 3158 читателей [Semaška. 1980]. Обследование показало, что наибольшее число читателей постоянно интересуется историей Литвы (71,4%), астрономией

и космонавтикой (68,2%), географией и природой родного края (74,2%), зарубежными странами (83,6%).

При разработке программ вещания литовского радио учитываются демографические характеристики аудитории, тематические ее интересы. Эти показатели учитываются при распределении передач по разным видам массовой коммуникации, оказывают влияние на выбор языка [Швегжда. 1980].

Данные обследований могут способствовать установлению влияния разных видов МК на различные возрастные и социальные группы. Для окончательных выводов о иерархии факторов, влияющих на звучащую литературную речь, на процессы распространения литературного произношения, необходимо провести специальные массовые обследования аудитории. Анкеты должны включать не только вопросы по социологии языка МК, но и вопросы, касающиеся влияния МК на речь "потребителей". Успех таких исследований обеспечен лишь в случае наличия языкового материала, подтверждающего рабочую гипотезу о влиянии средств МК на речевую практику и позволяющего отнести ту или иную инновацию именно к влиянию МК, а не других факторов социолингвистического характера.

В последние десятилетия в связи с расширением сферы МК, пополнением ее новыми средствами публицистический стиль приобретает новую функцию — функцию конвергентной функционально-языковой разновидности языка. Его развитие выражается также в усилении внутренней дифференциации, которая проявляется, с одной стороны, в формировании подстиля агитации и пропаганды, с другой — в тенденции к выработке дивергентных функционально-языковых разновидностей, приспособленных к применению на радио, на телевидении и в кино.

Одной из характерных черт развития стилистической системы литовского языка в советскую эпоху является соприкосновение двух тенденций — усиление взаимодействия между отдельными стилями и выработка дифференциальных черт отдельных функционально-языковых разновидностей. Так, для писателей советской Литвы характерна интеллектуализация выразительных средств, а также влияние публицистического стиля [Palionis. 1979. С. 302].

Сфера массовой коммуникации, язык которой представляет собой значительное тематическое и жанровое многообразие, является областью, создающей условия для функционального сосуществования, а следовательно, и для взаимодействия, взаимовлияния разных стилей языка, в результате чего возможно появление качественно новой функционально-языковой разновидности. Влияние средств массовой коммуникации на развитие языка проявляется в функциональной и функционально-стилистической дифференциации языков на разных уровнях структуры языка, в процессах распространения единой литературной нормы, повышения культуры речи. Под влиянием средств массовой коммуникации расширяются общественные функции языка, интенсифицируется распространение литературного языка, специальной лексики и общего лексического фонда.

Итак, развитие функционально-стилистической системы языка зависит от соответствующей совокупности социальных факторов. Но применение языка в той или иной сфере (функции организатора трудового коллектива, функции информации, воздействия, передачи опыта и др.). Не все сферы и соответствующие им языковые функции способствуют вычленению новых функциональных стилей или же их внутрстилевой дифференциации. К новой сфере язык приспосабливается благодаря своей поливалентности. Когда она становится недостаточной, и формируется новый стиль.

Обусловленность развития функционально-стилистической системы социальными факторами сказывается в том, что развитие функционального стиля, его совершенствование происходит лишь в случае наличия соответствующей сферы общения, хотя конкретные языковые характеристики стиля формируются на основе существующих в языке средств, социальная обусловленность которых является вторичной, детерминированной включенностью этих средств в систему функционального стиля.

ЛИТЕРАТУРА

- Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 35.
Бернштейн С.И. *Язык радио*. М., 1977.
Будагов Р.А. *Литературные языки и языковые стили*. М., 1967.
Виноградов В.В. О понятии "стиля языка" (применительно к истории русского литературного языка) // *Изв. АН СССР. ОЛЯ*. 1955. Вып. 4. Т. XIV.
ВРСЯ — Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Внутриструктурное развитие старописьменных языков. М., 1972.
Дешериев Ю.Д., Протченко И.Ф. *Развитие языков народов СССР в советскую эпоху*. М., 1958.
Зарва М. *Слово в эфире*. М., 1977.
Кожина М.И. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь, 1966.
Крючкова Т.Б. Функциональное и внутриструктурное развитие языка в сфере кино // *Социолингвистические проблемы функционирования системы массовой коммуникации в СССР*. М., 1983.
Метса А.А. Что дает анализ сфер коммуникации // *Рус. яз. за рубежом*. 1980. № 6.
Митрофанова О.Д. *Язык научно-технической литературы*. М., 1973.
Симолайтите В. Развитие лексики литовского языка в советскую эпоху: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс, 1982.
С и ФДЯ — Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М., 1977.
Солганик Г.Я. Общелитературная и функционально-стилевая норма // *Языковая норма и функциональные стили: Программа-приглашение и тезисы докладов республиканского симпозиума 3—4 октября 1984*. Вильнюс, 1984.
Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976.
Стириус М. *Большевики завоевывают эфир*. М., 1931.
Трескова С.И. Функциональное и внутриструктурное развитие языков народов СССР с сфере телевидения // *Социолингвистические проблемы функционирования системы массовой коммуникации в СССР*. М., 1983.
Филин Ф.П. К проблеме социальной обусловленности языка // *Очерки по теории языкознания*. М., 1982.
Фирсов Б.М. Идеологическая работа партии и изучение средств массового воздействия в условиях НТР // *Массовая коммуникация в социалистическом обществе*. Л., 1978.

ФЯВВО — Развитие национальных языков в связи с их функционированием в сфере высшего образования. М., 1982.

Швежда И. К проблеме интеграции и дифференциации информации в СМИП. Современные методы исследования средств массовой коммуникации. Таллин, 1980.

Швейцер А.Д., Никольский Л.В. Введение в социолингвистику. М., 1978.

Gineitis L. Kristijono Donelaičio "Metai". Vilnius, 1954.

Kabelka J. Kristijono Donelaičio raštų leksika. Vilnius, 1964.

Palionis J. Lietuvių literatūrinės kalbos istorija. Vilnius, 1979.

Pikčiilingis J. Lietuvių kalbos stilistika. Vilnius, 1971. T. 1.

Semaška A. 3158 interviu su skaitytojais // *Žurnalistika*-78. Vilnius, 1980.

Vaitkevičiūtė V. Lietuvių literatūrinės kalbos fonetikos raida // *Lietuvių kalba tarbiniais metais*. Vilnius, 1967.

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ЯЗЫКОВОГО ВАРИИРОВАНИЯ ПРИ ПИДЖИНИЗАЦИИ И КРЕОЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СИНТАКСИСА И МОРФОЛОГИИ)

Изучение синтаксической вариативности в языкознании ведется с точки зрения семантического [Hatcher, 1956], дескриптивного [Voorhoeve, 1962] и трансформационного подходов [Bailey, 1966].

Попытка Б. Бернштейна соотнести в синхронии варианты стилистических конструкций в речи детей с их социальным происхождением и умственными способностями [Bernstein, 1964] достаточно широко обсуждалась в специальной литературе [Домашнев, 1982; Gilles, 1977].

Отмечаемый в современной лингвистике интерес к проблемам устной речи и анализ последней преимущественно в функциональном аспекте с целью выявления параметров понимания постепенно вытесняет традиционно выдвигаемые лингвистикой задачи изучения письменных текстов с целью реконструкции праязыка. В социолингвистике отмечается переход от квантитативной методики У. Лабова (в основе ее лежит интерес к вопросам устной речи на фонетико-фонологическом уровне языка в синхронном плане с целью установить корреляции между особенностями произношения звуков в определенной позиции и социально-демографическими признаками говорящих) к качественной методике, предполагающей парадигматический подход к явлениям морфологического и синтаксического уровня устной и письменной речи в диахронии [Bailey, 1973].

Проблемы синтаксиса в языках-пиджин и креольских языках обсуждаются в работах, посвященных описанию грамматической структуры [Hall, 1944; LePage, De Camp, 1960; Mihalic, 1957; Ross, 1964; Taylor, 1951; и др.] или отдельных ее уровней [Voorhoeve, 1957; 1962; Hall, 1966; Valkhoff, 1966].

Следует выделить ряд работ, в которых особенности синтаксиса в этих языках привлекаются в качестве основного материала при рассмотрении проблем теории языка [Bailey, 1966; 1973; Bickerton, Odo, 1976; Hall, 1952; Valkhoff, 1966; и др.].

Социолингвистический подход к проблемам пиджин и креольских языков связан с попытками выявить и изучить механизмы воздействия условий общения на формирование пиджинизированных вариантов речевого взаимодействия [Jones, 1957; Бок, 1976]. Особое внимание

уделяется вопросам пиджинизации и креолизации в связи с изучением языковой ситуации в развивающихся странах в русле типологических изучений языков народов мира [Дьячков. 1980].

При изучении социальной обусловленности грамматического и синтаксического варьирования возникает вопрос о самой природе синтаксической вариантности и степени обусловленности последней внутренними (имманентными) и внешними (социальными) причинами, т.е. вопрос о том, какие лингвистические переменные синтаксического и грамматического уровней и каким образом могут быть обусловлены факторами лингвистического и нелингвистического характера.

При изучении синтаксической вариативности в условиях пиджинизации¹⁴, креолизации¹⁵ и декреолизации¹⁶ прежде всего встает вопрос об особенностях проявления и способах фиксации вариативности устной и устно-письменной речи. Одним из объективно существующих указаний на наличие вариативности в пределах письменной речи следует считать сам факт существования различных по своим формальным, тематическим и выразительным признакам текстов.

Социолингвистический подход к проблеме языковой вариативности ставит перед исследователем ряд задач:

1) установить наиболее характерные особенности грамматической и синтаксической вариантности в рассматриваемом языке на материале письменной и устной форм речи;

2) охарактеризовать динамику вариативности как обусловленную стихийно и сознательно проявляемой ориентацией на определенную норму литературного языка;

3) дать социолингвистическую интерпретацию грамматической и синтаксической вариативности как лингвистических процессов, специфически активизированных внелингвистическими факторами.

¹⁴ Термин "пиджинизация" (в отличие от термина "пиджин", относящегося к определенному, редуцированному типу образования языка, возникающему при контактировании носителей разных языков с минимальным знанием языка собеседника — с так называемым нулевым двуязычием — в условиях исключительно устного, тематически и функционально-социально ограниченного общения), подчеркивает процессуальность и характеризует процесс формирования пиджинов, включающий негативные процессы, которые возникают на начальных этапах изучения второго языка [Караулов. 1981. С. 15; Craig. 1966; Schumann. 1978]. Данный термин применим также для определения особого этапа в развитии языка в условиях устного контактирования с другим (или другими) языками.

¹⁵ Термин "креолизация" характеризует процесс становления креольского языка как средства общения с более широким, в сравнении с пиджином, объемом сфер применения.

¹⁶ С появлением письменных видов речи на креольском языке отмечается тенденция к декреолизации с ориентацией на европейский язык, доминирующий в данном регионе. Динамика декреолизации может быть условно представлена в терминах базилекта (basilect) мизолекта (misolect) и акролекта (acrolect) [Bickerton. 1975]. Если первый несет в себе особенности наиболее отдаленные от норм современного стандартного языка, то последний (акролект) — представляет собой вариант, наиболее приближенный к нормам литературного европейского языка. Данная гипотеза рассматривает вариативность креольской речи как проявление тенденции к англизации, т.е. ориентации на базисный язык.

К числу внешнелингвистических факторов относятся:

потребность в социально-функционально и тематически ограниченном, регулярном общении с установкой на взаимопонимание в условиях дефицита языковых средств;

расширение сфер, потребности в общении, социально и функционально значимом, в условиях преодоления последствий колониального режима и формирования государственного аппарата развивающихся стран с креольскими языками как средством общения;

распространение письменности, увеличение объема и расширение тематики печатных текстов;

установление контактов на международном уровне.

При изучении вопроса социальной обусловленности грамматической и синтаксической вариантности устной речи не менее важными оказываются и такие социальные и психологические особенности, как: сфера общения и тематика высказывания; ориентация на собеседника (его уровень владения средствами общения); тенденция к упрощению формы выражения (экономия языка); степень взаимопонимания на невербальном уровне (повышение роли паралингвистических средств контакта) и др.

При социолингвистическом изучении вариантности синтаксических конструкций в письменной речи наиболее существенными оказываются следующие внелингвистические факторы микроуровня: тематика сообщения; жанр и тип текста; авторство; степень обработки текста.

Изучение соотношения аскрипторов разных форм, в том числе и модуса речи на уровне синтаксиса, как обусловленных тематикой высказывания, условиями общения, эксплицированностью значения, целью высказывания, ориентацией на собеседника и др. в условиях устного общения, и темой, типом текста, авторским языковым чутьем, художественным приемом — в случае изучения письменных материалов связано с прагматическим подходом к проблеме языковой вариативности.

Различия три типа языковой вариативности: 1) диахроническую, 2) функционально-ситуативную и 3) территориальную — рассмотрим особенности морфологической и синтаксической вариативности в пиджинах и креольских языках с учетом динамики их развития и отмечаемой тенденции к ориентации на нормы базисного языка в условиях декреолизации.

Диахроническая вариативность на уровне синтаксиса проявляется при сопоставлении особенностей данного уровня языка на разных этапах пиджинизации, креолизации и декреолизации.

Начальный этап формирования пиджин-арго в условиях устного тематически и социально ограниченного общения характеризуется преобладанием одно- двухсловных предложений без формальных морфологических и синтаксических признаков: отсутствуют показатели лица, числа, рода, времени и др. Именно на данном этапе отмечается полифункциональность морфологического и синтаксического характера, так, например, *testo-testo* выполняет функции существительного 'проверка, анализ', глагола 'проводить испытания, организовать встречу, проверить'. Лексическая единица *saɔnaga* исполь-

зуется как глагол 'избавиться от чьего-то присутствия, попрощаться', как существительное 'прощание, форма приветствия, до свидания', указывает на отсутствие чего-то. Данный этап соответствует базилекту в терминах Биккертона.

Устойчивый пиджин характеризуется относительно стабильной системой словосочетаний, преобладанием простых предложений с вводным компонентом распространения [Грошева. 1982], который рассматривается как признак устного повествования; а также встречается в текстах сказок или повествований на пиджине. Вводный компонент вводится при помощи форманта *ia* в начале и в конце придаточного предложения: *Meri ia em i yangpela meri, draipela meri ia em harim istap*, ср. англ. *This girl who was a young girl, big girl, was listening*; *Disfela liklik boi ia tupela kisim em ikam ia em em ilalk igo kuk*, ср. англ. *This little boy that the two of them had brought was going to go fishing*.

Креольский язык характеризуется более развитой в сравнении с устойчивым пиджином системой синтаксических моделей, в частности появлением сложного предложения, использованием формантов для обозначения грамматических категорий, разнообразием словообразовательных моделей, а главное — расширением стилистического и социально-функционального объема применения языка. Под влиянием синтаксиса базисного языка, которое на данном этапе проявляется особенно рельефно, происходит декреолизация и различаются мезолект и акролект как различные степени владения креольским.

Динамика развития синтаксиса в языках-пиджин и креольских условно может быть представлена как развитие от базилекта через мезолект к акролекту [Bickerton. 1975], т.е. как процесс трансформации от мифического универсального или же прото-языка к нормам базисного европейского языка. Примером такой динамики может быть выражение *im fi kaal mi breda* 'он ее брат', зафиксированное в различные годы в речи носителей креольского: *im fi kaal mi breda* (зафиксировано в 40-е годы); *shi tu kaal im broda* (зафиксировано в 1960 г.); *she is to call him brother* современный вариант (70-е годы).

Изменение высказывания шло по линии лексикализации *im > she* и фактически связано с приближением произношения креольского к нормам базисного, в данном случае английского языка: *breda > >broda > brother, fi > to*. Важно отметить, что грамматическое оформление структуры высказывания сохранилось.

Функционально-ситуативная вариативность проявляется в синхронии. Она состоит в том, что в речи одних и тех же говорящих — носителей пиджина или креольского языка — грамматические формы слова и предложения могут варьировать в зависимости от ситуации общения, цели высказывания, его тональности и т.п. Это касается не только устной, но и письменной речи. Так, знакомство с исследованиями, описывающими функционирование современных пиджинов и креольских языков, показывают, что в разных по типу текстах на креольских языках (переписка, газетные тексты) и в различных формах устной речи (бытовое общение, повествование, беседа с интервьюером) возможны случаи морфологического и син-

таксического варьирования (даже в пределах материала, собранного в процессе работы с информантом).

Обсуждая вопрос об особенностях синтаксиса в пиджинах и креольских языках, следует отметить, что способы словосочетаний, моделирования высказывания либо нестандартны, либо расцениваются как отклонения от правил базисного языка. Внутри самого пиджина все факты считаются нормой.

Верхним пределом грамматической вариативности англоязычных пиджинов и креольских языков считаются конструкции стандартного английского языка; нижний порог, так называемый *broad* (широкий) пиджин или креольский разговорный в принципе ничем не ограничен [Bailey. 1966]. Так, преверб *a*¹⁷ в креольских на базе английского относится к так называемым нестандартным формам, используемым для обозначения глагольных категорий наряду с другими нестандартными превербами: *doz, don, bina, bin*.

Преверб *a* обозначает процессуальность: *mi na no wai dem a du dis ting* соотв. англ. *I don't know why they are doing this* 'Я не знаю, почему они это делают'; используется для указания на продолжительность, незавершенность действия *mi a beg dis bai* соотв. англ. *I was begging this boy* 'Я умолял этого парня'; для обозначения повторяющегося действия *Evri de mi a rom a raisfiil* соотв. англ. *Every day I hurry to the ricefield* 'Каждый день я спешу на рисовую плантацию'.

Можно выделить четыре функции преверба *a*: 1) обозначение незавершенного действия прошедшего времени; 2) обозначение незавершенного действия в непрошедшем времени, т.е. действия настоящего времени или переходящего в будущее; 3) указание на регулярно повторяющееся действие в прошедшем времени и 4) указание на действие, регулярно повторяющееся в настоящем времени или переходящее в будущее [Bickerton. 1976]. Таким образом, можно говорить о неразличении действия в прошедшем и не-прошедшем времени. Преверб *a* употребляется в основном в устной речи и, как правило, в условиях неофициального общения [Bailey. 1966]. В иных случаях, при более официальном общении, используется преверб *doz* [Bickerton. 1976. С. 64—65]. Преверб *a* является показателем наиболее отдаленного от английского креольского языка, так называемого базилекта: *Mi a kom back haptanuub ~ I'm coming back in the afternoon. Evribadi bin gatu wach aut an evribodi a de aal abant a rood ~ Everyone had to be on the watch and everyone used to be all over the place, on road.*

Именно в речи носителей базилекта преверб *a* встречается чаще, нежели в речи носителей акролекта (наиболее приближенного к английскому варианту креольского). Соотношение случаев использования преверба *a* в речи носителей базилекта и акролекта составляет 732 к 15 в стандартных текстах; использование форманта *doz* — как 100 к 22 [Bickerton. 1976].

Изучение употребления стандартизированных грамматических форм английского языка (как, например, *-s* — показателя ед. числа 3-го

¹⁷ Происхождение данного преверба возводится некоторыми исследователями к образованиям устных, нестандартизированных форм существования английского языка.

лица, *-ing* — признака отглагольного причастия, *-ed* — показателя прош. времени глагола) с точки зрения соотношений их частотности в речи носителей акролекта и базилекта в креольском языке позволяет говорить о тенденции к англизации креольского языка. Так, *-s* как формант 3-го лица ед. числа в базилекте используется редко; его частотность по сравнению с употребительностью в акролекте характеризуется соотношением 2:41; а употребление *-ed* для прошедшего времени в базилекте соотносится с употреблением этого форманта в акролекте как 5:207; *-ing*-формы в акролекте (515) используются значительно чаще, чем в базилекте (28) [Bickerton. 1976].

Причинами столь значительных колебаний могут быть: 1) стремление информантов говорить на более англизованном креольском в присутствии посторонних, в том числе исследователя; 2) стремление своего исследователя интерпретировать наблюдаемые факты в русле своих предположений, что связано с так называемым эффектом экспериментатора, когда в условиях устного продолжительного контактирования информанты „совершенствуют” или подстраивают свою речь к речевым нормам исследователя, т.е., иными словами, адаптируются к условиям эксперимента.

Частотный признак употребления грамматических конструкций в речи носителей креольских языков, бесспорно, может указывать на разную степень владения английским (базисным) языком, под влиянием которого происходит нормализация креольского. Но не следует забывать о том, что сами форманты имеют разное грамматико-семантическое значение, и частотность их употребления обусловлена семантикой самого высказывания. Так, например, в креольском крио, по мнению исследователей, существует следующая парадигма глагола наст. и прош. времени:

A bin rait	I wrote	‘я писал’
A de rait	I am writing	‘я пишу’
A bin de rait	I was writing	‘я писал’
A don rait	I have written	‘я написал’
A bin don rait	I had written	‘я написал давно’
A bin don de rait	I had been writing	‘я тогда еще писал’

Проверб *bin* означает простое прошедшее: Dem bin gat wan lil haus ~ ~ They had a little house ‘У них был маленький дом’, а также предпрошедшее: Wen mi bin smaala laik a dem pirni dis den mi bin faal a trensh ~ ~ When I was as small as these children, I’d fallen in a canal ‘Когда я был таким маленьким, как эти дети, я упал в канаву’.

Проверб *don* имеет значение регулярности действия, его повторяемости или продолжительности: Wen den don plan dem chip ~ ~ When they have finished ploughing they harrow ‘Когда они заканчивают пахоту, они боронят’. В употреблении *don* и *bin* имеется различие, например: Mi bin gat wan dag ~ I had a dog ‘У меня была когда-то собака, а сейчас у меня нет’; Mi don gat wan dag ~ I have a dog ‘У меня уже есть собака, мне не нужно больше’; Mi bin se da ~ I said that ‘Я уже это сказал и не хочу больше повторять’; Mi don se da ~ I say that ‘Я это сказал, и буду это всегда говорить!’

Интересен факт использования *don* в качестве постверба (что считается более архаичным): *Mashop di plees den wen di plees mashop don yu kek aaf di aksu* ~ Break up the ground, then when the ground is completely broken up, you take oxen off it 'Взрыхли землю, а когда земля будет полностью взрыхленной, уведи быков с поля'. Однако в таких креольских, как сранан, сарамакка, формант *don* не встречается ни в устной речи, ни в пословицах, ни в поговорках. Соответствующие функции там выполняет формант *di*.

Отличается от английского и способ обозначения отрицания в креольских языках. Для так называемого базилекта типично применение частицы *-na* (для всех форм глагола). В мезолекте эта частица заменяется другими формантами: *en, doon(t) di(d)n(t), neva*. Сам факт варьирования выражения отрицания представляет немалый интерес для изучения проблемы социальной обусловленности синтаксических особенностей в языке.

Наиболее поздними способами образования отрицательных конструкций являются формы *izn(t) ~ isn't, wazn(t) ~ wasn't, wudn(t) ~ wouldn't. Doesn't* фиксируется у трех информантов (всего пять раз, от одного до трех раз в речи каждого), т.е. редко. Формы *hadn't* и *wasn't* как показатели прош. времени встречаются соответственно: 161 раз в речи 23 информантов из 30 (от 1 до 28 раз в речи каждого); 284 раза в речи 26 информантов из 30 (от 1 до 32 раз) [Bickerton, 1976].

Переход от базилекта через мезолект к акролекту характеризуется следующими явлениями: 1) не употребляются *doz, did, don*; 2) образуется перфект с формантом *have*; 3) будущее время образуется при помощи форманта *will*; 4) корректируются формы отрицания. Эти явления характеризуют процесс декреолизации, социальная обусловленность которого проявляется в следующем:

1) чем выше социальный статус и социальная активность носителя креольского языка, тем более отчетлива в его речи установка на нормы европейского языка;

2) чем официальнее сфера применения языка, чем более формальные отношения между говорящими, тем сильнее установка на нормы европейского языка.

В качестве примера приведем вариативное оформление одной синтаксической модели в соответствии с социальной стратификацией [Allsopp, 1962].

Из девяти вариантов, используемых для передачи значения прошедшего времени:

1. ai tuld him	}	I told him
2. ai to: ld him		
3. ai tol im		
4. ai təl im		
5. a təl im		
6. ai təl i		
7. a tel i		
8. mí təl i		
9. mi təl am		

только первые три употребляются в речи образованными людьми. Последующие четыре варианта свидетельствуют о более низком уровне образования и характеризуют речь городского рабочего населения. Восьмой вариант представлен в сельском говоре. Девятый — образец речи старого безграмотного индейца-крестьянина, т.е. относится к базилекту. В речи носителей базилекта встречаются три последние варианта. Пятый и шестой варианты — употребляются реже, причем в условиях декреолизации. Первые четыре варианта характерны для речи диктора телевидения и рассматриваются как особенности акролекта или постдекреолизованной речи. Важно отметить, что сопоставление синтаксиса креольского языка на разных этапах его развития, анализ нестандартных диалектных проявлений в речи английского языка подтверждает тот факт, что синтаксическая вариативность может изучаться в социолингвистическом аспекте с вариативностью на фонетическом в лексическом уровнях.

Территориальный тип варьирования выявляется при сопоставлении оформления грамматических моделей в разных англоязычных креольских языках, ср.:

англ. лит.:	[aim gouɪŋ tu wə:k]
сьерра-леонский англ.:	aim goin to wək
западноафриканский англ.:	a di go wək
крио:	a de go wok

Характерно, что и здесь проблема синтаксической вариативности связана с лексико-фонетическим оформлением одной и той же синтаксической модели.

В процессе креолизации и особенно декреолизации креольские языки приобретают значительно больше сходных грамматических и синтаксических особенностей, нежели это наблюдается между креольскими и базисными языками или же между пиджинами [Bickerton. 1975]. Причины тому, видимо, следует искать в увеличивающейся функциональной активности креольских языков, расширении их применения в письменных жанрах (появление газет, стихов и т.д.), а также в ориентации на нормы базисного языка.

Примеры подобного варьирования достаточно многочисленны. Они объясняются разными условиями, в которых протекает креолизация языков на разных территориях. Следует заметить, однако, что территориальный фактор редко действует в чистом виде; чаще всего он осложняется действием факторов социальных, демографических, коммуникативных и т.п. Бывает так, что эти факторы в совокупности оказываются более значимыми, нежели территориальные различия между креолизованными образованиями, что обуславливает появление определенных сходных черт у территориально разобщенных креольских языков.

Особый интерес для социолингвистов представляет сравнение образцов так называемого отрицательного материала, ошибок в речи изучающих язык, с одной стороны, и формальных признаков пиджина — с другой [Schumann. 1981]. Ср. примеры из пиджина и речи испаноязычных учащихся, изучающих английский язык:

- 1) опущение связки: dem goin. Im liklik ~ They going. He small.
- 2) отсутствие вспомогательных глаголов в конструкциях отрицательного предложения: Dem neva tel mi. A no so ~ You no tell me. I no see.
- 3) отсутствие инверсии в вопросительных предложениях: U gon hom? ~ You go home?
- 4) отсутствие грамматических показателей времени глагола: Im tel sama ~ He tell me last summer.
- 5) грамматически немаркированный способ образования притяжательных местоимений: Im de broda. Lag da tabla ~ He the brother. The leg the table.
- 6) конструкции с множественным отрицанием: Non na go neva no cinema ~ Nobody go to no cinema.
- 7) использование формантов do, did, can вместо глагола-связки: Im did leit ~ I do late. A did go work ~ I do working. Im can goin ~ He did going. Dem do black ~ Them can black.

Данные сходства могут быть признаком тенденции к аналитизму, результатом нивелировки грамматических признаков родного и изучаемого языков или влияния родного языка (например, отсутствие инверсии и вспомогательных глаголов в вопросительном предложении в английской речи испаноязычных учащихся может объясняться влиянием соответствующих моделей испанского языка). В целом все это условно определяется как признаки процесса деграмматизации.

Процесс деграмматизации, с одной стороны, является следствием недостаточного знания грамматики второго языка на начальном этапе изучения языка, а с другой — стремлением быть более понятным собеседнику в условиях языкового дефицита за счет упрощения или снятия грамматической информации.

Вопросы социальной обусловленности грамматической и синтаксической вариативности в условиях пиджинизации и креолизации представляют интерес не только в плане общей теории языка, но имеют выход в практику языковой жизни народов, использующих пиджин и креольские языки. Примерно 10—20 млн. людей используют пиджин и креольские языки на основе английского в качестве средства общения. Среди англоязычных креольских есть такие, как крио, который является родным языком для 30 тыс. человек, меланезийский (5 млрд. говорящих), новомеланезийский, один из официальных языков Новой Гвинеи, на котором существует художественная литература, ведутся радиопередачи, издаются газеты, а главное, который является одним из средств межнационального общения в условиях Новой Гвинеи, где используется около 500 неродственных языков.

В меланезийском или ямайском креольском, как в языке с наибольшим объемом функций, в большей степени отмечаются процессы, связанные с декреолизацией [Bickerton. 1975; Bailey. 1966], нежели в таких англоязычных креольских, как сранан и сарамакка, которые используются в основном как средство устного общения в бытовой сфере и в которых сохраняются черты базилекта и последующих этапов развития креольского.

Проблемы развития и функционирования креольских языков обсуждаются как в лингвистическом, так и в функциональном аспектах [TOCS. 1980] и остаются актуальными. Представляется, что дальнейшее изучение вопросов синтаксической вариативности в условиях пиджинизации и креолизации внесет определенный вклад в креолистику и общую теорию социолингвистики.

Очевидно, что при этих условиях изучение особенностей функционирования пиджинов и креольских языков и, в частности, варьирование их грамматической структуры под воздействием социальных факторов является одной из актуальных задач современной социолингвистики.

Проблема социальной обусловленности грамматической вариативности в пиджин и креольских языках представляется сложной. Можно предполагать, что продолжительность существования данного языкового образования, количество говорящих на нем, объем сфер его применения так или иначе обуславливают возникновение модификаций, проявление вариативности на всех уровнях языка, в том числе на морфологическом и синтаксическом. Для процессов пиджинизации и креолизации характерны различного рода редукции, усечения, минимизации грамматического значения с преобладанием ориентации на взаимопонимание при дефиците языка. Следует отметить, что грамматическая полифункциональность наиболее полно проявляется в период, связанный с устными формами общения. Создание письменности и распространение грамотности среди населения, владеющего креольскими языками, формирует предпосылки для стандартизации данного языка, которая в значительной степени проходит под влиянием языка базисного, что объясняет ориентацию креольского на нормы письменного базисного языка в период декреолизации.

Вторым фактором, обеспечивающим сохранение данной тенденции, а именно — ориентации на нормы базисного языка, является распространение английского языка в странах, где имеются креольские языки. Факты, указывающие на совпадение конструкций на уровне синтаксиса в речи учащегося, изучающего английский язык, и в англоязычном пиджин, позволяют предполагать, что такого типа образования связаны прежде всего с недостаточным владением языком, поскольку они исчезают в процессе дальнейшего обучения.

В статье использован материал, представленный в работах специалистов, проводивших полевые исследования пиджинов и креольских языков. Данный материал позволяет охарактеризовать некоторые особенности грамматической вариативности в языках данного типа как в диахронии, так и в синхронии.

Условное выделение таких типов языковой вариативности, как диахроническая, территориальная и функционально-ситуативная, отражает возможные лингвистические факторы, обуславливающие варьирование: временная, территориальная отдаленность, различный ситуативный контекст. Однако вопрос о природе языковой (речевой) вариативности не может быть ограничен только названными моментами.

В связи с изучением грамматической и синтаксической вариативности в условиях пиджинизации и креолизации возникает ряд вопросов,

имеющих выход в общую теорию языкового развития и в область социально-функционального подхода к языковым модификациям в плане диахронии и синхронии, в частности, проблема изучения данного вида вариативности, вопрос о приемах выявления и изучения грамматической вариативности в сравнении с вариативностью на других уровнях языка.

При изучении вариативности на уровне лексики можно с различной степенью точности определить источник, время появления и особенности использования той или иной лексической единицы. Выбор и употребление лексических единиц в речи коррелирует с социально-демографическими, социально-лингвистическими характеристиками автора высказывания, письменного или устного, а также с функционально-стилистическими и социально-функциональными параметрами сферы применения языка. Изучение вариативности на уровне фонетики осложнено практической неуловимостью момента перехода одного аллофона в другой как в речи одного индивида, так и в истории языка. Фонетико-фонематическая вариативность в синхронии используется как признак диалектной, жаргонной речи, указывающий на степень овладения нормами произношения второго языка в условиях двуязычия. Литературная норма произношения при этом рассматривается как инвариант.

При изучении вариативности на уровне морфологии и синтаксиса в значительной степени сложнее определить единицу варьирования, а главное — установить инвариант. Грамматическая вариативность рассматривается как проявление динамичности структуры языка и особенностей его узуса. Такой подход позволяет, с одной стороны, не углубляться в обсуждение вопроса об инварианте, а с другой — различать проявление вариативности разных типов и изучать их с учетом а) различных региональных и временных границ их реализации (т.е. в плане диалектологии и истории языка); б) особенностей сферы и функциональной принадлежности текста (т.е. в плане стилистики и лингвистики текста); в) социально-демографических, социально-лингвистических характеристик лиц, использующих язык в качестве первого или второго в устных и письменных видах речи (т.е. в плане социально-функционального подхода к языковым модификациям). Единица синтаксического уровня определяется как словосочетание, предложение, фраза, суперфраза.

Изучение языковой структуры с учетом особенностей синтаксического конструирования универсальных категорий (повествования, вопросительности, восклицательности, отрицания) и способов формального выражения значения модальности (времени, места, процессуальности и образа действия; определенности — неопределенности; количества и качества и др.) в разных языках, с одной стороны, позволяет систематизировать формальные синтаксические модели, отражающие данные категории и модальности в разноструктурных языках, а с другой — дает интересный материал для анализа синтаксической вариативности в пределах одного языка на разных этапах его развития, в разных типах текстов и в разных регионах. Различные способы синтаксического выражения одного и того же значения конкретной

категории или модальности могут иметь корреляции с социально-функциональными и функционально-стилистическими условиями реализации речи.

В последнее время в креолистике все более убедительно отстаивается точка зрения, согласно которой процессы пиджинизации и креолизации могут рассматриваться как характерные для языкового развития, только развертывающиеся более динамично и ускоренно в условиях устных форм коммуникации [TOCS. 1980].

Не менее важным в понимании социальной природы вариативности является вопрос о происхождении пиджин. Постановка вопроса о моногенетическом или полигенетическом происхождении пиджин имеет непосредственное отношение к социалингвистике и, в частности, к проблеме влияния социальных факторов на развитие языка. Моногенетическая концепция в принципе исходит из того, что, сформировавшись однажды, пиджин (вернее, некий протопиджин) затем распространяется в других регионах, где возникает социальная необходимость в таком типе общения.

Полигенетическая теория происхождения пиджин представляется более заманчивой для социалингвиста, поскольку позволяет предполагать, что в аналогичных ситуациях происходят сходные процессы лингвистической адаптации структуры языка или языков к потребностям общения. Именно в данном русле возможна сама постановка вопроса о влиянии социальных факторов на лингвистические особенности различных уровней пиджин, если, конечно, возможно говорить о языковых уровнях по отношению к такому редуцированному типу существования, как пиджин.

Изучение языковой вариативности может различаться: 1) по принципу подхода: соответственно статистический // динамический; 2) по характеру изучения: теоретический, прикладной, экспериментальный; 3) по предметной направленности: диалектологический, стилистический, социалингвистический.

Сложность социалингвистического подхода к данной проблеме состоит в том, что, с одной стороны, до сих пор не решен вопрос о природе вариативности языка, а с другой, не всегда удастся четко соотнести факты языкового варьирования с внелингвистическими факторами речи.

ЛИТЕРАТУРА

Бок Ф.К. Структура общества и структура // Новое в лингвистике: Социалингвистика. М., 1975. Вып. VII.

Грошева А.В. Особенности синтаксического строя ранней латинской прозы // Синтаксические особенности литературных языков на ранних этапах их формирования. Л., 1982.

Домашнев А.И. Теория кодов Б. Бернстайна. Цели и результаты // ВЯ. 1982. № 1.

Дьячков М.В. К типологии креольских языков // Теоретические основы классификации языков. М., 1980.

Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.

Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., 1953.

Allsopp R. Expressions of state and action in the dialect of English used in the Georgetown area of British Indiana: Ph.D. Thesis. L., 1962.

- Bailey B. Jamaican creole syntax. A transformational approach. Cambr., 1966.
- Bailey C. Variation and linguistic theory. Arlington, 1973.
- Berstein B. Elaborated and restricted codes: Their social origins and some consequences // American Anthropologist, 1964. N 66. Part. 2.
- Bickerton D. Dynamics of a creole system. Cambr., 1975.
- Bickerton D., Odo C. Change and variation in Hawaiian English. Hawai. 1976.
- Closs E. Diachronic syntax and generative grammar // Language. 1965. Vol. 41. N 3. Part. 1.
- Craig D. Teaching English to Jamaica Creole speakers // Language learning. 1966. 16.
- Hall R. Chinese pidgin English: Grammar and Texts // Journ. of American Oriental Society. 1944. N 64.
- Hall R. Pidgin and Creole languages. N.Y., 1966.
- Hall R. Pidgin English and linguistic change // Lingua. 1952. N 3.
- Hatcher A.Y. Syntax and the sentence. Point of view // Word. 1956. N 12: 2.
- Jones E. The potentialities of a Krio as a literary language. // Sierra Leone Studies. 1957. N 3:9.
- LePage R.B., De Camp D. Jamaican Creole. L., 1960.
- Mihalic F. Pidgin English (Neo-Melanesian) dictionary and grammar. Illinois, 1957.
- Mühlhäuser P. Structural expansion and process of creolization // Theoretical orientations in Creole studies /Ed. by Valdman A., Highfield A. N.Y., 1980.
- Romain S. Socio-historical linguistics: Its status and methodology. L.; N.Y., 1982.
- Ross A. The Pitcairnese language. L., 1964.
- Schumann J. The pidginization process: A model for second language acquisition. Rowley, 1978.
- Taylor D. Structural outline of Caribbean Creole // Word, 1951. N 7.
- TOCS — Theoretical orientation in Creole studies /Ed. by Valdman A., Highfield A. N.Y., 1980.
- Valkhoff M.F. Studies in Portuguese and Creole. Johannesburg, 1966.
- Voorhoeve J. The verbal system of Sranan // Lingua, 1957. N 6.
- Voorhoeve J. Sranan Syntax. Amsterdam, 1962.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ В ПРОЦЕССАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ВЗАИМОВЛИЯНИЯ ЯЗЫКОВ

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТИПОЛОГИЧЕСКИ РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ КОНТАКТОВ НАХСКИХ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ)

Известно, что в процессах взаимодействия языков необходимо учитывать их внутренние (структурные) особенности, ибо в случае структурной близости (родственности) языков контакты между ними устанавливаются с большей легкостью [Горнунг. 1952. С. 4; Семчинский. 1974. С. 25—26]¹. Однако значительные структурные различия языков далеко не всегда являются препятствием к их взаимодействию и взаимовлиянию. Так, обращаясь к особенностям взаимодействия нахских и тюркских языков, следует отметить их структурно-типологическое несходство. Это, казалось бы, должно предполагать возможность менее интенсивного их взаимодействия, чем в случае с языками родственными и типологически близкими. Однако результаты

¹ На разнообразие лингвистические следствия взаимодействия языков вплоть до "проявления в исследуемом языке процессов, ведущих к языковой смесе", указывает и Ю.Д. Дешериев [1966. С. 42].

контактирования нахских и тюркских языков показывают, что взаимодействие имеет место, и осуществляется оно издавна на разных языковых уровнях: в фонетике, лексике, грамматике воздействие тюркских языков на нахские (чеченский и ингушский) и на лексическом уровне — влияние чеченского языка на изолированные (в чеченском языковом окружении) говоры терского диалекта кумыкского языка [Дешериев. 1963; Керимов. 1967; Гусейнов. 1980; Ольмесов. 1981]. При этом факты возможного влияния нахских языков на другие тюркские языки, носители которых проживали (хазары, болгары, кыпчаки и др.) и проживают (ногайцы) на территории современной Чечено-Ингушетии, до сих пор не стали предметом исследования. В целом с диахронической точки зрения в отличие от предполагаемых некоторыми учеными субстратно-адстратных взаимоотношений тюркских и дагестанских языков [Джидалаев, 1982. С. 8] взаимодействие тюркских (кумыкского) и нахских языков носит, согласно классификации В.К. Журавлева [1982. С. 164—180], адстратно-инстратный характер, так как какие-либо следы субстратного воздействия нахских языков на кумыкский язык, прежде всего его хасануртовский и буйнакский диалекты, легшие в основу кумыкского литературного языка, не обнаруживается. Однако синхронное изучение довольно разнообразных проявлений чеченско-кумыкского и кумыкско-чеченского двуязычия представляет не меньший интерес не только с собственно лингвистической, но и с социолингвистической точки зрения.

Начало установления постоянных связей между носителями названных нахских и тюркским языков можно отнести примерно к V—VI вв. н.э. (после гуннского нашествия), когда предки нахов вступили в контакт с такими древне- и средневековыми тюркскими народами, как хазары, болгары, кыпчаки (половцы) и др. Об этом свидетельствуют древнейшие тюркизмы вайнахских языков [Гусейнов. 1977] (тюркизмы другого нахского языка — бацбийского — еще не изучены): чеч. *дзизаг*, инг. *дзиза* 'цветок' (из савирско-хазарского), чеч.-инг. *каш* 'могильник', *чара* 'медный плоский таз (для стирки белья и крашения)', *сом* 'рубль' (из кыпчакско-половецкого) и др. Не исключено, что древнейшие связи тюркских и нахских языков носили весьма интенсивный характер. Подобное предположение становится тем более вероятным, что в VI в. в степях Предкавказья, в непосредственной близости от горной Чечено-Ингушетии сложился гунно-савирский военно-политический союз, из которого после распада в том же VI в. Тюркского каганата выделились хазары, покорившие первым делом степное население Северо-Западного Прикаспия до равнин при Тереке и перенесшие с началом войн с арабами (середина VII в.) свою столицу Семендер из района Тарков на Терек (в район современной станицы Шелковской Чечено-Ингушской АССР), где она просуществовала до возникновения в конце VIII в. очередной столицы Хазарского каганата на Волге (г. Итиль) [Магомедов. 1983. С. 175—178, 184, 193]. О том, что древние нахи могли поддерживать интенсивные, в том числе языковые, связи с хазаро-болгарами, свидетельствуют, помимо археологических данных (Хазарское городище VIII—IX в. н.э. Гъазар-Гъала ("Хазарская крепость") в непосредственной близости от чечено-

ингушских предгорий [Гадло. 1974. С. 151], хазарские лексические элементы, восстанавливаемые в отдельных дагестанских языках, причем об обратном влиянии дагестанских языков на хазарский "невозможно говорить определенно из-за отсутствия данных по хазарскому языку" [Джидалаев. 1972. С. 5].

Учитывая, что образование основного ядра кумыкского народа относится к X—XI вв., ко времени распада Хазарского каганата и усиления проникновения кыпчаков [Гаджиева. 1961. С. 44], что оформление кумыкского языка в результате смешения огузских и кыпчакских племен происходит до прихода монголов в Европу, т.е. до XIII в. [ИД. 1967. I. С. 184], а распад нахской языковой общности (выделение бацбийского языка) относится к XIII в. (после чего в течение XVI—XVII вв. сепарируются собственно вайнахские языки-диалекты — чеченский, ингушский и аккинский [Гусейнов, Мугумова. 1983. С. 46]) — представляется возможным говорить о следующих основных (в приближенных хронологических границах) этапах взаимодействия нахских и тюркских (кумыкского) языков: нахско-гунно-савиро-булгаро-хазарские (пракумыкские или протокумыкские) контакты IV(VI) — X вв., нахско-кыпчакские (древнекумыкские) контакты XI—XIII вв., вайнахско-средневековые кумыкские контакты XIII—XV (XVII) вв. (в XV в. происходит, по Н.А. Баскакову, окончательное оформление кумыкского языка как новотюркского), чечено-ингушско-аккинско-старокумыкские контакты XV (XVII) — XIX в. и чеченско-кумыкские контакты XIX—XX вв. Более проблематична хронологизация связей носителей вайнахских языков с другим тюркским народом — ногайцами, так как в XV (XVI) — первой половине XVII в. отдельные группы ногайцев кочевали также по р. Терек, а с XVII в. — между реками Аксай и Сулак, откуда под давлением кумыков уже со второй половины XVII в. они уходят на левый берег Терека [Волкова. 1973. С. 76; 1974. С. 80—82]. Поэтому начало установления ногайско-вайнахских связей можно отнести предположительно к XV—XVI вв., позже эти связи перерастают, вероятно, в ногайско-чеченские и ногайско-ингушские. Возможно, в XVI—XVII вв. и позже имели место и ногайско-аккинские языковые контакты. Контакты более раннего периода (XIII—XV / XVI вв.) можно назвать в отношении к современному ногайскому языку вайнахско-кыпчакско-ногайскими (согласно классификации тюркских языков Н.А. Баскакова).

Довольно сложными были и пространственные (ареальные) взаимосвязи нахских и тюркских языков. Факты свидетельствуют, что эти связи носили внутрорегиональный характер, т.е. носители языков проживали на одной территории и наблюдалось "глубокое проникновение больших масс носителей одного языка на территорию, занятую носителями другого языка" [Серебренников. 1955; см. также ВЛА. 1980; ПАК и С 1978; АИ. 1977 и др.]. Так, накануне монгольского нашествия XIII в. "степная зона края была занята частично ирано-язычными племенами аланского союза, частично — тюрками-кыпчаками" [ОИ. 1967. С. 42]. Восточная часть плоскостной Чечено-Ингушетии (восточнее и юго-восточнее устья Сунжи) не входила в сферу аланского влияния, и здесь вайнахские племена находились в тесных

взаимоотношениях с тюркоязычными народами [Багаев. 1968. С. 61]. Тюркоязычное население занимало не только равнинные территории до гор нынешней Чечни (р-н Агишты, Таузен, Герменчик) и селилось вдоль больших рек, как показывает топонимика местностей, прилегающих к рекам Джалке и Аргуну, но и проникало в районы Шатоя и Ушкалой "задолго до того, как на кумыкской равнине образовалась кумыкская этническая группа" [Шавхелишвили. 1961. С. 120]. В середине XIII в. плоскогорная Чечено-Ингушетия попадает под власть золотоордынских ханов. В конце XIV в. равнины Чечено-Ингушетии становятся местом столкновений между ханом Золотой Орды Тохтамышем и знаменитым среднеазиатским полководцем Тимуром (Тамерланом). Спустя некоторое время после походов Тимура здесь все еще обитают племена из числа ногайских орд; воспользовавшись ослаблением Золотой Орды, на берегах Сунжи и Терека расселяются кабардинские племена; с середины XV в. Предкавказье становится объектом периодических набегов крымских ханов (ОИ. 1967. С. 46—48]. Существует также точка зрения о том, что упорное сопротивление было оказано чеченцами монголо-татарским захватчикам "в степной полосе за Тереком, и только после этого монголы углубились в лесную зону, перешли Терский хребет и сразились с карабулаками" [Хизриев. 1974. С. 9] (вайнахская этническая группа).

В итоге "вся топонимика теперешней плоскогорной территории Чечено-Ингушской АССР и частично горная ее часть обозначается словами тюркских языков" [Шамилев. 1963. С. 101]. В то же время иранские по происхождению топонимы малочисленны, а в междуречье Терека и Сунжи они полностью отсутствуют [Виноградов. Чокаев. 1966. С. 94]. Таким образом, весь период до XVI—XVII вв. (начало массового переселения вайнахов с гор на плоскость) характеризуется глубоким, внутрирегиональным проникновением носителей древних и средневековых тюркских языков — предков нынешнего кумыкского и ногайского народов — на современную этническую территорию вайнахов — чеченцев и ингушей.

С XVI—XVIII вв. наблюдается обратный процесс, когда носители вайнахских диалектов начинают осваивать равнинные территории. Первыми поселенцами на равнине были аккинцы, известные в русских исторических документах под названием ококов и довольно рано обособившиеся от других вайнахских народов на территории современного Дагестана в кумыкскоязычном окружении. До последнего времени аккинцы (ауховцы) образовывали языковой "остров" в рамках национальных поселений с преобладающим вайнахоязычным населением, в отличие от носителей плоскогорного диалекта чеченского языка, проживающих в основном в населенных пунктах со смешанным кумыкско-чеченским населением на территории нынешнего Хасавюртовского р-на Дагестанской АССР. В настоящее время наблюдается диффузия аккинского языкового коллектива, так как носители этого вайнахского диалекта проживают в населенных пунктах преимущественно разнородного национального состава. В них, помимо аккинцев и кумыков, живут представители других народов Дагестана и Советского Союза.

Многовековые контакты носителей аккинского диалекта с кумыками Хасавюртовского р-на Дагестана обусловили возникновение нового специфического слоя в его лексике, восходящего по преимуществу к кумыкскому языку. Несмотря на свою сравнительную немногочисленность, этот слой аккинской лексики отличается достаточным семантическим разнообразием (термины родства, элементы ландшафта, бытовая лексика, абстрактные понятия и др.).

Среди слов, усвоенных из кумыкского языка, выделяется: 1) группа слов, неизвестных чеченскому и ингушскому языкам: *хуржанаиш* 'переметные сумы', *эрнак* 'заварка чая', *чит* 'ситец', *ажи* 'мама', *салкха* 'тень', *очар* 'сходка', *нязаг* 'тонкий', *чидам* 'терпение' и др.; 2) слова, неизвестные только чеченскому (*чабакх* 'рыба') или только ингушскому (*той* 'свадьба') в указанных значениях и очень немногочисленные.

Новые местные тюркизмы замещают иногда старые тюркизмы с аналогичным значением: акк. *чит* 'ситец' (чеч.-инг. *басма*), *хальча* 'ковер' (чеч. куз., инг. *кIувс*) и др., а также выступают в облике, более близком к кумыкскому языковому источнику по сравнению с формами чеченского языка: акк. *ирша* 'некрасивый' (кум. *эрши*, чеч. *ирча*), акк. *гIарув* 'сила' (кум. кь(кх)арув, чеч. *гIора*) и др. — и наоборот: акк. *чилпа* 'шумовка' (кум. *чолпу*, чеч. *чольпа*), *тока* 'табак' (кум. *тамаку*, чеч. *томка*).

Более интенсивное в сравнении с собственно аккинским диалектом лексическое влияние кумыкского языка отмечается в пхарчоевском говоре, в котором кумыкские лексические элементы замещают не только исконные формы чеченского и ингушского языков (пхарч. *кол* 'озеро', акк., чеч., инг. *Iам*), но и старые тюркизмы (пхарч. *булакх* 'колодец', чеч. акк., *гIу*, инг. *гIув*), ср. кум. *ковл* 'озеро', *булакх*(кь) 'родник'. Через посредство кумыкского языка в аккинский диалект проникли и отдельные дооктябрьские русизмы, например, акк. *педар*, чеч. *чилак//ведар*, инг. *ведар* 'ведро' (кум. *педре*) [Арсаханов. 1959].

В свою очередь, носители кумыкского языка поселяются на территории Чечни и образуют в настоящее время два языковых "острова" — селения Брагуны и Виноградное, находящиеся в чеченско-русском языковом окружении в Гудермесском и Грозненском районах Чечено-Ингушской АССР. Более всего кумыкских переселенцев, осевших во второй половине XVIII в. в Чечне, живет в с. Виноградное, бывш. Бамат-юрте (основано князем Баматом). Оно делится на две части: Терик-аул (Гјумки-юрт), т.е. кумыкское селение, и Чергес-аул. В последнем живут выходцы из чеченских тейп. Они считают себя кумыками, но помнят свое чеченское происхождение и знают чеченский язык. Родным языком они считают все же кумыкский. "Процесс переселения чеченцев в Виноградное происходит и в настоящее время, причем эти переселенцы быстро переходят на кумыкский язык" [Волкова. 1974. С. 208]. В Гјумки-юрте, как о том говорит само название, живут преимущественно выходцы из Кумыкии.

Анализируя изменения социальных функций взаимодействующих языков, необходимо иметь в виду: 1) характер социальных функций, т.е. социально-коммуникативную роль каждой языковой системы,

функционирующей в пределах рассматриваемого политико-административного объединения и культурного ареала ("средство местного общения", "средство регионального общения", "язык-посредник"); 2) объем социальных функций каждого из взаимодействующих языков, который определяется их использованием в различных сферах человеческой деятельности, 3) наличие форм письменной и устной речи и их нормированность, т.е. каналы взаимопроникновения языков, с учетом которых выделяются следующие четыре типа их взаимодействия: а) взаимодействие по устным каналам до появления письменности, куда мы относим субстратные и суперстратные явления; б) взаимодействие по письменным каналам; в) контакт между письменными и бесписьменными языками; г) взаимодействие как по устным, так и по письменным каналам. [Журавлев. 1982. С. 180—189].

На изменение социальных функций языка оказывают влияние самые разнообразные социальные факторы — "это возникновение земледелия у одних племен, скотоводства у других; возникновение государства, начальной, средней школы, высших учебных заведений; развитие разных отраслей хозяйства и промышленности; письменность, созданная сознательной деятельностью человека; возникновение и развитие науки, различных областей культуры, искусства, появление периодической печати, кино, телевидения и т.д. и т.п." [Дешериев. 1977. С. 7]. Их воздействие на развитие, функционирование и взаимодействие языков может быть стихийным либо сознательным [Дешериев. 1966. С. 41].

Итак, степень, направление и сила взаимного действия языков определяются прежде всего внешними (экстралингвистическими) условиями их контактирования. Со времени появления тюркских племен на Кавказе, установления их господства языки этих племен (хазар, половцев (кыпчаков), золотоордынцев и др.) должны были использоваться и использовались на этих территориях в качестве основного средства общения между местными и пришлыми племенами. И территория современной Чечено-Ингушетии не составила, несомненно, исключения в этом отношении. Знаменательно сообщение арабского путешественника и географа X в. Ибн-Хаукаля о Кавказе: "Хребет этот огромный, говорят, что на нем триста шестьдесят языков; я раньше отрицал это, пока не видел сам много городов, и в каждом городе есть свой язык помимо азербайджанского и персидского" [цит. по: Караулов. 1908. С. 97].

Действительно, с установлением политического господства тюркоязычных народов на Северном Кавказе их языки стали распространяться среди местных народов [Садур. 1977. С. 66], в частности среди дагестанцев [Джидалаев. 1982. С. 5], алан [Кузнецов. 1974. С. 93]. Об этом свидетельствуют хазарские лексические элементы в отдельных дагестанских языках [Джидалаев. 1971], тюркизмы в адыгских языках, проникшие после захвата Северо-Западного Кавказа хазарами (конец VII в.) [Шагиров. 1970. С. 186], северо-тюркские заимствования, составляющие "самую заметную и многочисленную группу староосетинской лексики" после иранской и кавказской [Абаев. 1949. С. 34, 35], древние тюркизмы вайнахских языков [Гусейнов. 1977].

Длительная тюркоязычная традиция на Северном Кавказе обусловила то, что в дооктябрьский период азербайджанский язык широко употреблялся народами Южного Дагестана, ногайский язык был языком экономических связей для адыгов, моздокских осетин, северокавказских грузин и армян, а кумыкский — для аварцев, андийцев, чеченцев, даргинцев и др. [Волкова. 1967. С. 27].

Довольно широко был известен "татарский" (кумыкский) язык среди вайнахов не только в устной ("В XVII в. чеченцы устанавливают тесные торговые и военные связи с кумыками... Основная масса чеченцев в этот период все торгово-обменные операции проводила с помощью кумыкского языка" [Алироев, Бибулатов. 1970. С. 160]), но и в письменной форме. Об этом свидетельствует написанное на тюркском, по нашему мнению, старокумыкском языке письмо 1657 г. из шибутского джамаата (Шатойское общество) царю Алексею Михайловичу — единственный подлинник вайнахских документов XVI—XVII вв. [Кушева, Усманов. 1978]. На "татарском (кумыкском) диалекте" была оформлена известная присяга о вступлении в Российское государство чеченских селений Большой Чечен и Аджи, а также другие аналогичные документы XVIII в. [Виноградов, Умаров. 1979. С. 47, 49]. И в XIX в., несмотря на распространение в крае русского языка, жители соседних ингушских селений приезжали в основанное в 20-х годах XIX в. кумыкское село Кизляр (Гушки-Юрт), чтобы выучить кумыкский язык [Волкова. 1974. С. 209].

Специфичность языковой ситуации дооктябрьского периода на Северном Кавказе (употребление тюркских языков в региональном масштабе), в том числе в Чечено-Ингушетии, не могла не обусловить и то, что межплеменной "татарский" тюркский язык становится известным и русским писателям, посещавшим Кавказ в первой половине XIX в. Еще А.А. Бестужев-Марлинский писал: "Меня очень любят татары за то, что я не чуждаюсь их обычаев, говорю их языком" [1847. I. С. 107]; "С ним, как с французским в Европе, можно пройти вконец всю Азию" [1847, II. С. 114. Примеч.]. Известно, что Бестужев-Марлинский в период своей жизни в Дербенте (1830—1834 гг.) занимался изучением тюркского языка [Андронников. 1948. С. 145—148; Бестужев-Марлинский. 1937. С. 20]. В 1837 г. М.Ю. Лермонтов писал из Тифлиса: "Начал учиться по-татарски, язык, который здесь, и вообще в Азии, необходим, как французский в Европе..." [1953. IV. С. 343; Михайлов. 1951. С. 134].

"Татарский" (кумыкский) язык изучался Л.Н. Толстым во время его пребывания в Чечне в 1851 г., о чем свидетельствует следующая запись в дневнике: "После обеда (мало есть) татарский язык, рисование, стрельба, моцион, чтение" [1956. С. 75]. В примечании же сказано: "То есть кумыкский язык" [Там же. С. 525]. Изучению кумыкского и отчасти ногайского языка писателем способствовали, по мнению исследователей, занятия восточными (арабским и турецко-татарским) языками в период его обучения в Казанском университете [Михайлов. 1953. С. 198, 200].

Местные тюркские языки-коммуниканты были известны на Северо-Восточном Кавказе и русскому (казачьему) населению. Так, в докумен-

те XVIII в. сообщается, что в горские села посылаются только терские казаки, "понеже у них имеются тамошнего языка знающие" [ЦГВИА, ф. ВУА, д. 61664, ч. 8, л. 70]. Не случайно, А.А. Бестужев-Марлинский писал о русском населении края — казаках: "Казаки отличаются от горцев только небритою головою: оружие, одежда, сбруя, ухватка, все горское... Почти все говорят по-татарски, водят с горцами дружбу, даже родство по похищенным взаимно женам" [1937. С. 201]. Говоря о ранней истории гребенского казачества, Л.Н. Толстой в черновом варианте повести "Казаки" отмечал: "Они приняли одежду, оружие, некоторые обычаи чеченцев, выучились татарскому языку, перероднились с чеченцами, брали у них жен, но сами удержали во всей чистоте свой язык и веру" [Виноградов. 1957. С. 36].

Начало изживания "татарского" языка в Чечено-Ингушетии можно отнести к периоду Кавказской войны, когда возникает "особенное наречие, изобретенное русскими и татарами для разговора между собой. Есть много слов на этом странном наречии, корень которых нет возможности отыскать ни в русском, ни в татарском языках" [Толстой. 1958. Т. 2. С. 23]. По верному замечанию Б.С. Виноградова, в процессе многолетнего общения русских с местным населением образуется своеобразный жаргон [1959. С. 193], возникновение которого свидетельствует об обоюдном, хотя и минимальном, представлении говорящих о лексическом составе языков друг друга. Для наглядности приведем отрывок из повести Л.Н. Толстого "Набег" — диалог героя с "татаринном", по всей видимости, переводчиком: Скажите, пожалуйста, что это за огни? — спросил я шепотом у татарина<...>—<...> — Это горской солома на *таяк* связал и огонь махать будет — Зачем же это? — Чтобы всякий человек знал — русской пришел. Теперь в аулах<...>ай-ай, томаша идет, всякий хурда-мурда будет в балка тащить<...> — Так и Шамиль теперь собирается в поход? — сказал я — Йок<...>Шамиль на похода ходить не будет: Шамиль наиб пошел! [1958. Т. 2. С. 23] (ср. у А. Полежаева в поэме "Эрпели": "Уж наши воины слегка Болтать учились по-чеченски, Как встарь учились по-немецки" [1955. С. 252]. Появляются толмачи-переводчики — носители достаточно чистого, по всей видимости, двуязычия, владевшие несколькими местными языками, как в казачьей, так и в горской среде. В материалах М.О. Косвена приводятся сведения о сотнике казачьего полка, уроженце станицы Наурской, Семене Семеновиче Атарщикове (1807 г. рожд.), который был отдан своим отцом, служившим переводчиком, на воспитание в кумыкский аул, где он научился кумыкскому и чеченскому языкам [1961. С. 254—255].

Распространение у народов Северного Кавказа в качестве второго языка русского относится ко второй половине XIX в. По свидетельству современников, кабардинец с чеченцем, осетин с кабардинцем объяснялись обычно по-русски, причем в большей мере русским владела осетины и ингуши [Волкова, 1967. С. 30].

Кумыкский язык еще "служит языком международных сношений, хотя в последнее время русский язык начинает замещать его в этой роли, проникая все дальше и дальше в горные ущелья Кавказа", — пишет дореволюционный исследователь [Лопатинский. 1893. С. 60].

С 70-х годов XIX в. среди населения Западной Чечни, преимущественно равнинных селений, отмечается распространение русского языка, тогда как в Восточной Чечне по-прежнему продолжал употребляться в качестве средства общения кумыкский язык [Волкова. 1967. С. 30]. О сложности языковой ситуации в этот период свидетельствует тот факт, что чеченское население, соседствующее с Салаватией и Дагестаном (ауховцы, зондаховцы, качкальковцы, отчасти ичкеринцы), владело аварским и кумыкским языками, что было необходимо для ведения торговли, происходившей в основном в Эндери (Андрей-аул), Новом Аксае и Брагунах, тогда как чеберлоевцам, как и ичкеринцам, приходившим на базары в Анди и Ботлих, был известен аварский язык [Там же. С. 28]. О распространении русского языка на Кавказе В.И. Ленин писал: "На Кавказе представители нерусских народностей сами стараются научить детей по-русски" [Т. 23. С. 423]. Однако основная масса горцев была угнетена и безграмотна.

В настоящее время, когда функцию языка межнационального общения в СССР выполняет русский язык, взаимодействие тюркских (кумыкского, возможно, ногайского) и нахских, точнее вайнахских, (преимущественно чеченского) языков ограничивается речевым и диалектными уровнями, не затрагивая их нормированных систем.

ЛИТЕРАТУРА

- Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23.
 Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. Т. 1.
 АИ — Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977.
 А.широв И.Ю., Бибулатов Н.С. Материалы к вопросу о тюркских заимствованиях в вайнахских языках // Изв. Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы. Грозный, 1970. Т. 9. Вып. 2.
 Андроников И. Лермонтов. Новые разыскания. М., 1948.
 Арсаханов И.А. Аккинский диалект в системе чечено-ингушского языка. Грозный, 1959.
 Багаев М.Х. Население плоскостной Чечено-Ингушетии накануне окончательного переселения вайнахов с гор на плоскость (XIII—XVI вв.) // Археолого-этногр. сборник. Грозный, 1958. Т. 2.
 Бестужев-Марлинский А.А. Полн. собр. соч. /4-е изд. СПб., 1847. Т. 1. Ч. 2; Т. II. Ч. 6.
 Бестужев-Марлинский А.А. Избранные повести. Л., 1937.
 Виноградов Б.А. Этнографический материал в повести Л.Н. Толстого "Казачи" // Сов. этнография, 1957, № 3.
 Виноградов В.Б., Умаров С.М. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России. Грозный, 1979.
 Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Иранские элементы в топонимии и гидронимии Чечено-Ингушетии // Изв. Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы. Грозный, 1966. Т. 8. Вып. 2.
 ВЛА — Взаимодействие лингвистических ареалов. Л., 1980.
 Волкова Н.Г. Вопросы двуязычия на Северном Кавказе // Сов. этнография. 1967. № 1.
 Волкова Н.Г. Этнонимы и именные названия Северного Кавказа. М., 1973.
 Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. М., 1974.
 Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961.
 Гадло А.В. Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья: Древности Дагестана. Махачкала, 1974.
 Горнунг Б.В. К вопросу о типах и формах взаимодействия языков // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. 1952. № 2.

- Гусейнов Г.-Р. А.-К. О древнейших тюркизмах чеченского и ингушского языков // Структурно-типологические особенности тюрского и кавказских языков. Грозный, 1977.
- Гусейнов Г.-Р. А.-К. К характеристике тюрско-вайнахских языковых контактов // Вопросы вайнахской лексики. Грозный, 1980.
- Гусейнов Г.-Р. А.-К., Мугумова А.Л. К статистическому и историко-хронологическому анализу лексических схождений и расхождений в отраслевом словарном составе нахских и вайнахских языков и диалектов // Вопр. отраслевой лексики. Грозный, 1983.
- Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963.
- Дешериев Ю.Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966.
- Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. М., 1977.
- Джидалаев А.С. Тюркско-дагестанские языковые контакты: Общая характеристика // Тюркско-дагестанские языковые контакты. Махачкала, 1982.
- Джидалаев Н.С. К вопросу о языке древних тюрков Восточного Кавказа // Сов. тюркология, 1971, N 5.
- Джидалаев Н.С. К характеристике тюркско-дагестанских языковых контактов: на материале азербайджанско-лакских языковых контактов: Автореф. дис.... д-ра филол. наук. Баку, 1972.
- Журавлев В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М., 1982.
- ИД — История Дагестана. М., 1967. Т. 1.
- Караулов Н.А. Сведения арабских географов IX и X веков о Кавказе, Армении и Азербайджане // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Вып. 38.
- Керимов М.А. Очерки кумыкской диалектологии. Махачкала, 1967.
- Кузнецов В.А. Аланы и тюрки в верховьях Кубани: (О новой концепции истории алан Северного Кавказа) // Археолого-этногр. сборник. Нальчик, 1974. Вып. 1.
- Кучева Е.Н., Усманов М.А. К вопросу об общественном строе вайнахов в XVII веке (письмо 1657 г., из ишбукского джамаата царю Алексею Михайловичу) // Сов. этнография, 1978, N 6.
- Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 4.
- Лопатинский Л.Г. Кое-что о кумыках и об их языке // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. 1.
- Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983.
- Михайлов М.В. К вопросу о занятиях М.Ю. Лермонтова "татарским" языком // Тюркологический сборник. М., 1951. Вып. 1.
- Михайлов М.С. Л.Н. Толстой и языки тюркской семьи // Академику В.А. Гордлевскому. М., 1953.
- ОИ — Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967. Т. 1.
- Ольмесов Н.Х. Брагунский говор в его отношении к другим говорам кумыкского языка: Автореф. дис ... канд. филол. наук. Уфа, 1981.
- ПАК и С — Проблемы ареальных контактов и социолингвистики. Л., 1978.
- Полежаев А. Сочинения. М., 1955.
- Садур В.Г. Тюркский элемент в языковой ситуации на Северном Кавказе до 1917 года // Национальная культура и общение (Материалы конференции). М., 1977.
- Семантицький С.В. Семантична інтерференція мов. Київ, 1974.
- Серебренников Б.А. О взаимодействии языков // ВЯ, 1955. N 1.
- Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976.
- Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 12 т. М., 1958. Т. 2.
- Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20 т. М., 1956. Т. 19.
- Хизриев Х.А. К истории чеченцев и их борьбы против монголо-татарских завоевателей и Тимура // Изв. Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы. Грозный, 1974. Т. 9. Ч. 3. Вып. 1.
- Шахеливили А.И. К вопросу о переселении чечено-ингушских племен с гор на равнину // Изв. Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. Грозный, 1961. Вып. 10.
- Шагиров А.К. Основные вопросы синхронного и сравнительно-исторического изучения лексики адыгских языков: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970.
- Шамилев А.И. Пути проникновения ислама к чеченцам и ингушам // Изв. Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы. Грозный, 1963. Т. 3. Вып. 1.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ БЫВШИХ КОЛОНИАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ В ОСВОБОДИВШИХСЯ СТРАНАХ

Разработка проблем онтологии языка требует обращения к таким вопросам, как социальная обусловленность происхождения и развития языка, причины и характер количественных и качественных изменений в языке в процессе его исторического развития, диалектическое противоречие между устойчивостью и изменчивостью, заложенными в природе языка, взаимодействие внутренних и внешних факторов эволюции языка и др. [см. Панфилов. 1982. С. 8—10; ОЯ. 1983]. Изучение проблем функционирования и развития бывших колониальных языков за пределами метрополий, на территориях десятков стран мира может дать ответы на многие из поставленных выше вопросов, равно как и раскрыть новые стороны языкового бытия.

Несовпадение языковых и государственных границ, столь частое в истории и современной жизни мира, приводит к тому, что один и тот же язык существует и развивается в неодинаковых условиях. Распространение ряда европейских языков (английского, французского, испанского, португальского и др.) в разных национально-государственных объединениях в Европе, Азии, Африке, Северной и Южной Америке, способность этих языков удовлетворять коммуникативные потребности в рамках гетерогенных культур, не смешивая их, связаны с наличием реально употребляемых языковых вариантов. В целом здесь можно выделить четыре типа языковых ситуаций: 1) варианты языка образуются вследствие того, что территория, населенная данной народностью, вошла в состав разных государств, и это повлекло за собой культивирование диалектных различий (немецкий язык в Австрии и Швейцарии, французский язык в Бельгии и Швейцарии); 2) варианты языка складываются в результате распада национального сообщества на новые "коллективы сношений" и образования на прежней территории самостоятельных государств (немецкий язык в ГДР и ФРГ, корейский в КНДР и Южной Корее); 3) образование вариантов языка обуславливается эмиграцией его носителей, созданием колоний и формированием в них новых языковых общностей; при этом данный язык остается родным для соответствующего социума (английский язык в США и Канаде, испанский в Латинской Америке); 4) варианты литературного языка возникают в странах, где он используется в качестве основного (или важного дополнительного) средства официального общения, не являясь родным для населения (английский, французский и португальский языки в развивающихся странах Азии и Африки).

Как видно, ситуации третьего и четвертого типов имеют некоторое сходство, поскольку в обоих случаях варьирование литературного языка наступает вслед за его перенесением на колонизованную территорию и связано с последующим развитием в условиях относительной изоляции от первичного, или центрального, ареала. Однако принципиальное отличие ситуации четвертого типа состоит в том, что бывший колониальный язык, исторически закрепившись на данной территории и часто обладая статусом единственного государственного (официального) языка определенной страны, не имеет престижа национального средства общения, т.е. не является национальным

языком для его носителей, функционируя (при двуязычии и многоязычии) наряду с национальными или этническими (родными) языками говорящих. Подобная ситуация наблюдается в большинстве развивающихся стран Азии и Африки. Она, естественно, влияет на функциональную сторону и через нее на структурное развитие неродного литературного языка.

Ситуация двуязычия (многоязычия) может иметь место и там, где бывший колониальный язык стал национальным (родным). Достаточно сослаться на примеры латиноамериканских стран Парагвая и Перу, население которых наряду с государственным испанским языком весьма широко пользуется автохтонными языками — гуарани и кечуа. Социальный статус этих трех языков неравнозначен, и испанский язык не сужает своих функций.

Р. Барейро Сагьер считает гуарани уникальным в Латинской Америке [1983. С. 12—13]. По его данным, на этом языке в Парагвае говорят 95% населения, из них 45% владеют еще и испанским языком; таким образом, 50% знают лишь гуарани и 5% — лишь испанский. Использование гуарани не ограничивается глубинными районами, он проник в города, его применение не ограничивается и какими-либо слоями общества, как это происходит с исконными языками в других странах.

Однако, несмотря на такое широкое распространение, гуарани, согласно ст. 5 Конституции страны, назван национальным языком, тогда как испанский той же статьей возводится еще и в ранг официального языка. Языковая политика правящих классов не способствует превращению гуарани в национальный литературный язык: он не используется как средство обучения и как язык художественного творчества. По сути дела, сохраняется ситуация колониального периода, когда гуарани занимал подчиненное положение по отношению к испанскому языку и не мог соперничать с ним по объему выполняемых общественных функций.

Несколько иначе сложилась судьба другого автохтонного языка — кечуа. В мае 1975 г. этот язык был провозглашен официальным в Республике Перу наравне с испанским. Эта мера была принята с целью укрепления роли кечуа в национальном сообществе и борьбы с представлением о социальной неполноценности и этого языка и тех, кто на нем говорит. В настоящее время в Перу, где общая численность населения составляет 16 млн., от 6 до 8 млн. человек в разной степени владеют испанским и кечуа и примерно 1600 тыс. — только кечуа. Таким образом, примерно половина населения в языковом отношении находится в таком же положении, как и в Парагвае. Однако есть одно отличие: эта половина населения в языковом отношении изолирована от другой половины вследствие явного отсутствия коммуникации, а также презрительного отношения к тем, кто говорит на кечуа [Барейро Сагьер. 1983]. Следовательно, несмотря на объявление юридического равенства языка кечуа с испанским, которое привело к возникновению ситуации государственного двуязычия в Перу, фактического равенства между ними пока не наступило, и есть основания утверждать, что с функциональной точки зрения испанский язык

по-прежнему доминирует в большинстве сфер речевого общения. Его позиции вследствие длительной и интенсивной колонизации, а также метисации населения, для которого он стал родным языком, оказались настолько прочными, что он и в будущем, очевидно, будет занимать место ведущего национального государственного языка в названных странах.

Прочность позиций испанского, а также португальского языка, укоренившегося в Бразилии, на территории новой Романии, как часто называют романскую часть Америки, не сравнима с тем положением, которое занимают эти и другие европейские языки, прежде всего английский и французский, в освободившихся странах Азии и Африки. Это положение характеризуют две основные черты: 1) небольшое число носителей (не более 10—15% от общей численности населения) даже при официальном его статусе и 2) неполнота социальных функций (европейский язык, не будучи родным для его носителей, используется преимущественно в двух сферах — управления и образования).

Провозглашение европейских языков официальными в бывших колониях вызывалось рядом причин. Главными среди них были следующие: отсутствие национальных письменных языков с развитой стилевой дифференциацией, образование которых всячески тормозилось колонизаторами, и относительная нейтральность языков метрополий на фоне этноязыковой неоднородности населения этих стран. Но этот вынужденный акт отнюдь не решил проблему национальных государственных языков и не превратил бывшие колониальные языки в родные языки подавляющего большинства населения развивающихся стран. Английский, французский, португальский и другие европейские языки, не являясь народно-разговорными языками в развивающихся странах (эту функцию выполняют один или несколько этнических языков), существуют в них как элементы сложных социально-коммуникативных систем и, разумеется, подвержены влиянию других элементов этих систем. Весьма показательны в этой связи данные о распространении франкоязычия в мире, приведенные А. Доппанем: из 200 млн. вероятных "франкофонов" только для 60 млн. человек этот язык является родным. Приблизительно 66 млн. человек живут в странах, где французский язык является официальным. В остальное число входят те, кто говорит по-французски по воле сердца или случая [Le français..., 1973. С. 42].

Парадокс нынешней языковой ситуации в большинстве освободившихся стран заключается в явной диспропорции между престижным положением западных языков как средств официального общения (на шкале общественных функций максимальная функция) и незначительностью проникновения их в социальную структуру населения, а также ограниченным количеством сфер использования (см. подробнее [Чередниченко. 1983]). Пути преодоления указанного парадокса видятся в сознательном распространении неродных европейских языков среди населения развивающихся стран путем ликвидации неграмотности. Вместе с тем расширение использования национальных (этнических) языков (а такая тенденция четко прослеживается в современном языковом развитии этих стран) способно привести к даль-

нейшему ограничению функций западноевропейских языков, превращению их исключительно в языки международных контактов и сотрудничества (пример Индии, Бирмы, Танзании, Эфиопии, арабских стран).

Однако узость социальной базы и ограниченность общественных функций литературного языка сами по себе не гарантируют стабильности и гомогенности его норм или так называемого континуума, в котором этот язык якобы существует, не изменяясь. Факты национально негомогенных литературных языков, распространенных на большой территории в нескольких языковых ареалах, в том числе и европейских языков, функционирующих в экзогlossных ситуациях развивающихся стран, свидетельствуют об обратном.

Отстаивая незыблемость метропольных стандартов западноевропейских языков, зарубежные лингвисты при характеристике ситуации в развивающихся странах часто прибегают к двучленной формуле Ч. Фергюсона и Дж. Фишмана, согласно которой западный язык существует здесь в двух формах: 1) официальный язык, соответствующий центральной разновидности; 2) разговорный язык "пиджин" [см., например, Wald и др.: 1973]. Но что такое центральная разновидность языка, и совпадает ли это понятие с так называемым стандартным языком? Ответ на второй вопрос может быть только отрицательным. Отождествляя понятие центральной, т.е. метропольной, разновидности с неким стандартом, из рассмотрения полностью исключают все аспекты языковой стратификации и тем самым пытаются представить язык в бывшей метрополии в виде монолитной гомогенной структуры.

Подобный структуралистский подход к языку как абстрактной статической системе, "существующей в себе и для себя", никак не согласуется с реальной действительностью. Ведь и та форма диалектного языка¹, которая существует в метрополии, неоднородна, она имеет несколько уровней (или стратов) — от низшего, диалектного уровня через городские полудиалекты и разговорно-литературную речь к высшему, книжно-литературному, что не позволяет приписывать ей единый стандарт. Бесспорным является выдвинутое в свое время В.В. Виноградовым положение о том, что "общий язык любой эпохи распадается на ряд социально-языковых контекстов как в сфере книжно-письменного, так и разговорного выражения" и что "сама по себе антитеза Ф. де Соссюра не может подвести исследователя к проблеме языка литературно-художественных произведений" [1980. С. 83].

Нет необходимости подробно останавливаться на анализе понятия "стандартный язык", часто применяемого на Западе к живым литературным языкам, поскольку его антидиалектический характер полностью раскрыт Р.А. Будаговым [1977. С. 177—178]. Добавлю лишь, что европейские литературные языки "нестандартны" как на своей родине, в Европе, так и в бывших колониях, имея в обоих случаях разную социальную и функциональную стратификацию.

¹ Под этим термином понимается язык, рассматриваемый как совокупность его территориальных разновидностей на уровне диалектов или других форм речи выше диалектного уровня [Степанов, 1979. С. 291].

Относительно такой формы существования западных языков, как пиджин, можно заметить, что в современных языковых ситуациях развивающихся стран она представлена сравнительно редко и обычно в условиях изолированного островного ареала, где пиджин может пройти стадию нативизации и постепенно превратиться в креольский язык (например, Сейшельские острова). Отмирание пиджинов там, где прежде они служили языками-посредниками в контактах автохтонного большинства с белым меньшинством, объясняется тем, что в большинстве случаев население стран Азии и Африки не пользуется этими упрощенными разговорными формами бывших колониальных языков в сфере бытового общения. Как уже отмечалось, эту функцию в каждой из стран выполняет один или несколько автохтонных языков.

Между тем тот факт, что западные языки развиваются в бывших колониях по несколько иному пути, чем путь, по которому их развитие идет на родине, сегодня уже никем не оспаривается. При этом далеко не все зарубежные лингвисты принимают социально обусловленные изменения в "своих" языках при функционировании в новых условиях как данность, как нечто естественное и имеющее право на существование. В ряде работ такие изменения по-прежнему называются "ошибками", результатами недостаточной языковой компетенции говорящих или их неспособности использовать нормированные синтаксические модели и даже сравниваются с "сигналом об опасности распада языка" [Le français... 1973. С. 17; Lafage. 1976. С. 605]. Разумеется, такой взгляд на проблему языковых изменений вытекает из стремления рассматривать язык в отрыве от конкретной речевой деятельности, с точки зрения некоей идеальной нормы, создаваемой в метрополии одним или несколькими нормализаторами. В нем проявляется весьма распространенная на Западе концепция языкового планирования, наиболее полно изложенная Э. Хаугеном. Ученый определяет это понятие как "преднамеренное подталкивание языкового изменения в нужном направлении" и как "оценку языкового изменения", отводя главную роль в языковом планировании "нормализатору (language planner), который принимает решения" [Haugen. 1966. С. 50—67; Хауген. 1975. С. 452—455, 466—467; см. также Жлуктенко. 1983]. Не отрицая роли личности в выработке нормативных рекомендаций, следует отметить, что при таком подходе явно недооценивается фактор языковых потребностей коллектива говорящих, выступающий важнейшей предпосылкой как самих изменений в языке, так и их планирования.

Сформировавшимся разновидностям бывших колониальных языков нередко приписывают диалектный статус, но при этом все же допускают возможность применения к ним понятий единообразия и образцовости. Например, Дж. Гринберг, характеризуя общность признаков языковой жизни в Африке, констатирует, что многие африканцы с самого начала имеют дело с европейским языком в том виде, в каком на нем говорят африканцы, и, естественно, готовы принимать за образец именно эту его разновидность. Это ведет к возникновению достаточно единообразных "диалектов" английского и фран-

цузского языков, которые, собственно, ни для кого не являются родными языками, т.е. получается нечто, напоминающее индийский английский (Indian English). В таком диалекте или группе диалектов интерференция родных языков оказывается, по-видимому, гораздо меньшей, чем можно было бы ожидать исходя из переходных грамматик соответствующих народных языков [Гринберг. 1972. С. 139].

Описание территориальных разновидностей бывших колониальных языков в терминах традиционной диалектологии не отражает действительной структуры этих форм существования диалектных языков, ассоциируя их с нелитературными типами речи, играющими незначительную социальную роль. Дело в том, что дифференциальные признаки, диагностирующие ту или иную местную разновидность европейского языка в бывших колониях, проявляются не только в разговорной, но и в книжно-письменной речи и связаны как с субстанциональными (инвентарными) изменениями в языке, так и со спецификой функционирования единиц общего фонда. В действительности складывается особый тип варьирования — территориальный вариант неродного литературного языка, характеризующийся наличием двух форм — разговорной и книжной — и в силу этого отличающийся большим разнообразием функций от обычного диалекта, употребляемого, как правило, только в сфере устного бытового общения.

Изучение генезиса варианта неродного (бывшего колониального) литературного языка приводит к заключению, что он исторически возник в результате сложения литературного языка метрополии (основного объекта вывоза в колонии в эпоху ускоренного развития капиталистических отношений) с социальным диалектом (социодialeктом) того белого меньшинства, долгое время жившего в колонии, для которого этот язык был родным, — с одной стороны, и контактов европейского и местных языков — с другой. Возникшая на такой основе новая форма языка, усвоенная представителями автохтонов, многие особенности которой восходят именно к речи колонизаторов, постепенно приобрела литературный статус, чему в большей мере способствовало осознание языковой общностью своей отдельности вследствие государственного обособления.

Говоря о литературном языке как объекте вывоза, нужно подчеркнуть, что при всем своем единстве он не представлял собой однородного образования. Стратификация литературного языка характеризуется тем, что его разговорной форме всегда присущи, по сравнению с письменной формой, большая степень вариативности и менее четко очерченные отличия от внелитературных образований, находящиеся на ее нижней границе, прежде всего от обиходно-бытовой речи. Это явилось причиной того, что в рамках разговорной речи колонизаторов в колонии могли проникать и действительно проникали разные по происхождению диалектные элементы, впоследствии закрепившиеся в речи местного населения (например, южнофранцузские элементы в Алжире и Марокко, валлонизмы во французской речи бывших бельгийских колоний — Заира, Бурунди, Руанды и т.п.).

Разговорная речь используется, как правило, во всех сферах общественной деятельности, но оценка говорящими ее коммуникативного

статуса представляет собой явление сугубо национальное, вытекающее из особенностей бытования литературного языка, его традиций, языковой ситуации и языковой политики и обусловленное ситуацией общения и языковыми установками говорящих [Орлов. 1981. С. 126—128]. Так, в странах Азии и Африки западноевропейский язык чаще всего не служит средством повседневного бытового общения, в котором доминируют этнические языки. Поэтому его устная форма, имеющая территориальные отличия, включает преимущественно литературные образования, используемые в официальном или полуофициальном общении. Однако при условии сознательного распространения и расширения социальной базы неродного языка в его структуре могут появиться окказионально употребляемые элементы вторичных полудиалектов (городское просторечие), специфической особенностью которых является смешение разных языковых систем.

Изменчивость и противоречивость нынешней языковой ситуации в освободившихся странах все же не дают оснований для того, чтобы теоретически исключать возможность постепенного превращения варианта неродного литературного языка в национальный вариант этого языка, охватывающий все сферы речевого общения. Здесь многое будет зависеть от местных условий и языковой политики правящего класса той или иной страны как в отношении бывшего колониального, так и автохтонных языков.

Демократизация неродного языка, направленная на его приспособление к коммуникативным потребностям новых сообществ, и связанная с ней переориентация коммуникации с говорящего на слушающего [Никольский. 1975. С. 108] приводят к постепенной выработке местной литературной нормы этого языка, которая на первом этапе своего становления проявляет известную неустойчивость. Как и в случае национального варианта, степень кодификации нормы не имеет решающего значения для выделения территориального варианта неродного литературного языка. На начальной стадии развития этот тип варьирования может не иметь собственной кодифицированной литературной нормы, но уже тогда обозначивается тенденция к ее выработке, что находит выражение в культивировании местных языковых особенностей образованными людьми, прежде всего писателями и учеными. Известно, что португальский язык в Бразилии не располагает пока кодифицированной нормой и характеризуется большим числом фонетических, лексических и синтаксических вариантов, употребляющихся параллельно в разговорной и письменной речи, так как в стране до сих пор не созданы нормативная "академическая" грамматика и словарь. В связи с этим языковая ситуация в Бразилии вызывает усиление борьбы за упорядочение языковой нормы, что следует рассматривать как стремление к утверждению национального самосознания [Вольф. 1964; Катагощина. 1976; Неруш. 1980]. Между тем отсутствие кодифицированной нормы как одна из социолингвистических особенностей функционирования португальского языка в Бразилии не влияет на его статус национального варианта. Этим лишь подтверждается вывод о сложности и противоречивости процесса образования вариантов национально негомогенного языка в развиваю-

щихся странах, проходящего в условиях диалектического соотношения центральнойязыковых и местных вариантных форм языкового выражения.

Видоизменения нормы языка начинаются с изменений в норме речи, или узусе [Гак. 1976] — ведь абсолютно достоверным признается положение, что в языке не может возникнуть ничего такого, чего не было бы в речи, а в последней часто реализуются возможности, заложенные в самой языковой системе.

Исследования вариантов конкретных языков показывают, что узуальные различия в лексике, вызванные прежде всего изменениями в структуре понятий вследствие неодинаковых условий жизни национально-языковых коллективов, охватывают до 20% лексического состава. Они могут быть связаны с образованием новых слов и заимствованием иноязычных элементов для обозначения местных реалий или новых понятий, а также с семантическим развитием общеязыковых вокабул (расширение, сужение и смещение значений, перенос значения), изменением коннотаций, частотности употребления, переходом из одного состояния или уровня языка в другой и т.п. При отсутствии низшего диалектного уровня средоточием максимума дифференциальных признаков становится разговорная форма литературного языка, в то время как его книжная форма может иметь минимум таких признаков.

Большой интерес представляют изменения в узусе при неизменности языковой формы, приводящие к расхождению между вторичными и первичным (центральной) вариантами языка. Это касается, в частности, идеологической лексики, обращений, слов, обозначающих ассоциативные реалии, и пр.

Определяющим экстралингвистическим фактором изменений в идеологической лексике стал выбор многими освободившимися странами социалистического пути развития с целью построения общества, свободного от эксплуатации человека человеком. Этот фактор обусловил актуализацию в местных вариантах европейских языков таких понятий, как "социализм", "марксизм-ленинизм", "рабочий класс", "авангардная партия трудящихся", "народная власть", "народное собрание (ассамблея)", "плановое хозяйство", "планирование", "пятилетний план (пятилетка)", "социалистическое самоуправление", "аграрная революция", "коллективизация", "кооперированное крестьянство", "социалистическая деревня аграрной революции", "государственное хозяйство (госхоз)", "субботник", "воскресник" и др. Названные понятия семантически не характерны для языков бывших метрополий, хотя их обозначения могут присутствовать в них. В силу господства буржуазной идеологии они не являются там официальными терминами и поэтому практически не употребляются в текстах правительственных декретов, политических документов, кроме документов компартий, иными словами, сфера их функционирования в бывших метрополиях весьма ограничена. В то же время функциональный диапазон терминов социалистической идеологии в официальных языках освободившихся стран довольно широк: они регулярно используются в партийных и правительственных документах, газетной публицистике, устной

пропаганде, учебных курсах и т.д., что повлекло за собой заметный рост частотности этих элементов по сравнению с первичным языковым ареалом, свидетельствующий также об утверждении новых социальных оценок обозначаемых ими понятий.

Функциональная дифференциация наблюдается и в употреблении традиционных форм обращения. Принятые в бывших метрополиях обращения типа русск. *господин*, *госпожа* чаще всего заменяются в официальном общении в таких странах, как Ангола, Бенин, Бурунди, Гвинея, Конго, Мали, Мозамбик, Эфиопия и ряде других, формой *товарищ*. В арабских и некоторых других исламских странах в официальных текстах на европейских языках и в повседневном общении используется обращение, соответствующее русск. *брат*, что связано с мусульманской традицией. Аналогичные формы не имеют подобного узуса на родине бывших колониальных языков. Совершенно очевидно, что упомянутые отличия возникли под воздействием идеологических причин, прежде всего переоценки ценностей, обусловившей сужение сферы употребления метропольных форм обращения при расширяющемся применении местных форм.

Наложение семантической сетки языка на новую действительность сопровождается изменениями не только в области первичной, но и вторичной номинации, отражающей характерные ассоциативные реалии конкретного коллектива. Этот вывод подтверждается, в частности, многочисленными фактами африканского ареала французского языка, в котором целый ряд общеязыковых (исконных или заимствованных) элементов обладает ассоциативно-образным смыслом, которого они лишены в центральной разновидности языка.

В любом языке носителями ассоциативных реалий становятся прежде всего названия самых обыденных предметов и явлений, окружающих человека в повседневной жизни. Именно они вследствие образных сравнений (метафоризации) наряду с выполнением прямой номинативной функции приобретают способность переносного употребления в качестве обозначений признаков и свойств других предметов, а также чувств, душевных состояний и эмоциональных реакций человека. Эти употребления нарицательных имен, создающие ассоциативные образы, варьируются от языка к языку или от одного варианта языка к другому, отражая социально-культурное своеобразие языкового коллектива.

Под влиянием местных этнических языков и усвоенных вместе с ними ассоциаций в африканских вариантах французского языка образному переосмыслению подверглись названия распространенных предметов быта, видов флоры и фауны, явлений природы, а также частей человеческого тела. Достаточно привести здесь в переводе на русский язык лишь несколько африканских фразеологизмов, в том числе пословичного типа, чтобы показать необычное ассоциативно-образное употребление некоторых ключевых понятий, не имеющих такого употребления на европейской почве: белый как *кокосовый* орех (ср. белый как снег, *молоко*); серый (седой) как из волокна *капок*; легкая как *газель*; иметь холодный *живот* (сохранять хладнокровие); живот человека — все равно, что *лес* (о тайне человеческих чувств);

клясться на *фетишах*; сделать *фетиш* (наколдовать, обворожить); навлечь *гром* (навлечь беду); умереть в *черных волосах* (умереть молодым); *пирог* можно сделать из дерева, но не из железа (о невозможном); *горбатый бык* связывается по ногам, а человек — своими обязательствами (о долге) и т.д. [см. подробнее: Чередниченко. 1983. С. 140—146].

Данные вторичных ареалов национально негомогенного языка убедительно доказывают ту решающую роль, которую играет отражение объективной действительности в формировании языковых значений, или так называемой языковой картины мира.

При различении общего и особенного в различных вариантах структурно единого языка очень важно определить принципиальный подход к проблеме инновации вообще: является ли инновацией только новый материал, или же к этой категории относятся и новая функция? Как показывают исследования, отнесение к категории локально-маркированных инноваций новых или специфических функций общих элементов вполне правомерно, ибо общие элементы языка могут по-разному реализоваться в отдельных его ареалах, что является доказательством неравномерности развития вариантных подсистем языка. Это требует строгого соблюдения правила функционального тождества и одинаковых стратов при определении общих и различительных элементов нескольких вариантов единого языка. Соблюдение этого правила, получившего обоснование в работах Г.В. Степанова, Э.А. Макаева и др. [ВП-НЯ. 1980], дает возможность выявить расхождение в узусе одних и тех же языковых форм.

Переход какой-либо местной языковой формы или явления из вторичного варианта в первичный (исходный) чаще всего не снимает вариативности, поскольку при этом сохраняются те или иные различительные признаки (отличия в семантике, валентности и дистрибуции, способности к деривации, стилистической окраске, частотности и др.). Вместе с тем возможность перехода местной формы свидетельствует о взаимодействии разных ареалов одного языка, в формах бытия которого тенденция к интеграции проявляется в диалектическом единстве с тенденцией к дифференциации.

Коллективный узус, поддерживая изменения в английском, французском или любом другом европейском языке, функционирующем в развивающихся странах, даже если они больше заметны в устной, чем в письменной речи, и недостаточно кодифицированы на нынешней стадии развития языка, лишает их социальной окраски, превращая в признаки общетерриториального распространения, и является основой для выработки местной вариантной нормы языка.

Использование вариантов бывших колониальных языков в качестве важных средств внутригосударственного и международного общения в устной и письменной сферах, включая художественную и научно-политическую литературу, не означает, конечно, что эти варианты могут быть приравнены к диалектам, как правило, не выполняющим такие функции и обслуживающим социально ограниченную общность людей только в определенной сфере устного общения. Однако общественные функции вариантов неродных языков, развивающихся в спе-

цифических ситуациях двуязычия или многоязычия, не могут быть всеобъемлющими, что не позволяет отождествлять их с национальными вариантами литературных языков. Сочетание родных и неродных языков в многоязычном обществе приводит к тому, что в сознании говорящих каждый язык приобретает символическую значимость, т.е. вызывает постоянные ассоциации с определенной областью или областями деятельности. Например, относительно стран Восточной Африки (Танзания, Уганда и др.) установлено, что если языку суахили противостоят местные языки, а также английский, использование любого из этих языков становится не только функциональным в той или иной социальной сфере: язык начинает эмоционально ассоциироваться с этой сферой, приобретая символическую значимость, что используется в политических целях. Так, суахили ассоциируется с независимостью и формированием государственности, английский язык, как язык колонизаторов, предстоит отвергнуть, местные же языки несут на себе печать племенного мышления. В то же время все большее распространение в африканской среде получает идея о том, что истинно национальное можно отразить только через посредство автохтонных языков, так как суахили — язык, чуждый местной культуре, а английский обслуживает лишь административно-экономическую сферу [Поломэ. 1982. С. 109—110].

Интересные сведения о соотношении европейского и африканских языков сообщил в беседе с автором студент-филолог из Сенегала Ка Усман, 25 лет. Он принадлежит к народности фульбе, составляющей около 40% населения страны, и считает фула своим родным языком. На этом языке, который в Сенегале имеет францизированные наименования пулар, или пель, Ка Усман общается с членами своей семьи и с представителями его народности, а также слушает радиопередачи. Среднее образование получил на французском языке, являющимся для него прежде всего письменным языком, и пользуется им в административно-деловой сфере, при чтении газет, журналов, научной и художественной литературы, при просмотре кинофильмов и телепрограмм, а также для контактов с французами и белыми иностранцами, проживающими в стране. Кроме того, Усман владеет языком вольф (самым крупным этническим языком, на котором говорят от 80 до 90% сенегальцев) и может поддерживать на нем повседневное трудовое и бытовое общение. За годы учебы в Советском Союзе он изучил русский язык, преподавателем которого готовится стать, и теперь со студентами из других африканских стран предпочитает разговаривать по-русски. Ка Усман выразил распространенное в среде интеллигенции мнение о том, что французский язык должен постепенно отойти на второй план в структуре языковой ситуации страны, перестать быть ее единственным официальным языком.

Статус варианта литературных разновидностей западноевропейских языков в развивающихся странах определяется на основе таких характерных социолингвистических признаков, как территориальная обособленность и автономность развития, государственное значение, нормированность, наличие стилей, наличие художественной и научно-

политической литературы [Степанов. 1976]. Становление местных вариантных норм бывших колониальных языков проходит в постоянном взаимодействии и борьбе вторичных территориально-маркированных форм языкового выражения с первоначально сложившимися на его родине центральноязыковыми формами, отражающими исторический опыт первичного коллектива говорящих. Последовательное накопление качественных изменений в системе языка постепенно приводит к сдвигу нормы: прежняя норма утрачивает значение эталона, и на ее основе формируется вариантная норма. Сосуществование и взаимодействие центральной и маргинальной норм обеспечивают преемственность языкового развития, единство всех разновидностей диалектного литературного языка и в конечном итоге сохранение его системы в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- Барейро Сагьер Р.* Языки индейцев Латинской Америки // Курьер Юнеско. 1983. Т. VIII.
- Будагов Р.А.* Что такое развитие и совершенствование языка? М., 1977.
- ВП-НЯ — Варианты полинациональных литературных языков / Отв. ред. Ю.А. Жлуктенко. Киев, 1981.
- Виноградов В.В.* О языке художественной прозы // *Виноградов В.В.* Избр. труды. М., 1980. Т. 5.
- Вольф Е.М.* Португальский язык в Бразилии // *Нации Латинской Америки: Формирование. Развитие.* М., 1964.
- Гринберг Дж.* Изучение языковых контактов в Африке // *Новое в лингвистике.* М., 1972. Вып. 6.
- Жлуктенко Ю.А.* Теория "языкового планирования" // *Современное зарубежное языкознание: Вопросы теории и методологии.* Киев, 1983.
- Катагощина Н.А.* Языковая ситуация в Бразилии // *Типология сходств и различий близкородственных языков.* Кишинев, 1976.
- Неруш Г.І.* Мовне становище у Бразилії // *Мова і процеси суспільного розвитку.* Київ, 1980.
- Никольский Л.Б.* О некоторых проблемах языкового развития в странах зарубежного Востока // *Социолингвистические проблемы развивающихся стран.* М., 1975.
- ОЯ — Онтология языка как общественного явления / Отв. ред. Г.В. Степанов и В.З. Панфилов. М., 1983.
- Орлов Г.А.* К проблеме границ обиходно-бытовой и современной литературной разговорной речи // ВЯ. 1981. № 5.
- Поломэ Э. (Остин).* Социолингвистически ориентированное обследование: (Анализ деятельности комиссии по изучению роли языков и их преподавания в Восточной Африке) // ВЯ. 1982. № 4.
- Степанов Г.В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976.
- Степанов Г.В.* К проблеме языкового варьирования. М., 1979.
- Хауген Э.* Лингвистика и языковое планирование // *Новое в лингвистике.* М., 1975. Вып. 7.
- Чередищченко А.И.* Язык и общество в развивающихся странах Африки // *Проблемы функционирования западноевропейского языка.* Киев, 1983.
- Haugen E.* Linguistics and language planning // *Sociolinguistics.* The Hague: Paris, 1966.
- Lafare S.* Français écrit et parlé en pays Ewe (Sud Togo). Abidjan. 1976. Т. 2.
- Le français langue sans frontières. P. 1973.
- Wald P., Chesny J., Hily M.A., Pouignat Ph.* Continuité et discontinuité sociolinguistiques. Hypothèses pour une recherche sur le français en Afrique Noire. Nice, 1973.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Глава первая</i>	
Теоретические аспекты изучения социальной обусловленности языка (Ю.Д. Дешериев)	
Постановка проблемы	5
О природе социального фактора	7
О классификации социальных факторов	9
Социальные факторы и внутренние законы языка	14
Влияние социальных факторов на разные уровни языковой структуры	19
<i>Глава вторая</i>	
Соотношение собственно языковых и социально обусловленных процессов в развитии языка	
О причинах фонетических изменений (М.В. Панов)	41
О разграничении спонтанного и общественно детерминированного в развитии языка (Э.Г. Туманян)	55
Стихийное и целенаправленное в развитии общественно-политической лексики и терминологии (на материале немецкого языка ГДР и ФРГ) (Т.Б. Крючкова)	68
Социолингвистический аспект истории литературных языков (В.К. Журавлев)	84
<i>Глава третья</i>	
Влияние социальных факторов на разные уровни языковой структуры	
Социальные факторы в их воздействии на лексико-семантическую систему языка (на материале лексики тюркских языков) (А.Н. Баскаков)	110
Социальный компонент в семантике языковых единиц (Л.П. Крысин)	124
Социальные факторы и функционально-стилистическая дифференциация языка (В.Ю. Михальченко)	143
Социальная обусловленность языкового варьирования при пиджинизации и креолизации языков (на материале синтаксиса и морфологии) (С.И. Трескова)	166
<i>Глава четвертая</i>	
Социальные факторы в процессах взаимодействия и взаимовлияния языков	
Социальный контекст взаимодействия типологически различных языков (на материале контактов нахских и тюркских языков) (Г. Гусейнов)	178
Функционирование и развитие бывших колониальных языков в освободившихся странах (А.И. Чередниченко)	188